

2078-8975 (PRINT)
2078-8983 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin of Kemerovo State
University

Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo
universiteta

TOM 24 № 4
2022

Вестник Кемеровского государственного университета = The Bulletin of Kemerovo State University

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989.
Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов
Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ,
Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств
Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала,
проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik.kemsu.ru>

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal
Service for Supervision of Communications, Information Technology
and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region
(Kuzbass), Russia, 650000.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue
"The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals
recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian
Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO,
ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those
of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have
to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal,
undergo double-blind peer review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International
License.

For more information about our publishing politics, instructions for
authors, and archives of full-text issues, please visit our website:
<https://vestnik.kemsu.ru>

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Серый Андрей Викторович, главный редактор (КемГУ)
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора
по направлению «История» (КемГУ)
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History
vasutin2012@list.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь (КемГУ)
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению
«Филология» (КемГУ)
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary Studies
tatianakuznetsova86@mail.ru

Вестник Кемеровского государственного университета – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии, литературоведения и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Andrey V. Seryu, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.),
Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Sergey A. Vasyutin, Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.
(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Alexander E. Anikin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Member of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladimir V. Bobrov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).
Galina A. Zhilicheva, Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk
State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Vasily P. Zinoviev, Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).
Yuriy V. Kobenko, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk
Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).
Vladimir N. Kolotov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg,
Russia).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Экстер, Великобритания).
Ekaterina Kolpinskaya, PhD in Politics,
Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).
Ilya V. Kuznetsov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk,
Russia).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Oleg V. Lukyanov, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk
State University (Tomsk, Russia).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).
Galina I. Lushnikova, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Humanities and Education Science Academy (branch)
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Yalta, Russia).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalia V. Melnik, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).
Anastasiya V. Miklyayeva, Dr.Sci.(Psychol.), Assoc.
Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск,
Россия).
Vyacheslav I. Molodin, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Member of the RAS, Institute of Archeology and
Ethnography of the Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia).

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, literature studies and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalya V. Nalegach, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladislav A. Ovchinnikov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University
(Czestochowa, Poland).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Институт иностранных
языков (Санкт-Петербург, Россия).
Marina V. Pimenova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Institute
of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Sergey G. Proskurin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Zoya I. Rezanova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).
Svetlana V. Rudakova, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).
Vladimir P. Serkin, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher
School of Economics (Moscow, Russia).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Oleg E. Terekhov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Valeriy I. Tyupa, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State
University for the Humanities (Moscow, Russia).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Elena V. Khakhalkina, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof.
of Department for Continuing Education,
University of Oxford (Oxford, GB).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).
Alexander V. Shunkov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture
(Kemerovo, Russia).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).
Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D.(Hist.), Prof.,
Mongolian University of Science and Technology
(Ulan Bator, Mongolia).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).
Andrey V. Yurevich, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Corresponding Member of the RAS, Institute
of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Литературные редакторы – И. А. Максимлюк, Л. С. Старикова.
Корректор – Л. С. Старикова.
Литературный редактор (английский язык) – Н. В. Рабкина.
Верстка и дизайн – Н. В. Митько.

Literary editors – I. A. Maksimlyuk, L. S. Starikova.
Proof-reader – L. S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – N. V. Rabkina.
Layout and design – N. V. Mitko.

Уважаемые читатели и авторы!

Очередной номер журнала «Вестник Кемеровского государственного университета» посвящен изложению результатов исследований актуальных проблем психологии. Вашему вниманию представлены статьи о психологических условиях, факторах и механизмах, прямо или опосредовано детерминирующих процессы самоосуществления человека в современных условиях. Рассматриваемая проблематика затрагивает достаточно широкий спектр областей психологического знания – общая психология и психология личности, социальная, медицинская, возрастная, педагогическая психология, психодиагностика. В этой связи разделы номера были сформированы не по отдельным направлениям психологической науки, а по научным проблемам, актуализируемым в современных исследованиях.

В первом разделе Последствия пандемии COVID-19 как вызовы для психологической науки и практики представлены результаты эмпирических и теоретических исследований влияния ситуации пандемии COVID–19 на различные феномены психической жизни. В открывающей раздел публикации «Алекситимия и удовлетворенность потребности в безопасности у студенческой молодежи в доковидный период и период пандемии» демонстрируются общие тенденции нарастания алекситимических проявлений у студентов в период пандемии и неудовлетворенности потребности в безопасности, стабильности, предсказуемости и защищенности от внешнего мира на фоне дезактуализации потребности быть любимым. В обзорной статье «Применение техник когнитивно-поведенческой психотерапии для восстановления когнитивной сферы у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): возможности и перспективы» представлен теоретический обзор отечественных и зарубежных исследований эффективности техник когнитивно-поведенческой терапии при работе с нарушениями когнитивной сферы у пациентов с COVID-19.

Статьи раздела Пространственно-временные и ценностно-смысловые составляющие образа мира и Я-концепции личности посвящены описанию исследований различных психологических аспектов отношения человека к себе, к миру, к другим людям. В качестве объектов исследования в данных публикациях выступают психологические феномены, определяющие образы мира и жизни человека: временная организация психологических переживаний; система представлений о счастье и ценностные ориентации у различных возрастных групп; временная перспектива личности и жизненные сценарии; самооффективность, толерантность к неопределенности, аналитичность–холистичность в восприятии и осмыслении реальности как детерминанты жизненной позиции; Я-концепция и типы привязанности современной молодежи.

В разделе Психологические аспекты межличностной коммуникации онлайн и офлайн освещаются принципы медиативных отношений в контексте гендерных различий, актуальность соблюдения которых обусловлена потребностью в формировании психологически безопасной среды, способствующей конструктивному разрешению возникающих конфликтов. Представлены статьи, посвященные изучению личностных характеристик, детерминирующих коммуникативные процессы в реальной жизнедеятельности и сети Интернет. В них отражаются результаты разработки и психометрического анализа психодиагностического инструментария, позволяющего экспериментально тестировать социально-эмоциональную компетентность личности и ее структурные характеристики, а также демонстрируются данные, подтверждающие, что переживания молодых людей по поводу искусственного разделения ментального Я и физического тела при использовании Интернета сопровождаются ослаблением убеждений в личной эффективности за его пределами.

В завершающем разделе **Психолого-педагогические проблемы развития личности в норме и патологии** рассматриваются психолого-педагогические проблемы развития личности в норме и патологии. Представленные в нем статьи посвящены изложению теоретико-методологических основ разработки психотерапевтической программы, базирующейся на теории и практике схема-терапии, позволяющей уменьшить уровень стресса родителей, воспитывающих детей с ОВЗ; описанию результатов изучения особенностей виктимного поведения подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья; определению понятийного мышления как фактора психологической готовности младших школьников к переходу в среднее образовательное звено.

Приглашаем к сотрудничеству заинтересованных авторов! Наш журнал открыт для обсуждения новых тем и актуальных проблем психологии.

Серый Андрей Викторович
главный редактор, д-р психол. наук, проф., проф. кафедры психологических наук
Кемеровского государственного университета

Последствия пандемии COVID-19 как вызовы для психологической науки и практики

Алекситимия и удовлетворенность потребности в безопасности у студенческой молодежи в доковидный период и период пандемии

Белашева И. В., Олексюк М. Е. 413

Применение техник когнитивно-поведенческой психотерапии для восстановления когнитивной сферы у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): возможности и перспективы

Солодухин А. В., Серый А. В., Варич А. А., Брюханов Я. И., Жихарев А. Ю. 420

Пространственно-временные и ценностно-смысловые составляющие образа мира и Я-концепции личности

Психологические особенности темпомира человека как предикторы процесса решения когнитивной задачи

Бредун Е. В., Щеглова Э. А. 430

Особенности представлений о счастье в детском и пожилом возрасте

Булкина Н. А. 440

Темпоральные аспекты образа жизни жителей Камчатского края

Кулик А. А., Мазуркевич А. В. 446

Межпоколенческие различия в ценностях и выборе видов волонтерской деятельности у молодых и «серебряных» волонтеров

Серова Е. А., Клюева Н. В. 454

Психологические индикаторы жизненной позиции студентов

Фоминых Е. С. 462

Взаимосвязь Я-концепции с типами привязанности у молодежи

Хмелевская О. Е., Дмитриева О. Б. 472

Психологические аспекты межличностной коммуникации онлайн и офлайн

Гендерные различия в соблюдении принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии

Буткевич А. Ю. 482

Разработка и психометрический анализ опросника социально-эмоциональной компетентности личности (QSECP)

Вихман А. А., Галюк Н. А., Горбунова И. В., Катков В. А., Чарный Б. М. 493

Невоплощенность в Интернете как следствие использования современных информационных технологий и убеждения в самоэффективности (на примере студенчества)

Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман А. Я. 504

Психолого-педагогические проблемы развития личности в норме и патологии

Групповая схема-терапия в снижении стресса родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ

Ким К. А., Кадыров Р. В. 517

Особенности проявления виктимности подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья

Микляева А. В., Кайитбекова И. У. 525

Особенности понятийного мышления как фактор психологической готовности младших школьников к переходу в среднее образовательное звено

Санжаева Р. Д., Миронова Т. Л., Шапкин Н. С., Гунзунова Б. А., Галсанова Д. Р. 533

Consequences of COVID-19 Pandemic as Challenges for Psychological Science and Practice

Alexithymia and Security Need Satisfaction in University Student Youth
in the Pre-Covid Period and during the Pandemic

Belasheva I. V., Oleksyuk M. E. 413

Cognitive Behavioral Psychotherapy after COVID-19: Opportunities and Prospects

Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A., Bryukhanov Y. I., Zhikharev A. Yu. 420

Spatio-Temporal and Value-Semantic Components of Worldview and Self-Concept

Psychological Features of the Human *Tempoworld* as Predictors of Solving
a Cognitive Task

Bredun E. V., Shcheglova E. A. 430

Concept of Happiness in Children and Older Adults

Bulkina N. A. 440

Temporal Aspects of Lifestyle in the Kamchatka Territory

Kulik A. A., Mazurkevich A. V. 446

Intergenerational Differences in Values and Volunteer Activity
in Young and Senior Volunteers

Serova E. A., Klyueva N. V. 454

Psychological Indicators of Attitudes in University Students

Fominykh E. S. 462

Self-Concept of Young People with Different Types of Attachment

Khmelevskaya O. E., Dmitrieva O. B. 472

Psychological Aspects of Online and Offline Interpersonal Communication

Gender Differences in the Principles of Mediation Relations

Butkevich A. Yu. 482

Development and Psychometric Analysis of a Questionnaire
of Social-Emotional Competence of the Personality (QSECP)

Vikhman A. A., Galyuk N. A., Gorbunova I. V., Katkov V. L., Charny B. M. 493

Disembodiment of Internet Users as a Consequence of Modern Information
Technologies and Self-Efficacy Beliefs in Students

Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. 504

Psychological and Pedagogical Problems of Personality Development in Normal and Pathological Conditions

Group Schema Therapy for Reducing Parenting Stress in Families with Children
with Disabilities

Kim K. A., Kadyrov R. V. 517

Victimization in Young Migrants from Central Asia and Transcaucasia

Miklyayeva A. V., Kaiipbekova I. U. 525

Conceptual Thinking as Part of Psychological Readiness
of Younger Schoolchildren for Secondary School

Sanzhaeva R. D., Mironova T. L., Shapkin N. S., Gunzunova B. A., Galsanova D. R. 533

оригинальная статья

Алекситимия и удовлетворенность потребности в безопасности у студенческой молодежи в доковидный период и период пандемии

Белашева Ирина Валерьевна
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия,
Ставрополь
<https://orcid.org/0000-0002-1289-2224>
magistratura_ioisn@mail.ru

Олексюк Мария Евгеньевна
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия,
Ставрополь

Поступила в редакцию 28.02.2022. Принята после рецензирования 17.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Изучено влияние ситуации пандемии COVID-19 на удовлетворенность комплексной потребности в безопасности через призму представленности и выраженности признаков алекситимии у студенческой молодежи. Представлены две линии сравнения: показатели алекситимии и связанные с ней параметры субъективного благополучия, эмоционального интеллекта и эмоциональных барьеров в общении в контексте их влияния на удовлетворенность потребности в безопасности у студентов с алекситимией в доковидный период и период продолжения пандемии; у студентов с алекситимией и без признаков алекситимии в период продолжения пандемии. Использование в сравнительном анализе методов математической статистики (угловое преобразование Фишера и t-критерий Стьюдента) позволило определить у студентов в период пандемии общие тенденции нарастания алекситимических проявлений и неудовлетворенности потребности в безопасности, особенно в стабильности, предсказуемости и защищенности от внешнего мира на фоне дезактуализации потребности быть любимым. Обнаружено, что связанная с алекситимией несформированность параметров эмоционального интеллекта, особенно отражающих уровень понимания собственных эмоциональных состояний и возможность ими управлять, способствует формированию ощущения нестабильности окружающего мира, сопряженного с неудовлетворенностью потребности в безопасности и состоянием субъективного неблагополучия. Ситуация пандемии, не оказывая значительного влияния на эмоциональные компетенции и навыки, способствует развитию состояния субъективного неблагополучия у алекситимиков. В большей степени отрицательная динамика затрагивает кластер значимости социального окружения, когда студенты с алекситимией чувствуют себя одинокими, не могут обратиться за помощью, избегают общения с семьей или друзьями.

Ключевые слова: алекситимия, эмоциональный интеллект, эмоциональные барьеры общения, потребность в безопасности, субъективное благополучие, пандемия

Цитирование: Белашева И. В., Олексюк М. Е. Алекситимия и удовлетворенность потребности в безопасности у студенческой молодежи в доковидный период и период пандемии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 413–419. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-413-419>

full article

Alexithymia and Security Need Satisfaction in University Student Youth in the Pre-Covid Period and during the Pandemic

Irina V. Belasheva
North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol
<https://orcid.org/0000-0002-1289-2224>
magistratura_ioisn@mail.ru

Maria E. Oleksyuk
North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

Received 28 Feb 2022. Accepted after peer review 17 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Annotation: The study featured the impact of COVID-19 pandemic on the need for security in students with alexithymia. The authors compared indicators of alexithymia, subjective well-being, emotional intelligence, and emotional communication barriers 1) in students with alexithymia in the pre-COVID period and during the pandemic and 2) in students with alexithymia and control group during the pandemic. The research involved such mathematical statistics methods as Fisher's angular transform (ϕ) and Student's t-test. The data processing revealed an increase in the alexithymic manifestations and dissatisfaction with the need for security, especially in stability, predictability, and protection from the outside world against the background of deactualization of the need to be loved. Poor emotional intelligence associated with alexithymia reflected the level of understanding of one's own emotional states and the ability to control them. It resulted in a sense of global instability,

associated with dissatisfaction with the need for security and a state of subjective distress. The pandemic had no significant impact on emotional competencies and skills but contributed to the development of subjective distress in alexithymics. The negative dynamics affected the cluster of social environment significance: students with alexithymia felt lonely, could not seek help, and avoided communication with family or friends.

Keywords: alexithymia, emotional intelligence, emotional communication barriers, need for security, subjective well-being, pandemic

Citation: Belasheva I. V., Oleksyuk M. E. Alexithymia and Security Need Satisfaction in University Student Youth in the Pre-Covid Period and during the Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 413–419. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-413-419>

Введение

В контексте обострившихся кризисных общественных явлений XXI в. существует необходимость в новом взгляде на современный мир и на то пространство, которое занимает в нем человек, и соответственно в актуализации новых исследований проблем жизнеосуществления человека, среди которых важное значение имеет удовлетворенность потребности в безопасности [1].

Кризисные явления в современном обществе обусловлены целым рядом факторов, среди них: неэкологичная перестройка социально-политических и финансово-экономических отношений, эскалация международных конфликтов, несформированные ориентиры для предстоящего развития, цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности человека и общества, появление нового вируса COVID-19 с последующим объявлением пандемии [2] и ограничительных мер. В этих условиях у населения ожидаемо повышается общий фон тревожности, обостряются коллективные страхи и проспективная рефлексия, развиваются и усложняются психологические защитные механизмы, изменяются формы поведения в стрессовых ситуациях, депривируется потребность в социальной безопасности, снижается удовлетворенность настоящим и отсутствует уверенность в будущем [3].

В своем исследовании мы сделали акцент на ситуации пандемии COVID-19, последствия которой связаны с психологическими эффектами, представляющими, по мнению ряда авторов [4], угрозу безопасности, жизни и здоровью населения. Возникающая в условиях пандемии когнитивная и коммуникативная депривация может приводить к накоплению alexitimических проявлений [5] в виде затруднений понимания и словесного описания своих и чужих эмоций, состояний, телесных ощущений [6]; снижения способности к символизации (фантазиям); дефицита эмоциональных реакций [7], склонности к конкретному мышлению. Часто alexitimию рассматривают как фактор риска при возникновении психосоматических расстройств [8], как результат несформированности эмоциональных компетенций и навыков [9], как защитоподобный механизм человека от непереносимых аффектов, стрессовых и травмирующих ситуаций [10]. Alexitimия может сопутствовать аутизации, тревожность, депрессивность, а также снижение удовлетворенности

потребности в социально-психологической безопасности [11; 12]. О. С. Васильева и Э. В. Гаус к перечисленным компонентам alexitimического пространства личности добавляют низкие показатели субъективного благополучия [13].

Особый интерес вызывают переживания и отсроченные реакции на изменения формата жизнедеятельности при пандемии у студенческой молодежи как особой социально-профессиональной группы, с особым образом жизни и социальным статусом, ценностными ориентациями и культурными нормами, отличающейся высокой психологической и социальной сензитивностью и ориентированной на свободное проявление своей активности [14]. Примечательно, что ряд авторов отмечают распространенность alexitimических проявлений среди молодежи [15; 16]. В контексте нашего исследования, направленного на анализ влияния ситуации пандемии COVID-19 на удовлетворенность комплексной потребности в безопасности через призму представленности и выраженности признаков alexitimии у студенческой молодежи, это ставит дополнительные задачи определения динамики компонентов alexitimического пространства личности молодого человека в условиях нестабильности социальной и эпидемиологической среды.

Методы и материалы

Исследование проведено на базе Северо-Кавказского федерального университета. Общая выборка респондентов составила 120 человек в возрасте 17–22 лет. Первый этап исследования – 2018 г., доковидный период; второй этап – 2021 г., период продолжения пандемии COVID-19. Представлены две линии сравнения: 1) показатели субъективного благополучия, удовлетворенности потребности в безопасности, alexitimии, эмоциональных барьеров в общении и эмоционального интеллекта в доковидный период и период продолжения пандемии; 2) у студентов с alexitimией и без признаков alexitimии.

Использовались следующие психодиагностические методики: Торонтская шкала alexitimии (TAS-20) Дж. Тейлор [17]; шкала субъективного благополучия в адаптации М. В. Соколовой [18]; методика оценки удовлетворительности потребности в безопасности О. Ю. Зотовой [19; 20]; опросник эмоционального

интеллекта (ЭмИн) Д. В. Люсина [21]; методика диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении В. В. Бойко [22]. В качестве методов математической статистики использовалось угловое преобразование Фишера (ф) и t-критерий Стьюдента.

Результаты

Анализ результатов исследования показал некоторое увеличение распространенности алекситимии у студенческой молодежи в период пандемии с 30 % до 36 %. Трудности с описанием чувств (одно из проявлений алекситимии) у студентов с алекситимией в период пандемии возросли на 11,5 % по сравнению с доковидным периодом. Различия между результатами исследований в доковидный период и период пандемии находятся в зоне статистической значимости (t-критерий Стьюдента – 3,2; $p \leq 0,01$).

Анализ удовлетворенности комплексной потребности в безопасности показал, что у студентов с алекситимией в период пандемии она не удовлетворена в 100 % случаях, в доковидный период – в 53,3 %. При этом в большей степени у них актуализирована потребность в стабильности, предсказуемости и в защищенности от внешнего мира. Резко снизилась потребность быть любимым (по-видимому, не актуализируется у алекситимиков в условиях тревожности и стрессовой ситуации). В то же время анализ удовлетворенности комплексной потребности в безопасности у студентов без алекситимических проявлений показал актуализацию потребности быть любимым, а также быть защищенным

от чрезвычайных ситуаций и от опасностей враждебного мира. Актуальна у студентов этой группы и потребность в стабильности, но в меньшей степени, чем у алекситимиков. Значимость различий по удовлетворенности потребности в безопасности в период пандемии и доковидный период между студентами с алекситимией и без алекситимии статистически достоверна (t-критерий Стьюдента – 3,1; $p \leq 0,01$).

Анализ результатов диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении (табл. 1) показал, что в период пандемии у студентов с алекситимией чаще наблюдаются сложности в установлении контактов с другими людьми в связи с переживанием негативных эмоций: у 55,5 % алекситимиков эмоции явно мешают установлению контактов, у 44 % – осложняют повседневное взаимодействие с другими людьми. В целом в период продолжения пандемии у всех студентов с алекситимией диагностированы проблемы с межличностным общением. Тенденции нарастания проблем с межличностным общением в связи с негативным эмоциональным статусом в период пандемии, по сравнению с доковидным периодом, обнаружены и у студентов без алекситимических проявлений, но они выражены в меньшей степени.

В табл. 2 представлены результаты статистического анализа достоверности различий по эмоциональным барьерам в межличностном общении у студентов с алекситимией и без нее в период продолжения пандемии COVID-19, а также у студентов с алекситимией в доковидный период и период пандемии. Различия между студентами-алекситимиками и студентами без алекситимии (в период продолжения

Табл. 1. Частотный анализ показателей методики диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении (В. В. Бойко) у студентов с алекситимией и без алекситимии за 2018 г. и 2021 г., %

Tab. 1. Emotional barriers in interpersonal communication by V. V. Boyko's method in students with and without alexithymia in 2018 and 2021, %										
Этап	Степень влияния эмоций на повседневное поведение								Количество человек	
	13 и более баллов		9–12 баллов		6–8 баллов		до 5 баллов			
	А	К	А	К	А	К	А	К	А	К
2018 (доковидный период)	40	24	53,3	44	6,7	24	–	4	15	25
2021 (период пандемии)	55,5	28,2	44,4	45,4	–	20	–	6,4	18	22

Прим.: А – группа лиц с алекситимией, К – контрольная группа.

Табл. 2. Сравнительный анализ (критерий Фишера) результатов диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении (В. В. Бойко) у студентов с алекситимией и без алекситимии за 2018 г. и 2021 г.

Tab. 2. Emotional barriers in interpersonal communication (V. V. Boyko) in students with and without alexithymia in 2018 and 2021:

Fischer's criterion

Степень влияния эмоций на повседневное поведение	Студенты с алекситимией и без алекситимии (2021)	Студенты с алекситимией (2018 и 2021)
13 и более баллов	$\Phi^*_{\text{эм}}=5,657$	$\Phi^*_{\text{эм}}=2,206$
Зона значений	Зона значимости	Зона неопределенности
9–12 баллов	$\Phi^*_{\text{эм}}=0,085$	$\Phi^*_{\text{эм}}=1,259$
Зона значений	Зона незначимости	Зона незначимости

пандемии), набравшими максимальное количество баллов (13 и более) в пользу явных эмоциональных барьеров в общении, статистически значимы. Различия между студентами с признаками алекситимии в доковидный период и период пандемии по обсуждаемому показателю статистически незначимы. Качественный анализ показателей методики диагностики барьеров в межличностном общении В. В. Бойко обнаружил, что в сравнении со студентами без алекситимии у студентов-алекситимиков в большей степени выражены нежелательность эмоционального сближения, доминирование негативных эмоций, некоторая дефицитарность и ригидность эмоциональных проявлений. Эти тенденции характерны и для доковидного периода исследований и для исследований в период пандемии.

В связи с тем, что одними из основных проявлений алекситимии в аффективной сфере являются несформированные способности к дифференцировке эмоции от неопределенных физиологических ощущений, а также затрудненность вербализации эмоциональных состояний и чувств, логично предположить наличие различий по параметрам эмоционального интеллекта, связанным с осознанием, пониманием и управлением собственными эмоциями и эмоциями других людей, между студентами с алекситимией и без нее. Однако вопрос о динамике показателей эмоционального интеллекта у студентов-алекситимиков в условиях пандемии COVID-19 и ее влияния на удовлетворенность потребности в безопасности является открытым, несмотря на то, что в исследованиях И. В. Белашевой (2014) [23] была доказана связь параметров эмоционального интеллекта с системой психологической безопасности личности (через корреляции с показателями психологической устойчивости и толерантности) и с психологическим благополучием личности [24].

Анализ результатов нашего исследования показал (табл. 3), что в группе студентов с алекситимией параметры эмоционального интеллекта статистически значимо менее сформированы, чем в группе студентов без алекситимии. Это отмечается как в доковидный период, так и в период пандемии. У студентов с алекситимией обнаруживается другой профиль эмоционального интеллекта, определяемый через анализ

шкальных значений методики ЭмИн Д. В. Люсина с применением t-критерия Стьюдента, по сравнению со студентами без алекситимии: в структуре ЭИ алекситимиков в большей степени сформированы способности к управлению эмоциями, а у студентов без алекситимии – способности к пониманию эмоций. В то же время не обнаружена статистически значимая динамика отдельных показателей эмоционального интеллекта у студентов с алекситимией (равно как и у студентов без алекситимии) в период с 2018 г. по 2021 г. (значения t-критерия находятся в зоне незначимости).

Анализ показателей субъективного благополучия в группе студентов с алекситимией показал (табл. 4), что в доковидный период они находились в зоне неблагополучия, в целом характеризующегося наличием депрессивных и тревожных тенденций, пессимистической замкнутостью и плохой переносимостью стрессовых ситуаций. Однако по кластерам напряженности и чувствительности, признакам психопатологической симптоматики студенты алекситимики находились в зоне умеренного благополучия. В период пандемии наблюдается нарастание признаков субъективного неблагополучия по всем кластерам, а по кластеру значимости социального окружения студенты с алекситимией обнаруживают выраженный эмоциональный дискомфорт – не могут обратиться за помощью, чувствуют себя одиночками, не испытывают удовольствие, находясь с семьей или друзьями [25]. Отрицательная динамика субъективного благополучия от доковидного периода к периоду пандемии подтверждается значениями t-критерия Стьюдента.

Студенты без алекситимии в доковидный период исследований демонстрировали умеренное субъективное благополучие на уровне эмоционального комфорта, однако по кластеру напряженности и чувствительности они находились в зоне неблагополучия (испытывали давление учебы, нежелание просить кого-то о помощи, потребность в уединении). В период пандемии субъективное благополучие студентов без алекситимии ухудшилось до умеренного уровня без полного эмоционального комфорта, однако по кластеру самооценки здоровья наблюдаются более значимые ухудшения – они не чувствуют себя здоровыми и бодрыми.

Табл. 3. Результаты диагностики эмоционального интеллекта (ЭмИн Д. В. Люсина) у студентов с алекситимией и без алекситимии в 2018 г. и 2021 г.

Tab. 3. Emotional intelligence (EMIN by D. V. Lyusin) in students with and without alexithymia, 2018 and 2021

Шкалы ЭИ	А, средний балл		t	К, средний балл		t	t по группам А и К, 2021
	2018	2021		2018	2021		
МЭИ	25,9	25,3	0,4	36,3	36,1	0,1	4,8**
ВЭИ	22,2	28,8	2,6	37,6	36,2	0,6	3,7**
ПЭ	24,3	26,8	1,2	38,2	37,5	0,3	5,8**
УЭ	27,5	29,2	0,9	37	35,8	0,5	3**
ОЭИ	24,7	27,5	1,8	37,3	36,4	0,4	4,3**

Прим.: А – группа лиц с алекситимией; К – контрольная группа; ЭИ – эмоциональный интеллект; МЭИ – межличностный ЭИ; ВЭИ – внутриличностный ЭИ; ПЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями; ОЭИ – общий ЭИ; ** – $p \leq 0,01$.

Табл. 4. Результаты диагностики показателей субъективного благополучия (по методике А. А. Рукавишникова) у студентов с алекситимией и без алекситимии в 2018 г. и 2021 г.

Tab. 4. Subjective well-being (A. A. Rukavishnikov) in students with and without alexithymia, 2018 and 2021

Кластеры	А, средний балл		t	К, средний балл		t	t по группам А и К, 2021
	2018	2021		2018	2021		
Напряженность и чувствительность	75,3	89,6	1,8	79	72,3	1,4	2,9**
Признаки психоэмоциональной симптоматики	74,3	89,6	1,9	65,6	74	1,8	2,7 (зона неопределенности)
Изменения настроения	93	94,5	0,3	54,5	50	1,1	9,9**
Значимость социального окружения	84	100	3,1**	70	70,3	0,1	5**
Самооценка здоровья	85	93	1,6	62	85,5	5,4**	1,9
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	83	91,3	1,6	66,6	51	2,9	8,4**
Общий показатель	83,6	88,3	0,8	47,7	51,3	1	7,5**

Прим.: А – группа лиц с алекситимией; К – контрольная группа; ЭИ – эмоциональный интеллект; ** – $p \leq 0,01$.

Сравнительный анализ показателей субъективного благополучия у студентов с алекситимией и без нее в период пандемии показал значимые различия: алекситимия сопровождается субъективным неблагополучием вплоть до ощущения выраженного эмоционального дискомфорта. В период пандемии у алекситимиков на 19 % возросла напряженность и чувствительность, на 20,6 % усилились признаки, сопровождающие основную патологическую психоэмоциональную симптоматику; на 19 % снизилась значимость социального окружения, на 9,4 % – самооценка здоровья, на 10 % – степень удовлетворенности повседневной деятельностью.

Заключение

Результаты исследования демонстрируют, что алекситимические тенденции у студентов в период пандемии нарастают. Вместе с ними увеличивается неудовлетворенность потребности в безопасности, особенно в области стабильности, предсказуемости и защищенности от внешнего мира на фоне резкой дезактуализации потребности быть любимым. Этому способствует наличие выраженных эмоциональных барьеров в межличностном общении: в связи с переживанием негативных эмоций алекситимикам трудно устанавливать контакты с другими людьми.

С алекситимией связана несформированность параметров эмоционального интеллекта, особенно его внутриличностного компонента, отражающего уровень осознанности своих эмоциональных состояний и возможность ими управлять. Недифференцированные состояния эмоционального напряжения способствуют формированию

ощущения нестабильности окружающего мира, сопряженного с неудовлетворенностью потребности в безопасности и состоянием субъективного неблагополучия. Ситуация пандемии, не оказывая значительного влияния на эмоциональные компетенции и навыки, усугубляет состояние субъективного неблагополучия алекситимиков. Особенно это отражается на кластере значимости социального окружения, когда студенты с алекситимией чувствуют себя одинокими, не могут обратиться за помощью, избегают общения, находясь с семьей или друзьями.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. В. Белашева – концептуализация идеи, формулирование целей и задач исследования; разработка методологии; курирование данных; формальный анализ; применение статистических, математических методов для анализа или синтеза данных исследования; подготовка и презентация работы. М. Е. Олексюк – проведение процесса эмпирического исследования.

Contribution: I. V. Belasheva developed the research concept, objectives, and methods, processed the data, performed the formal analysis, applied statistical and mathematical data analysis and synthesis, and wrote the article. M. E. Oleksyuk performed the empirical research.

Литература / References

1. Асмолов А. Г., Иванников В. А., Магомед-Эминов М. Ш., Гусейнов А. А., Донцов А. И., Братусь Б. С. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения. *Человек*. 2020. Т. 31. № 4 С. 7–40. [Asmolv A. G., Ivannikov V. A., Magomed-Eminov M. Sh., Guseinov A. A., Dontsov A. I., Bratus B. S. Cultural-historical activity psychology in extreme situation: the pandemic challenge. Discussion. *Chelovek*, 2020, 31(4): 7–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S023620070010929-8>
2. Чекменева Т. Г. Кризисы в общественном развитии: теоретический аспект. *Вестник Воронежского государственного технического университета*. 2010. Т. 6. № 12. С. 103–106. [Chekmenyeva T. G. Crises in social development: theoretical aspect. *Bulletin of Voronezh State Technical University*, 2010, 6(12): 3–5. (In Russ.)]
3. Баева И. А., Емелин Н. М. К вопросу о критериях психологической безопасности личности. *Психологическая культура и психологическая безопасность в образовании: мат-лы Всерос. конф. (Москва, 27–28 ноября 2003 г.)* М., 2003. С. 107–109. [Baeva I. A., Emelin N. M. Criteria for psychological security of the person. *Psychological culture and psychological security in education: Proc. All-Russian Conf., Moscow, 27–28 Nov 2003*. Moscow, 2003, 107–109. (In Russ.)]
4. Dontsov A. I., Zinchenko Yu. P., Perelygina E. B., Dontskaya O. A. The relationship between vectors of psychological security and identity continuity. *Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development*. Vol. 64. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Future Academy, 2019, 123–129. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.16>
5. Брель Е. Ю. Возможности изучения факторной структуры алекситимического пространства. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 68. С. 82–92. [Brel E. Y. Possibilities of studying the factor of alexithymic space. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, 68: 82–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/68/5>
6. Трунов Д. Г. Виды и механизмы функциональной алекситимии. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2010. № 2. С. 93–99. [Trunov D. G. The types and mechanisms of functional alexithymia. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia*, 2010, (2): 93–99. (In Russ.)]
7. Mohamed B. E. S., Ahmed M. G. A. E. Emotional intelligence, alexithymia and suicidal ideation among depressive patients. *Archives of Psychiatric Nursing*, 2022, 37: 33–38. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2021.12.002>
8. Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б. Концепция алекситимии (обзор зарубежных исследований). *Социальная и клиническая психиатрия*. 2003. Т. 13. № 1. С. 128–145. [Garanyan N. G., Kholmogorova A. B. The concept of alexithymia: a review of foreign publications. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriia*, 2003, 13(1): 128–145. (In Russ.)]
9. Москачева М. А., Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Алекситимия и способность к эмпатии. *Консультативная психология и психотерапия*. 2014. № 4. С. 98–114. [Moskacheva M. A., Kholmogorova A. B., Garanyan N. G. Alexithymia and empathy. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2014, (4): 98–114. (In Russ.)]
10. Зубарева Н. С., Мазуренко Я. А. Взаимосвязь выраженности алекситимии с психологическими защитами личности. *Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. тр. конф. (Новосибирск, 3–7 декабря 2018 г.)* Новосибирск: НГТУ, 2018. Ч. 8. Гуманитарные науки и современность. С. 177–181. [Zubareva N. S., Mazurenko Ya. A. The relationship between the severity of alexithymia and the psychological defenses of the individual. *Science. Technology. Innovations: Proc. Sci. Conf., Novosibirsk, 3–7 Dec 2018*. Novosibirsk: NSTU, 2018, Pt. 8: Humanities and modernity, 177–181. (In Russ.)]
11. Brel E. Y., Kozlova N. V. Psychological prevention of alexithymia of schoolchildren in the context of alexithymic space. *ICPE 2018 – International Conference on Psychology and Education*, Moscow, 25–26 Jun 2018. Moscow: Future Academy, 2018, 155–159. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.11.02.17>
12. Vaouli P., Panayiotou G. Alexithymia and autistic traits: associations with social and emotional challenges among college students. *Frontiers in Neuroscience*, 2021, (15). <https://doi.org/10.3389/fnins.2021.733775>
13. Васильева О. С., Гаус Э. В. Взаимосвязь уровня алекситимии с уровнем психологических защит и составляющими психологического благополучия. *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2017. Т. 15. № 1. С. 5–16. [Vasilyeva O. S., Gaus E. V. The interrelation of alexithymia level with the level of psychological protections and components of psychological well-being. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik*, 2017, 15(1): 5–16. (In Russ.)]
14. Belasheva I. V., Gapich A. E., Yesayan M. L., Polshakova I. N., Soloveva E. V. Psycho-emotional state of students during covid-19 pandemic self-isolation period in the context of socio-demographic factors. *Revista on line de Política e Gestão Educacional*, 2021, 25(esp.2): 981–1000. <https://doi.org/10.22633/rpge.v25iesp.2.15281>
15. Азлецкая Е. Н., Игнатенко В. А. Распространенность алекситимии в юношеском возрасте. *Мировые научные исследования и разработки в эпоху цифровизации: XV Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 25 ноября 2021 г.)* Ростов н/Д: Южный университет (ИУБиП), 2021. С. 454–457. [Azletskaia E. N., Ignatenko V. A. Alexithymia in adolescence. *World research and development in the era of digitalization: Proc. XV Intern. Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, 25 Nov 2021*. Rostov-on-Don: SU (IMBL), 2021, 454–457. (In Russ.)]

16. Костина Л. А., Кубекова А. С. Алекситимия как фактор риска социально-психологической дезадаптации студентов медицинского вуза. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 4-1. С. 56–62. [Kostina L. A., Kubekova A. S. Alexithymia as a risk factor of social and psychological disadaptation of medical university students. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2019, 8(4-1): 56–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2019.44.4.037>
17. Старостина Е. Г., Тэйлор Г. Д., Квиати Л. К., Бобров А. Е., Мошняга Е. Н., Пузырева Н. В., Боброва М. А., Ивашкина М. Г., Кривчикова М. Н., Шаврикова Е. П., Бэгби М. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2010. Т. 20. № 4. С. 35–36. [Starostina E. G., Taylor G. D., Quilty L.K., Bobrov A. E., Moshnyaga E. N., Puzyreva N. V., Bobrova M. A., Ivashkina M. G., Krivchikova M. N., Shavrikova E. P., Bagby R. Zh. A new 20-item version of the Toronto Alexithymia Scale: validation of the Russian language translation in a sample of medical patients. *Sotsial'naiia i klinicheskaia psikhiatriia*, 2010, 20(4): 35–36. (In Russ.)]
18. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия: руководство. 2-е изд. Ярославль: Психодиагностика, 1996. 14 с. [Sokolova M. V. *Scale of subjective well-being: leadership*. 2nd ed. Yaroslavl: Psykhodiagnostika, 1996, 14. (In Russ.)]
19. Зотова О. Ю. Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2011. № 4. С. 84–91. [Zotova O. Yu. Need for safety with different social and economic groups. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2011, (4): 84–91. (In Russ.)]
20. Зотова О. Ю. Безопасность личности как социально-психологический феномен. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2011. 593 с. [Zotova O. Yu. *Personal security as a socio-psychological phenomenon*. Ekaterinburg: Gumanitar. un-t, 2011, 593. (In Russ.)]
21. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИН. *Психологическая диагностика*. 2006. № 4. С. 3–22. [Lucin D. V. A new measure for emotional intelligence: Emotional Intelligence Questionnaire. *Psikhologicheskaia diagnostika*, 2006, (4): 3–22. (In Russ.)]
22. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинъ, 1996. 472 с. [Boiko V. V. *The energy of emotions in communication: a look at yourself and others*. Moscow: Filin, 1996, 472. (In Russ.)]
23. Белашева И. В. К вопросу о динамике психологической безопасности личности в поликультурной образовательной среде современной школы и вуза. *Психологическая безопасность личности в поликультурной среде жизнедеятельности*: сб. тр. конф. (Ставрополь, 10 апреля 2014 г.) Ставрополь: Тэсэра, 2014. С. 3–8. [Belasheva I. V. Dynamics of psychological security in the multicultural academic environment in modern school and university. *Psychological security of the individual in the multicultural environment of life*: Proc. Sci. Conf., Stavropol, 10 Apr 2014. Stavropol: Tesera, 2014, 3–8. (In Russ.)]
24. Avsec A., Belasheva I., Cenek J., Khan A., Mohorić T., Takšić V., Zager Kocjan G. Cross-cultural and gender measurement invariance of the intrapersonal and interpersonal emotional competence questionnaire. *Psychological Topics*, 2020, 29(1): 167–190. <https://doi.org/10.31820/pt.29.1.10>.
25. Полянский А. И., Быковская Л. И. Алекситимия у современной молодежи: особенности проявлений у студентов технических и гуманитарных направлений подготовки. *Горизонты гуманитарного знания*. 2020. № 2. С. 77–87. [Polyansky A. I., Bykovskaya L. I. Alexithymia in modern youth: features of its manifestations in technical and humanities students. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, 2020, (2): 77–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.2.5>

обзорная статья

Применение техник когнитивно-поведенческой психотерапии для восстановления когнитивной сферы у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): возможности и перспективы

Солодухин Антон Витальевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>
Mein11@mail.ru

Серый Андрей Викторович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Варич Лидия Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>

Брюханов Ярослав Игоревич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Жихарев Александр Юрьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Поступила в редакцию 01.07.2022. Принята после рецензирования 29.07.2022. Принята в печать 29.07.2022.

Аннотация: Представлен теоретический обзор отечественных и зарубежных исследований эффективности техник когнитивно-поведенческой терапии при работе с нарушениями когнитивной сферы у пациентов с COVID-19. Актуальность исследования современных подходов к коррекции расстройств когнитивной сферы у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию, связана с тем, что данные нарушения психической деятельности приводят к ограничениям основных процессов жизнедеятельности и трудностям социальной адаптации. Поскольку когнитивная сфера является ядром реабилитационного потенциала, определяет эффективность адаптации человека к новым условиям жизни после перенесенного заболевания, то состояние когнитивных функций является значимым критерием при оценке качества проводимых восстановительных мероприятий на постковидном этапе. В статье рассмотрены основные причины формирования когнитивных нарушений, а именно повреждение нервной системы в результате респираторного дистресс-синдрома, цитокинового шторма, тромбоза сосудов головного мозга, прямого воздействия вируса SARS-CoV2 и неадекватного иммунного ответа организма. Представлены данные об исследованиях сопутствующих психических заболеваний, таких как расстройство аутистического спектра, деменция, снижение интеллекта, расстройство пищевого поведения, суицидальное поведение, тревога и депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство, бессонница. Приведены основные методики, применяемые при диагностике когнитивной сферы. Учитывая комплексное нарушение ряда компонентов психической деятельности (снижение памяти, внимания, скорости мыслительных процессов и усиление ряда аффективных расстройств), представленные диагностические методики разделены на несколько направлений: 1) нейропсихологическая диагностика когнитивных функций (тесты MMSE, МОСА, FAB); 2) выявление неадекватных установок и нарушений поведенческого характера (Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, Шкала дисфункциональных отношений А. Бека, Методика диагностики наличия и выраженности иррациональных установок А. Эллиса); 3) выявление нарушений повседневной активности (Индекс Бартела для оценки повседневной активности жизни); 4) выявление нарушений психолого-психиатрического характера (Госпитальная Шкала Тревоги и Депрессии HADS, Шкала тревоги Спилбергера-Ханина, Шкала Гамильтона для оценки депрессии). Указаны основные принципы оказания психологической помощи для пациентов с COVID-19. Представлены результаты оценки эффективности техник когнитивно-поведенческой психотерапии, направленной на исправление когнитивных искажений, обучение релаксации и саморегуляции, тренировку навыков решения проблем, восстановление когнитивных функций.

Ключевые слова: когнитивная сфера, когнитивно-поведенческая психотерапия, коронавирусная инфекция, психические нарушения, когнитивные функции, техники когнитивно-поведенческой терапии

Цитирование: Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А., Брюханов Я. И., Жихарев А. Ю. Применение техник когнитивно-поведенческой психотерапии для восстановления когнитивной сферы у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): возможности и перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 420–429. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-420-429>

review article

Cognitive Behavioral Psychotherapy after COVID-19: Opportunities and Prospects

Anton V. Solodukhin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>

Mein11@mail.ru

Andrey V. Seryy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Lidiia A. Varich

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>

Yaroslav I. Bryukhanov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Aleksandr Yu. Zhikharev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 1 Jun 2022. Accepted after peer review 29 Jul 2022. Accepted for publication 29 Jul 2022.

Abstract: This article reviews domestic and foreign studies on cognitive behavioral therapy techniques in treating cognitive disorders in former COVID-19 patients. Coronavirus-induced cognitive disorders include damage to the nervous system as a result of respiratory distress syndrome, cytokine storm, cerebral vascular thrombosis, direct exposure to SARS-Cov2, and inadequate immune response. Concomitant mental illnesses include autistic disorders, dementia, cognitive decline, eating disorders, suicidal behavior, anxiety, depression, post-traumatic stress, insomnia, etc. Diagnostic methods usually take into account a complex violation of mental activities, e.g., short memory span, attention deficiency, slow thinking, and various affective disorders. As a result, diagnostic methods can be divided into several areas: neuropsychological diagnostics of cognitive functions (MMSE, MOCA, FAB), identification of inadequate attitudes and behavior (WCQ, SPB, DAS), identification of violations of daily activity (The Barthel Scale), identification of psychological and psychiatric issues (Hospital Anxiety and Depression Scale, State-Trait Anxiety Inventory, Hamilton Rating Scale for Depression). Psychological care for former COVID-19 patients relies on some basic principles. Cognitive behavioral psychotherapy techniques aim at correcting cognitive distortions, teaching relaxation and self-regulation, improving problem-solving skills, and restoring cognitive functions.

Keywords: cognitive sphere, cognitive behavioral therapy, coronavirus infection, mental disorders, cognitive functions, cognitive behavioral therapy techniques

Citation: Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A., Bryukhanov Ya. I., Zhikharev A. Yu. Cognitive Behavioral Psychotherapy after COVID-19: Opportunities and Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 420–429. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-420-429>

Введение

Актуальность исследования современных подходов к коррекции расстройств когнитивной сферы (КС) у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию, связана с тем, что данные нарушения психической деятельности приводят к ограничениям основных процессов жизнедеятельности и трудностям социальной адаптации [1–3]. Вместе с тем состояние когнитивных функций является значимым критерием при оценке качества проводимых восстановительных мероприятий на постковидном этапе, поскольку КС является ядром реабилитационного потенциала и следовательно определяет эффективность адаптации человека к новым условиям жизни после перенесенного заболевания [4–8].

Формирование у пациента адекватной когнитивной оценки заболевания как потенциальной угрозы для его здоровья может стать ценным копинг-ресурсом для преодоления болезни [9]. Однако условия эпидемии COVID-19 и потоки дезинформации относительно

заболевания увеличивают риск нарушения психической деятельности в связи с когнитивным диссонансом у пациента, возникающим в результате влияния самого заболевания и сопутствующих нейropsychологических нарушений [10–14]. Соответственно, для лиц, перенесших коронавирусную инфекцию, и работающих с ними медицинских специалистов актуальным является поиск наиболее доступного и эффективного психотерапевтического подхода.

Несмотря на большое количество научных работ, посвященных психологическому состоянию пациентов с COVID-19, в России до сих пор отсутствуют масштабные исследования по оценке эффективности когнитивно-поведенческой терапии (КПТ). При этом зарубежные исследователи указывают на высокую результативность методов КПТ при оказании помощи лицам, перенесшим COVID-19, с сопутствующими неврологическими и психическими нарушениями [15–20].

Клинико-психологическая характеристика нарушений когнитивной сферы у пациентов с COVID-19

Ряд медицинских исследований указывает на то, что пациенты с COVID-19 могут иметь широкий спектр неврологических и психических проявлений [14; 21–32]. Они могут быть связаны с повреждением центральной и периферической нервной системы в результате цитокинового шторма, тромбоза сосудов головного мозга, прямого повреждения SARS-Cov2 и / или молекулярной мимикрии [32–38].

Н. В. Пизова и др. в своем обзорном исследовании отмечают, что наиболее часто сопутствующим клиническим нарушением у пациентов с COVID-19 является острый респираторный дистресс-синдром, который может сохраняться от месяца до нескольких лет после перенесенного заболевания. У 46–80 % пациентов с тяжелой формой острого респираторного дистресс-синдрома в течение 1 года после выписки из стационара наблюдаются нарушения памяти, внимания и скорости мыслительных процессов, а у 20 % они сохраняются в течение 5 лет. Когнитивные последствия COVID-19 авторы связывают с воспалительными процессами, возникающими в результате прямого вирусного воздействия, или иммунными процессами в организме [39].

J. P. Rogers et al. указывают, что люди, перенесшие COVID-19, могут испытывать комплексное расстройство КС, которое включает как чисто когнитивные, так и сопутствующие психические и неврологические симптомы [40]. Легкие и тяжелые респираторные расстройства после интенсивной терапии приводят к изменениям в структуре коры головного мозга и вызывают нейропсихиатрические нарушения [41]. В своем систематическом обзоре J. P. Rogers et al. отмечают распространенность у перенесших COVID-19 сопутствующих стрессовых расстройств после острого респираторного синдрома на уровне 32,2 %, депрессии – 14,9 %, тревоги – 14,8 % [40].

В исследовании, проведенном J. Helms et al., у 15 (33 %) из 45 пациентов, выздоровевших от COVID-19, после выписки из отделения интенсивной терапии наблюдался лобный дизэگزекутивный синдром, который проявляется нарушениями мотивационной сферы и навыков планирования, способности построения программы поведения и расстройствами речевой регуляции произвольной деятельности [42]. С. Mogeno et al. [43] указывают, что влияние коронавирусной инфекции приводит не только к развитию когнитивного дефицита, но и к усилению таких существующих психических нарушений, как расстройство аутистического спектра, деменция, снижение интеллекта различного генеза, расстройство пищевого поведения; к развитию чувства изоляции, суицидального поведения, симптомов тревоги и депрессии, а также посттравматического стрессового расстройства и бессонницы [18; 43–57].

По результатам теоретического обзора представленных исследований можно отметить, что состояние КС у лиц,

перенесших COVID-19, характеризуется комплексным нарушением многих компонентов психической деятельности. Вирусное повреждение нервной системы в сочетании с длительной изоляцией пациента приводит к снижению памяти, внимания, скорости мыслительных процессов и к усилению ряда аффективных расстройств. В связи с этим возникает необходимость выбора наиболее эффективного психотерапевтического подхода для помощи людям с COVID-19.

Особенности психологического сопровождения и применения техник КПТ при работе с пациентами с COVID-19

Психологическое сопровождение пациентов с COVID-19 осуществляется на стационарном и амбулаторно-поликлиническом этапах реабилитации [58]. Степень и структура нарушений КС и, соответственно, выбор методов психологической помощи для каждого пациента зависят от тяжести протекания COVID-19 и определяются формой острого респираторного дистресс-синдрома, длительностью иммобилизации, наличием повреждений головного мозга (инсультов), опорно-двигательного аппарата, сопутствующими психическими заболеваниями и осложнениями [53; 57; 59–67]. Основной целью работы клинического психолога является полное восстановление психического здоровья пациентов, перенесших COVID-19. Психологическая диагностика когнитивных показателей и психоэмоционального состояния позволяет вовремя назначить лекарственные препараты при развитии аффективной симптоматики у пациентов с депрессией, тревожностью и иными психическими нарушениями.

План психологической диагностики для пациентов с COVID-19 может включать в себя:

1. Нейропсихологическую диагностику когнитивных функций: тесты MMSE, МОСА, FAB [68].
2. Выявление неадекватных установок и нарушений поведенческого характера: Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, Шкала дисфункциональных отношений А. Бека, Методика диагностики наличия и выраженности иррациональных установок А. Эллиса [69].
3. Выявление нарушений повседневной активности: Индекс Бартела для оценки повседневной активности жизни.
4. Выявление нарушений психолого-психиатрического характера: Госпитальная Шкала Тревоги и Депрессии (HADS), Шкала тревоги Спилбергера-Ханина, Шкала Гамильтона для оценки депрессии [70].

Выявление структуры постковидных нарушений КС позволит определить психотерапевтические мишени и приступить к процессу психологического консультирования. Психологическое консультирование является необходимой составляющей реабилитации и позволяет настроить пациента на сотрудничество с медицинскими

специалистами. А. Б. Ачабаева с коллегами [71] рекомендует проводить психологическое консультирование для пациентов с COVID-19 по двум основным направлениям:

- улучшение психоэмоционального состояния пациента (работа с мотивацией, неадекватным поведением и эмоциональной лабильностью);
- осуществление диагностики и коррекции когнитивно-мнестических нарушений пациента (памяти, внимания, мышления и др.).

Выбор психотерапевтического подхода должен основываться на личных предпочтениях пациента, тяжести перенесенного заболевания и сопутствующих психических нарушениях [72–74].

Для проведения психотерапевтической работы с пациентами, нуждающимися в помощи, направленной на восстановление нарушений КС, может быть использован когнитивно-поведенческий подход. КПТ является немедикаментозным методом лечения, эффективность которого подтверждена значительным количеством научных исследований при работе с психическими и соматическими заболеваниями [15–20; 75–77]. В основе КПТ лежит концепция о значимости когнитивных убеждений в контроле чувств и поведения людей. Сохранность КС и адекватность убеждений по отношению к стрессовой ситуации позволяют человеку преодолеть ее продуктивно и с меньшими потерями. А неадекватные установки, которые возникли самостоятельно, под влиянием дезинформации или в результате заболевания, способны спровоцировать у человека развитие психических нарушений [78].

Учитывая, что COVID-19 оказывает комплексное влияние на психическое здоровье человека, нами был проведен анализ наиболее эффективных техник КПТ для восстановления КС пациентов с данным заболеванием.

J. Li et al. из Первой дочерней больницы Медицинского колледжа Бэнбу (Китай) провели исследование по оценке эффективности КПТ при работе со стрессом у пациентов с COVID-19. Вмешательство проводилось медсестрами, прошедшими профессиональную подготовку по КПТ, а также обладающими знаниями по профилактике и лечению COVID-19. В исследование вошло 93 пациента, которые были рандомизированы в группу КПТ вмешательства (n=47) и контрольную группу (n=46). Диагноз выставлялся по положительному результату на COVID-19 теста полимеразной цепной реакции. Участники контрольной группы получали стандартное лечение в соответствии с китайскими рекомендациями по лечению COVID-19, в то время как участники группы вмешательства получали стандартное лечение с дополнительным КПТ-воздействием. Для оценки депрессии, тревоги и стресса у всех участников на исходном уровне и после вмешательства использовалась Китайская версия шкалы депрессии, тревоги и стресса DASS-21. Техники КПТ включали в себя Когнитивное вмешательство, обучение методам релаксации, обучение навыкам решения проблем и навыкам получения социальной поддержки

от окружающих. Когнитивное вмешательство было направлено на исправление заблуждений в отношении информации и стратегий лечения COVID-19. Поведенческое вмешательство было направлено на предоставление информации о надлежащем поведении, которое поможет пациентам справиться с пандемией COVID-19. Занятия КПТ-техниками проводились ежедневно по утрам и занимали около 30 минут. Результаты исследования показали значительное снижение средних баллов по шкалам депрессии, тревоги, стресса и общего балла DASS-21 как в группе вмешательства, так и в контрольной группе. При этом у пациентов в группе КПТ-вмешательства зафиксирован более низкий средний балл по шкалам депрессии, тревоги и общего DASS-21, что указывает на то, что техники КПТ оказали лучшее влияние на психологическое состояние пациентов с COVID-19 [17].

В обзорной работе Y. Zhang et al. представили исследование детерминант, определяющих эффективность исправления когнитивных искажений, полученных пациентами и пользователями через Интернет. В исследование было включено 1487 искажений о фактах и событиях, связанных с COVID-19, в период с 1 января 2020 г. по 30 апреля 2020 г. Авторами работы указывается, что разные стратегии убеждения, используемые авторами антинаучных статей, и плохая способность пользователей различать дезинформацию подталкивают к быстрому распространению когнитивных искажений. При этом их исправление является основным психологическим приемом, используемым КПТ-терапевтами. На основе анализа полученных данных Y. Zhang с коллегами указывает на пять основных принципов борьбы с интернет-дезинформацией [79]:

- 1) упоминание фактов о дезинформации в исправлениях не подрывает к ней доверие людей сразу после прочтения, на это требуется время;
- 2) более эффективными являются краткие исправления, которые рекомендуется делать объемом не более 500 слов;
- 3) пользователями ценятся насыщенные графикой пояснения;
- 4) исправления следует демонстрировать более мягко и убедительно, а не в жестком и властном тоне;
- 5) крупные СМИ должны брать на себя больше ответственности за борьбу с дезинформацией.

Данные принципы могут помочь КПТ-практикам пересмотреть свои методы психологической работы и добиться большей эффективности при исправлении когнитивных искажений.

Т. В. Ветровой и В.-А. Подольской в целях психологической коррекции нарушений КС у пациентов, перенесших COVID-19, применялся комплекс методов КПТ, включающий разъяснение важности вакцинирования и релаксационные техники по Э. Джекобсону. Дополнительно для пациентов с явлениями постковидной аносмии либо паросмии проводились ольфакторные тренировки.

Выбранные методы показали эффективность при коррекции постковидных состояний, что было подтверждено наличием статистически значимого положительного сдвига при применении G критерия Знаков [80].

Е. В. Костенко и др. указывают на то, что реабилитация пациентов с постковидными нарушениями КС должна включать в себя разноплановый комплекс методов терапевтического воздействия. Наиболее высоких результатов можно добиться при одновременном использовании медикаментозных и немедикаментозных способов лечения. Медикаментозные методы терапии могут быть направлены на коррекцию дисметаболических нарушений, сосудистых факторов риска, депрессии, деменции, нейротрофических и нейротрансмиттерных заболеваний. Среди немедикаментозных методов рекомендуется проведение когнитивных тренингов, направленных на восстановление памяти и внимания, физические тренировки, диета и приемы КПТ. Когнитивно-поведенческий подход может применяться для снятия мышечного напряжения, ипохондрического и избегающего поведения, катастрофизации, а также развития эмоциональной саморегуляции, социальной компетентности, повышения общей активности и профилактики рецидивов заболевания [81].

Заключение

Согласно представленному обзору можно сделать следующие выводы:

1. Структура нарушений КС у пациентов с COVID-19 включает снижение памяти, внимания, скорости мыслительных процессов, лобный дизэگزекүтивный синдром и усиление таких психических заболеваний, как расстройство аутистического спектра, деменция, снижение интеллекта, расстройство пищевого поведения, суицидальное поведение, тревога и депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство и бессонница.
2. Учитывая комплексное нарушение КС перед назначением психотерапии, требуется проведение психологической диагностики состояния когнитивных функций, неадекватных установок, нарушений поведения и повседневной активности, нарушений психолого-психиатрического характера (рекомендуемые психодиагностические тесты представлены в статье).
3. В рамках КПТ наибольшую эффективность для восстановления КС показали техники, направленные

на исправление когнитивных искажений (в индивидуальном и дистанционном варианте), методы релаксации и саморегуляции, тренинги навыков решения проблем и получения социальной поддержки от окружающих и когнитивные тренинги по восстановлению внимания и кратковременной памяти.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. В. Солодухин – проведение теоретического анализа отечественных и зарубежных исследований, курирование, написание статьи.

А. В. Серый – проведение теоретического анализа отечественных исследований, написание статьи.

Л. А. Варич – редактирование статьи.

Я. И. Брюханов – редактирование статьи.

А. Ю. Жихарев – проведение теоретического анализа зарубежных исследований, написание статьи.

Contribution: A. V. Solodukhin conducted the theoretical analysis of domestic and foreign publications, supervised the research, and drafted the article.

A. V. Seryy reviewed domestic publications and drafted the article.

L. A. Varich and Ya. I. Bryukhanov edited and proofread the manuscript.

A. Yu. Zhikharev reviewed foreign publications and drafted the article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-25-20173 «Психофизиологические предикторы когнитивных нарушений у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): система профилактики и коррекции». <https://rscf.ru/project/22-25-20173/>

Funding: The study was supported the Russian Science Foundation, project No. 22-25-20173 "Psychophysiological predictors of cognitive impairment in former COVID-19 patients: prevention and correction". <https://rscf.ru/project/22-25-20173/>

Литература / References

1. Остроумова Т. М., Черноусов П. А., Кузнецов И. В. Когнитивные нарушения у пациентов, перенесших COVID-19. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2021. Т. 13. № 1. С. 126–130. [Ostroumova T. M., Chernousov P. A., Kuznetsov I. V. Cognitive impairment in COVID-19 survivors. *Nevrologiya, Neiropsikhiatriya, Psikhosomatika*, 2021, 13(1): 126–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-1-126-130>
2. Alonzi S., La Torre A., Silverstein M. W. The psychological impact of preexisting mental and physical health conditions during the COVID-19 pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020, 12(S1): 236–238. <https://doi.org/10.1037/tra0000840>

3. Goularte J. F., Serafim S. D., Colombo R., Hogg B., Caldieraro M. A., Rosa A. R. COVID-19 and mental health in Brazil: psychiatric symptoms in the general population. *Journal of Psychiatric Research*, 2021, 132: 32–37. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2020.09.021>
4. Солодухин А. В., Серый А. В., Яницкий М. С., Трубникова О. А. Возможности методов когнитивно-поведенческой психотерапии в изменении внутренней картины болезни у пациентов с ишемической болезнью сердца. *Фундаментальная и клиническая медицина*. 2017. Т. 2. № 1. С. 84–90. [Solodukhin A. V., Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Trubnikova O. A. Cognitive behavioral therapy: an option for changing internal picture of disease in patients with coronary artery disease. *Fundamental and Clinical Medicine*, 2017, 2(1): 84–90. (In Russ.)]
5. Jaywant A., Vanderlind W. M., Alexopoulos G. S., Fridman C. B., Perlis R. H., Gunning F. M. Frequency and profile of objective cognitive deficits in hospitalized patients recovering from COVID-19. *Neuropsychopharmacology*, 2021, 46(13): 2235–2240. <https://doi.org/10.1038/s41386-021-00978-8>
6. Rabinovitz B., Jaywant A., Fridman C. B. Neuropsychological functioning in severe acute respiratory disorders caused by the coronavirus: implications for the current COVID-19 pandemic. *Clinical Neuropsychologist*, 2020, 34(7-8): 1453–1479. <https://doi.org/10.1080/13854046.2020.1803408>
7. Abdelghani M., Atwa S. A., Said A., Zayed N. E., Abdelmoaty A. A., Hassan M. S. Cognitive after-effects and associated correlates among post-illness COVID-19 survivors: a cross-sectional study, Egypt. *Egyptian Journal of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery*, 2022, 58(1). <https://doi.org/10.1186/s41983-022-00505-6>
8. Ferrucci R., Dini M., Rosci C., Capozza A., Groppo E., Reitano M. R., Allocco E., Poletti B., Brugnera A., Bai F., Monti A., Ticozzi N., Silani V., Centanni S., D'Arminio Monforte A., Tagliabue L., Priori A. One-year cognitive follow-up of COVID-19 hospitalized patients. *European Journal of Neurology*, 2022, 29(7): 2006–2014. <https://doi.org/10.1111/ene.15324>
9. Ran L., Wang W., Ai M., Kong Y., Chen J., Kuang L. Psychological resilience, depression, anxiety, and somatization symptoms in response to COVID-19: a study of the general population in China at the peak of its epidemic. *Social Science & Medicine*, 2020, 262. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113261>
10. Ефремова Д. Н. Нейропсихологическая реабилитация когнитивных функций людей пожилого возраста в период изоляции по коронавирусной инфекции. *Евразийский союз ученых*. 2020. № 6-3. С. 50–53. [Efremova D. N. Neuropsychological rehabilitation of cognitive functions of popular people during isolation on coronavirus infection. *Eurasian Union of Scientists*, 2020, (6-3): 50–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.3.75.841>
11. Boldrini M., Canoll P. D., Klein R. S. How COVID-19 affects the brain. *JAMA psychiatry*, 2021, 78(6): 682–683. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2021.0500>
12. Cao W., Hou G., Han M., Xu X., Dong J., Zheng J. The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China. *Psychiatry research*, 2020, 287. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112934>
13. Lipowski Z. J. Somatization: the experience and communication of psychological distress as somatic symptoms. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 1987, 47(3-4): 160–167. <https://doi.org/10.1159/000288013>
14. Liyanage-Don N. A., Cornelius T., Sanchez J. E., Trainor A., Moise N., Wainberg M., Kronish I. M. Psychological distress, persistent physical symptoms, and perceived recovery after COVID-19 illness. *Journal of General Internal Medicine*, 2021, 36(8): 2525–2527. <https://doi.org/10.1007/s11606-021-06855-w>
15. Cheng P., Casement M. D., Kalmbach D. A., Castelan A. C., Drake C. L. Digital cognitive behavioral therapy for insomnia promotes later health resilience during the coronavirus disease 19 (COVID-19) pandemic. *Sleep*, 2021, 44(4). <https://doi.org/10.1093/sleep/zsaa258>
16. Kopelovich S. L., Turkington D. Remote CBT for psychosis during the COVID-19 pandemic: challenges and opportunities. *Community Mental Health Journal*, 2021, 57(1): 30–34. <https://doi.org/10.1007/s10597-020-00718-0>
17. Li J., Li X., Jiang J., Xu X., Wu J., Xu Y., Lin X., Hall J., Xu H., Xu J., Xu X. The effect of cognitive behavioral therapy on depression, anxiety, and stress in patients with COVID-19: a randomized controlled trial. *Frontiers in psychiatry*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.580827>
18. Murphy R., Calugi S., Cooper Z., Dalle Grave R. Challenges and opportunities for enhanced cognitive behaviour therapy (CBT-E) in light of COVID-19. *Cognitive Behaviour Therapist*, 2020, 13. <https://doi.org/10.1017/S1754470X20000161>
19. Song J., Jiang R., Chen N., Qu W., Liu D., Zhang M., Fan H., Zhao Y., Tan S. Self-help cognitive behavioral therapy application for COVID-19-related mental health problems: a longitudinal trial. *Asian journal of psychiatry*, 2021, 60. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2021.102656>
20. Wright J. H., Caudill R. Remote treatment delivery in response to the COVID-19 pandemic. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 2020, 89(3): 130–132. <https://doi.org/10.1159/000507376>
21. Amanat M., Rezaei N., Roozbeh M., Shojaei M., Tafakhori A., Zoghi A., Darazam I. A., Salehi M., Karimialavijeh E., Lima B. S., Garakani A., Vaccaro A., Ramezani M. Neurological manifestations as the predictors of severity and mortality

- in hospitalized individuals with COVID-19: a multicenter prospective clinical study. *BMC neurology*, 2021, 21(1). <https://doi.org/10.1186/s12883-021-02152-5>
22. Karadaş Ö., Öztürk B., Sonkaya A. R. A prospective clinical study of detailed neurological manifestations in patients with COVID-19. *Neurological Sciences*, 2020, 41(8): 1991–1995. <https://doi.org/10.1007/s10072-020-04547-7>
 23. Koh J. S., De Silva D. A., Quek A. M. L., Chiew H. J., Tu T. M., Seet C. Y. H., Hoe R. H. M., Saini M., Hui A. C.-F., Angon J., Ker J. R., Yong M. H., Goh Y., Yu W.-Y., Lim T. C. C., Tan B. Y. Q., Ng K. W. P., Yeo L. L. L., Pang Y. Z., Prakash K. M., Ahmad A., Thomas T., Lye D. C. B., Tan K., Umapathi T. Neurology of COVID-19 in Singapore. *Journal of the Neurological Sciences*, 2020, 418. <https://doi.org/10.1016/j.jns.2020.117118>
 24. Liotta E. M., Batra A., Clark J. R., Shlobin N. A., Hoffman S. C., Orban Z. S., Koralnik I. J. Frequent neurologic manifestations and encephalopathy-associated morbidity in Covid-19 patients. *Annals of Clinical and Translational Neurology*, 2020, 7(11): 2221–2230. <https://doi.org/10.1002/acn3.51210>
 25. Liguori C., Pierantozzi M., Spanetta M., Sarmati L., Cesta N., Iannetta M., Ora J., Mina G. G., Puxeddu E., Balbi O., Pezzuto G., Magrini A., Rogliani P., Andreoni M., Mercuri N. B. Subjective neurological symptoms frequently occur in patients with SARS-CoV2 infection. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020, 88: 11–16. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.037>
 26. Lopez-Leon S., Wegman-Ostrosky T., Perelman C., Sepulveda R., Rebolledo P., Cuapio A., Villapol S. More than 50 long-term effects of COVID-19: a systematic review and meta-analysis. *Scientific reports*, 2021, 11(1). <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-266574/v1>
 27. Ma M., Shi Z., Wu H., Ma X. Clinical implications of panic attack in Chinese patients with somatoform disorders. *Journal of Psychosomatic Research*, 2021, 146. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2021.110509>
 28. Nguyen N. N., Hoang V. T., Dao T. L., Dudouet P., Eldin C., Gautret P. Clinical patterns of somatic symptoms in patients suffering from post-acute long COVID: a systematic review. *European Journal of Clinical Microbiology & Infectious Diseases*, 2022, 41(4): 515–545. <https://doi.org/10.1007/s10096-022-04417-4>
 29. Nochaiwong S., Ruengorn C., Thavorn K., Hutton B., Awiphan R., Phosuya C., Ruanta Y., Wongpakaran N., Wongpakaran T. Global prevalence of mental health issues among the general population during the coronavirus disease-2019 pandemic: a systematic review and meta-analysis. *Scientific Reports*, 2021, 11(1). <https://doi.org/10.1038/s41598-021-89700-8>
 30. Sampaio Rocha-Filho P. A., Albuquerque P. M., Carvalho L. C. L. S., Dandara Pereira Gama M., Magalhães J. E. Headache, anosmia, ageusia and other neurological symptoms in COVID-19: a cross-sectional study. *Journal of headache and pain*, 2022, 23(1). <https://doi.org/10.1186/s10194-021-01367-8>
 31. Fan S., Xiao M., Han F., Xia P., Bai X., Chen H., Zhang H., Ding X., Zhao H., Zhao J., Sun X., Jiang W., Wang C., Cao W., Guo F., Tian R., Gao P., Wu W., Ma J., Wu D., Liu Z., Zhou X., Wang J., Guan T., Qin Y., Li T., Xu Y., Zhang D., Chen Y., Xie J., Li Y., Yan X., Zhu Y., Peng B., Cui L., Zhang S., Guan H. Neurological manifestations in critically ill patients with COVID-19: a retrospective study. *Frontiers in neurology*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fneur.2020.00806>
 32. Filatov A., Sharma P., Hindi F., Espinosa P. S. Neurological complications of coronavirus disease (COVID-19): encephalopathy. *Cureus*, 2020, 12(3). <https://doi.org/10.7759/cureus.7352>
 33. Fotuhi M., Mian A., Meysami S., Raji C. A. Neurobiology of COVID-19. *Journal of Alzheimer's Disease*, 2020, 76(1): 3–19. <https://doi.org/10.3233/JAD-200581>
 34. Li T., Lu H., Zhang W. Clinical observation and management of COVID-19 patients. *Emerging Microbes & Infections*, 2020, 9(1): 687–690. <https://doi.org/10.1080/22221751.2020.1741327>
 35. Mao L., Wang M., Chen S., He Q., Chang J., Hong C., Zhou Y., Wang D., Li Y., Jin H., Hu B. Neurological manifestations of hospitalized patients with COVID-19 in Wuhan, China: a retrospective case series study. *MedRxiv*, 2020. <https://doi.org/10.1101/2020.02.22.20026500>
 36. Nersesjan V., Amiri M., Lebech A.-M., Roed C., Mens H., Russell L., Fonsmark L., Berntsen M., Sigurdsson S. T., Carlsen J., Langkilde A. R., Martens P., Lund E. L., Hansen K., Jespersen B., Folke M., N., Meden P., Hejl A.-M., Wamberg C., Benros M. E., Kondziella D. Central and peripheral nervous system complications of COVID-19: a prospective tertiary center cohort with 3-month follow-up. *Journal of Neurology*, 2021, 268(9): 3086–3104. <https://doi.org/10.1007/s00415-020-10380-x>
 37. Ritchie K., Chan D., Watermeyer T. The cognitive consequences of the COVID-19 epidemic: collateral damage? *Brain Communications*, 2020, 2(2). <https://doi.org/10.1093/braincomms/fcaa069>
 38. Zhou F., Yu T., Du R., Fan G., Liu Y., Liu Z., Xiang J., Wang Y., Song B., Gu X., Guan L., Wei Y., Li H., Wu X., Xu J., Tu S., Zhang Y., Chen H., Cao B. Clinical course and risk factors for mortality of adult inpatients with COVID-19 in Wuhan, China: a retrospective cohort study. *The Lancet*, 2020, 395(10229): 1054–1062. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30566-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30566-3)
 39. Пизова Н. В., Пизов Н. А., Пизов А. В. Когнитивные нарушения у лиц, перенесших COVID-19. *Медицинский совет*. 2021. № 4. С. 69–77. [Pizova N. V., Pizov N. A., Pizov A. V. Cognitive impairment in COVID-19 survivors. *Meditsinskiy Sovet*, 2021, (4): 69–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2021-4-69-77>

40. Rogers J. P., Chesney E., Oliver D., Pollak T. A., McGuire P., Fusar-Poli P., Zandi M. S., Lewis G., David A. S. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: a systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(7): 611–627. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30203-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30203-0)
41. Crunfli F., Carregari V. C., Veras F. P., Vendramini P. H., Valença A. G. F. et al. SARS-CoV-2 infects brain astrocytes of COVID-19 patients and impairs neuronal viability. *MedRxiv*, 2021. <https://doi.org/10.1101/2020.10.09.20207464>
42. Helms J., Kremer S., Merdji H., Clere-Jehl R., Schenck M., Kummerlen C., Collange O., Boulay C., Fafi-Kremer S., Ohana M., Anheim M., Meziani F. Neurologic features in severe SARS-CoV-2 infection. *New England Journal of Medicine*, 2020, 382(23): 2268–2270. <https://doi.org/10.1056/NEJMc2008597>
43. Moreno C., Wykes T., Galderisi S., Nordentoft M., Crossley N., Jones N., Cannon M., Correll C., Byrne L., Carr S., Chen E. Y. H., Gorwood P., Johnson S., Kärkkäinen H., Krystal J. H., Lee J., Lieberman J., López-Jaramillo C., Männikkö M., Phillips M. R., Uchida H., Vieta E., Vita A., Arango C. How mental health care should change as a consequence of the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(9): 813–824. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30307-2](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30307-2)
44. Altman M. T., Knauert M. P., Pisani M. A. Sleep disturbance after hospitalization and critical illness: a systematic review. *Annals of the American Thoracic Society*, 2017, 14(9): 1457–1468. <https://doi.org/10.1513/AnnalsATS.201702-148SR>
45. Bianchetti A., Rozzini R., Bianchetti L., Coccia F., Guerini F., Trabucchi M. Dementia clinical care in relation to COVID-19. *Current Treatment Options in Neurology*, 2022, 24(1). 1–15. <https://doi.org/10.1007/s11940-022-00706-7>
46. Bo H. X., Li W., Yang Y., Wang Y., Zhang Q., Cheung T., Wu X., Xiang Y.-T. Posttraumatic stress symptoms and attitude toward crisis mental health services among clinically stable patients with COVID-19 in China. *Psychological Medicine*, 2021, 51(6): 1052–1053. <https://doi.org/10.1017/S0033291720000999>
47. Cénat J. M., Blais-Rochette C., Kokou-Kpolou C. K., Noorishad P.-G., Mukunzi J. N., McIntee S.-E., Dalexis R. D., Goulet M.-A., Labelle R. P. Prevalence of symptoms of depression, anxiety, insomnia, posttraumatic stress disorder, and psychological distress among populations affected by the COVID-19 pandemic: a systematic review and meta-analysis. *Psychiatry Research*, 2021, 295. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113599>
48. Fernández-Aranda F., Casas M., Claes L., Bryan D. C., Favaro A., Granero R., Gudiol C., Jiménez-Murcia S., Karwautz A., Le Grange D., Menchón J. M., Tchanturia K., Treasure J. COVID-19 and implications for eating disorders. *European Eating Disorders Review*, 2020, 28(3): 239–245. <https://doi.org/10.1002/erv.2738>
49. Hampshire A., Trender W., Chamberlain S. R., Jolly A. E., Grant J. E., Patrick F., Mazibuko N., Williams S. C. R., Barnby J. M., Hellyer P., Mehta M. A. Cognitive deficits in people who have recovered from COVID-19. *eClinicalMedicine*, 2021, 39. <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2021.101044>
50. Holmes E. A., O'Connor R. C., Perry V. H., Tracey I., Wessely S., Arseneault L., Ballard C., Christensen H., Cohen Silver R., Everall I., Ford T., John A., Kabir T., King K., Madan I., Michie S., Przybylski A. K., Shafraan R., Sweeney A., Worthman C. M., Yardley L., Cowan K., Cope C., Hotopf M., Bullmore E. Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: a call for action for mental health science. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(6): 547–560. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30168-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30168-1)
51. Kaseda E. T., Levine A. J. Post-traumatic stress disorder: a differential diagnostic consideration for COVID-19 survivors. *Clinical Neuropsychologist*, 2020, 34(7-8): 1498–1514. <https://doi.org/10.1080/13854046.2020.1811894>
52. Lee S. H., Shin H.-S., Park H. Y., Kim J. L., Lee J. J., Lee H., Won S.-D., Han W. Depression as a mediator of chronic fatigue and post-traumatic stress symptoms in Middle East respiratory syndrome survivors. *Psychiatry Investigation*, 2019, 16(1): 59–64. <https://doi.org/10.30773/pi.2018.10.22.3>
53. Manera M. R., Fiabane E., Pain D., Aiello E. N., Radici A., Ottonello M., Padovani M., Wilson B. A., Fish J., Pistarini C. Clinical features and cognitive sequelae in COVID-19: a retrospective study on N=152 patients. *Neurological Sciences*, 2022, 43(1): 45–50. <https://doi.org/10.1007/s10072-021-05744-8>
54. Patterson P. H. Maternal infection and immune involvement in autism. *Trends in molecular medicine*, 2011, 17(7): 389–394. <https://doi.org/10.1016/j.molmed.2011.03.001>
55. Rodgers R. F., Lombardo C., Cerolini S., Franko D. L., Omori M., Fuller-Tyszkiewicz M., Linardon J., Courtet P., Guillaume S. The impact of the COVID-19 pandemic on eating disorder risk and symptoms. *International Journal of Eating Disorders*, 2020, 53(7): 1166–1170. <https://doi.org/10.1002/eat.23318>
56. Steinman G. COVID-19 and autism. *Medical Hypotheses*, 2020, 142. <https://doi.org/10.1016/j.mehy.2020.109797>
57. Toniolo S., Scarioni M., Di Lorenzo F., Hort J., Georges J., Tomic S., Nobili F., Frederiksen K. S., Bonanni L. Dementia and COVID-19, a bidirectional liaison: risk factors, biomarkers, and optimal health care. *Journal of Alzheimer's Disease*, 2021, 82(3): 883–898. <https://doi.org/10.3233/JAD-210335>
58. Wilson B. A., Betteridge S., Fish J. Neuropsychological consequences of Covid-19. *Neuropsychological Rehabilitation*, 2020, 30(9): 1625–1628. <https://doi.org/10.1080/09602011.2020.1808483>

59. Барыльник С. Н. Изучение влияния пандемии covid-19 на когнитивные функции. *Иновации. Наука. Образование*. 2022. № 49. С. 1582–1592. [Barylnik S. N. Studying the impact of the Covid-19 pandemic on cognitive functions. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2022, (49): 1582–1592. (In Russ.)]
60. Распопова Н. И., Ешимбетова С. З., Джамантаева М. Ш., Сулейменова А. А., Аймакова И. М., Куламкадырова Н. С. Психические нарушения у лиц, перенесших COVID-19, и методы их терапии. *Вестник Казахского Национального медицинского университета*. 2021. № 4. С. 228–234. [Raspopova N. I., Eshimbetova S. Z., Dzhamantaeva M. Sh., Suleimenova A. A., Aimaikova I. M., Kulamkadyrova N. S. Mental disorders in Covid-19 survivors and methods of therapy. *Vestnik Kazhaskogo Nacional'nogo medicinskogo universiteta*, 2021, (4): 228–234. (In Russ.)]
61. Abreu L., Koebach A., Díaz O., Carleial S., Hoeffler A., Stojetz W., Freudenreich H., Justino P., Brück T. Life with corona: increased gender differences in aggression and depression symptoms due to the COVID-19 pandemic burden in Germany. *Frontiers in Psychology*, 2021, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.689396>
62. Biermann M., Vonderlin R., Mier D., Witthöft M., Bailer J. Predictors of psychological distress and coronavirus fears in the first recovery phase of the coronavirus disease 2019 pandemic in Germany. *Frontiers in Psychology*, 2021, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.678860>
63. Carda S., Invernizzi M., Bavikatte G., Bensmail D., Bianchi F., Deltombe T., Draulans N., Esquenazi A., Francisco G. E., Gross R., Jacinto L. J., Moraleda Pérez S., O'Dell M. W., Reebye R., Verduzco-Gutierrez M., Wissel J., Molteni F. The role of physical and rehabilitation medicine in the COVID-19 pandemic: the clinician's view. *Annals of Physical and Rehabilitation Medicine*, 2020, 63(6): 554–556. <https://doi.org/10.1016/j.rehab.2020.04.001>
64. Gattinoni L., Coppola S., Cressoni M., Busana M., Rossi S., Chiumello D. COVID-19 does not lead to a "typical" acute respiratory distress syndrome. *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine*, 2020, 201(10): 1299–1300. <https://doi.org/10.1164/rccm.202003-0817LE>
65. Navas-Blanco J. R., Dudaryk R. Management of respiratory distress syndrome due to COVID-19 infection. *BMC Anesthesiology*, 2020, 20(1). <https://doi.org/10.1186/s12871-020-01095-7>
66. Pistarini C., Fiabane E., Houdayer E., Vassallo C., Manera M. R., Alemanno F. Cognitive and emotional disturbances due to COVID-19: an exploratory study in the rehabilitation setting. *Frontiers in Neurology*, 2021, 12. <https://doi.org/10.3389/fneur.2021.643646>
67. Vannorsdall T. D., Brigham E., Fawzy A., Raju S., Gorgone A., Pletnikova A., Lyketsos C. G., Parker A. M., Oh E. S. Cognitive dysfunction, psychiatric distress, and functional decline after COVID-19. *Journal of the Academy of Consultation-Liaison Psychiatry*, 2022, 63(2): 133–143. <https://doi.org/10.1016/j.jaclp.2021.10.006>
68. Aiello E. N., Fiabane E., Manera M. R., Radici A., Grossi F., Ottonello M., Pain D., Pistarini C. Screening for cognitive sequelae of SARS-CoV-2 infection: a comparison between the Mini-Mental State Examination (MMSE) and the Montreal Cognitive Assessment (MoCA). *Neurological Sciences*, 2022, 43(1): 81–84. <https://doi.org/10.1007/s10072-021-05630-3>
69. Ahmed M. Z., Ahmed O., Aibao Z., Hanbin S., Siyu L., Ahmad A. Epidemic of COVID-19 in China and associated psychological problems. *Asian Journal of Psychiatry*, 2020, 51. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102092>
70. Дадов И. Т., Малкарова Р. Х., Дадов И. Т., Мизиев О. А., Гелястанов И. Х. Психологические аспекты реабилитации после перенесенной новой коронавирусной инфекции. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2022. Т. 5. № 2. С. 84–88. [Dadov I. T., Malkarova R. Kh., Dadov I. T., Miziev O. A., Gelyastanov I. Kh. Psychological aspects of rehabilitation after a new coronavirus infection. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2022, 5(2) 84–88. (In Russ.)]
71. Ачабаева А. Б., Теуважукова Д. А., Кучмезова Ф. А., Калмыков И. А., Гелястанов И. Х. Медицинская реабилитация и санаторно-курортное лечение пациентов, перенесших новую коронавирусную инфекцию COVID-19. *Фарматека*. 2021. Т. 28. № 10. С. 99–102. [Achabaeva A. B., Teuvazhukova D. A., Kuchmezova F. A., Kalmykov I. A., Gelyastanov I. Kh. Medical rehabilitation and sanatorium-resort treatment of patients with new coronavirus infection COVID-19. *Pharmateca*, 2021, 28(10): 99–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18565/pharmateca.2021.10.99-W2>
72. Cénat J. M., Dalexis R. D., Kokou-Kpolou C. K., Mukunzi J. N., Rousseau C. Social inequalities and collateral damages of the COVID-19 pandemic: when basic needs challenge mental health care. *International Journal of Public Health*, 2020, 65(6): 717–718. <https://doi.org/10.1007/s00038-020-01426-y>
73. Hao F., Tan W., Jiang L., Zhang L., Zhao X., Zou Y., Hu Y., Luo X., Jiang X., McIntyre R. S., Tran B., Sun J., Zhang Z., Ho R., Ho C., Tam W. Do psychiatric patients experience more psychiatric symptoms during COVID-19 pandemic and lockdown? A case-control study with service and research implications for immunopsychiatry. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020, 87: 100–106. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.04.069>
74. Shevlin M., Nolan E., Owczarek M., McBride O., Murphy J., Gibson M. J., Hartman T. K., Levita L., Mason L., Martinez A. P., McKay R., Stocks T. V. A., Bennett K. M., Hyland P., Bentall R. P. COVID-19-related anxiety predicts somatic symptoms in the UK population. *British Journal of Health Psychology*, 2020, 25(4): 875–882. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12430>

75. Wright J. H., Mishkind M., Eells T. D., Chan S. R. Computer-assisted cognitive-behavior therapy and mobile apps for depression and anxiety. *Current Psychiatry Reports*, 2019, 21(7). <https://doi.org/10.1007/s11920-019-1031-2>
76. Carlbring P., Andersson G., Cuijpers P., Riper H., Hedman-Lagerlöf E. Internet-based vs. face-to-face cognitive behavior therapy for psychiatric and somatic disorders: an updated systematic review and meta-analysis. *Cognitive Behaviour Therapy*, 2018, 47(1): 1–18. <https://doi.org/10.1080/16506073.2017.1401115>
77. Brenninkmeijer V., Lagerveld S. E., Blonk R. W. B., Schaufeli W. B., Wijngaards-de Meij L. D. N. V. Predicting the effectiveness of work-focused CBT for common mental disorders: the influence of baseline self-efficacy, depression and anxiety. *Journal of Occupational Rehabilitation*, 2019, 29(1): 31–41. <https://doi.org/10.1007/s10926-018-9760-3>
78. Trevors G., Duffy M. C. Correcting COVID-19 misconceptions requires caution. *Educational Researcher*, 2020, 49(7): 538–542. <https://doi.org/10.3102/0013189X20953825>
79. Zhang Y., Guo B., Ding Y., Liu J., Qiu C., Liu S., Yu Z. Investigation of the determinants for misinformation correction effectiveness on social media during COVID-19 pandemic. *Information Processing & Management*, 2022, 59(3). <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2022.102935>
80. Ветрова Т. В., Подольская В.-А. В. Особенности психологического состояния лиц, перенесших заболевание, вызванное действием коронавирусной инфекции нового типа (COVID-19) и пути коррекции выявленных негативных изменений. *Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие»: мат-лы Всерос. (национ.) науч. конф. (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2021 г.)* СПб.: ГНИИ Нацразвитие, 2021. С. 71–78. [Vetrova T. V., Podolskaia V.-A. V. Features of psychological state of persons suffering disease caused by action of coronaviral infection of new type (Covid-19) and ways of correction of detected negative changes. *Proceedings of scientific conferences of the National Research Institute of Humanities "National Development": Proc. All-Russian (National) Sci. Conf., St. Petersburg, 11–13 Oct 2021. St. Petersburg: HNRI National development, 2021, 71–78. (In Russ.)*] <https://doi.org/10.37539/OCT321.2021.21.35.004>
81. Костенко Е. В., Энеева М. А., Петрова Л. В., Погонченкова И. В. Когнитивные нарушения и нейропсихиатрические последствия, связанные с COVID-19. *Доктор.Ру*. 2021. Т. 20. № 5. С. 6–12. [Kostenko E. V., Eneeva M. A., Petrova L. V., Pogonchenkova I. V. Cognitive disorders and neuropsychiatric sequelae associated with Covid-19. *Doctor.Ru*, 2021, 20(5), 6–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31550/1727-2378-2021-20-5-6-12>

оригинальная статья

Психологические особенности темпомира человека как предикторы процесса решения когнитивной задачи

Бредун Екатерина Валерьевна
Томский государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0003-4214-8065>
bredun.88@mail.ru

Щеглова Элеонора Анатольевна
Томский государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0003-3360-038X>

Поступила в редакцию 29.06.2022. Принята после рецензирования 21.07.2022. Принята в печать 29.07.2022.

Аннотация: Представлен анализ исследования особенностей восприятия времени и его отражения в темпоральной организации жизненного мира человека, описана специфика структурных компонентов темпоральной организации жизнедеятельности и психофизиологический механизм отражения динамики времени. Цель – определить и оценить возможные взаимосвязи между характерными особенностями, паттернами, демонстрируемыми при решении когнитивных задач; темпоральными особенностями и структурно-динамическими составляющими позиционных стратегий модели когнитивно-ноэтического развития человека. Особое внимание уделено описанию временной конструкции темпомира и особенностям его организации. Показана специфика процесса решения когнитивных задач в группах респондентов с разными типологическими темпоральными характеристиками: студенты, хорошо представляющие свои доминирующие темпорально-когнитивные особенности, при решении когнитивных задач, связанных с пространственным восприятием и мышлением, делают меньше ошибок и более успешно решают такие задачи. Выделены позиционные стратегии как значимые предикторы процесса решения когнитивной задачи, проявляющиеся в особенностях темпомира человека. Скорость и точность выполнения когнитивных заданий зависит не столько от специфики этих заданий, сколько от темпоральных особенностей человека, проявляющихся в степени сбалансированности модальных оценок жизнеосуществления. К числу значимых предикторов процесса решения когнитивной задачи можно отнести такие психологические особенности темпомира человека, как позиционные стратегии, в составе которых доминируют ценностно-смысловая компонента и мотивационное самоопределение. Полученные данные позволяют более глубоко изучить особенности когнитивной вовлеченности человека в субъективное прошлое, настоящее и будущее, взаимосвязь временной модальности и готовых алгоритмов действия при решении когнитивных задач.

Ключевые слова: темпомир, восприятие времени, решение когнитивных задач, позиционные стратегии, модальные оценки, жизнеосуществление

Цитирование: Бредун Е. В., Щеглова Э. А. Психологические особенности темпомира человека как предикторы процесса решения когнитивной задачи. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 430–439. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-430-439>

full article

Psychological Features of the Human *Tempoworld* as Predictors of Solving a Cognitive Task

Ekaterina V. Bredun
Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0003-4214-8065>
bredun.88@mail.ru

Eleonora A. Shcheglova
Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0003-3360-038X>

Received 29 Jun 2022. Accepted after peer review 21 Jul 2022. Accepted for publication 29 Jul 2022.

Abstract: The paper reviews such phenomena as time perception, temporal structure of the human world, the so-called *tempoworld*, and the psychophysiological mechanism of temporal dynamics. The article also covers various ways of assessing the relationship between the characteristic features of solving cognitive tasks and the temporal characteristics and structural-dynamic components of positional strategies of personal cognitive-noetic development. The research results revealed the specificity of the process of solving cognitive tasks in groups of respondents with different typological temporal characteristics. Students who knew their dominant temporal-cognitive features made fewer mistakes when solving cognitive tasks related to spatial perception. The experiment revealed some positional strategies as significant predictors of the process of solving a cognitive task, manifested in the features of the human *tempoworld*. The speed and accuracy of performing cognitive tasks

depended not so much on the specifics of these tasks, but on the temporal characteristics of a person, manifested in the degree of balance of modal assessments of life fulfillment. The list of significant predictors of the solving a cognitive task included such psychological features of the human *tempoworld* as positional strategies, which were dominated by the value-semantic component and motivational self-determination. The research revealed various features of cognitive involvement in the subjective past, present, and future, as well as the relationship between temporal modality and ready-made action algorithms when solving cognitive tasks.

Keywords: tempoworld, time perception, solving cognitive problems, positional strategies, modal assessments, life fulfillment

Citation: Bredun E. V., Shcheglova E. A. Psychological Features of the Human *Tempoworld* as Predictors of Solving a Cognitive Task. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 430–439. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-430-439>

Введение

В основе жизнеосуществления человека лежит временная организация психологических переживаний. Это позволяет предположить, что для самоидентификации себя и понимания событий окружающего мира необходимо соответствующим образом кодировать временные явления. В оценке темпорального пространства существует широкий набор факторов, который может изменить временное восприятие, что подчеркивает сложность понимания особенностей и предпосылок формирования временной организации человека [1].

В психологии при исследовании особенностей восприятия времени и его отражения в темпоральной организации жизненного мира человека традиционно описываются психофизиологические особенности отражения динамики времени в процессах взаимодействия личности с окружающей средой [2]. Описывая структурный компонент темпоральной организации жизнедеятельности, можно обратиться к работам П. Жане, который писал о том, что стремление человека к саморазвитию позволяет ему строить планы, заниматься проектированием своей жизни, анализировать прошлые события, что отражает темпоральный компонент целостности жизнедеятельности [3].

В русле своей теории поля К. Левин подчеркивает, что изменение жизненного пространства зависит от содержания психологического поля в конкретный момент. Переживание настоящего неразрывно связано с прошлым и перспективным будущим, что говорит о присутствии различных темпоральных категорий в психологическом поле человека, т. е. предпосылка образа психологического поля в конкретный момент зависит от условий, предшествующих данному положению, нынешней ситуации и ожиданий, что воплощается во временную перспективу. Такая временная одновременность демонстрирует темпоральный концепт жизненного пространства личности [4].

В работах Е. В. Битюцкой и Т. Ю. Базарова по изучению стилей реагирования на изменения и трудные жизненные ситуации обозначено, что при восприятии события, одновременно содержащего в себе множество различных структур, человек выбирает предпочитаемые стимулы, обусловленные образом мира самого человека [5; 6]. Образ мира представляется как динамическая система,

преобразующаяся в ответ на изменение объективного мира в процессах жизнеосуществления [7; 8]. Многомерность жизненного мира человека позволяет судить об одновременном существовании разных реальностей с различным социально-психологическим обоснованием [9]. Время выступает регулятором в сложных жизненных ситуациях, помогая оптимизировать новые условия и вписать их в свое темпоральное пространство, используя прошлый опыт и стремясь преобразовать будущее для успешной адаптации [10].

Многие исследования демонстрируют разницу оценки временных событий, а вопрос движения времени и хронологической постановки событий в большей степени зависит от наблюдателя, его опыта, целей и индивидуальной темпорально-пространственной организации жизни. Понимание особенностей отражения психологического времени, его течения, обратимости внутри конкретной системы позволяет раскрыть и описать особенности жизнеосуществления личности внутри темпомира. Специфика взаимодействия проявляется в выборе значимых порядков среды, ценных для конкретной системы. Каждый отклик на взаимодействие позволяет преобразовать темпоральное пространство жизнеосуществления.

По определению Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, темпомир представляет собой временную конструкцию, которая заключается в пространственно-временной целостности всех входящих в нее структур, объединенных общей скоростью развития в динамичной открытой системе [11]. Темпомир напрямую связан с понятием времени, поскольку развитие сред в нем происходит во временном контексте [12]. Это бесконечное взаимодействие прошлого, настоящего и будущего, т. к. он является открытой, развивающейся, нелинейной системой. Нелинейность заключается в синхронности и асинхронности времени, в многообразии векторов движения, во внутренней иерархии структур с разной скоростью развития и степенью устойчивости.

С. А. Хмелевская использует понятия линейной и нелинейной форм постижения бытия, отличных друг от друга содержанием и объемом структур. В то время как линейная форма выражается в постоянном приросте без потери старых структур, нелинейная форма допускает отвержение

старых, неактуальных элементов [13]. Обе конструкции представляют собой уникальные способы организации жизнедеятельности в темпомире. М. А. Солоненко подчеркивает многообразие темпоральных форм жизнедеятельности, сосуществующих в одном объективном мире при наличии разных субъективных темпомиров [14]. На физиологическом уровне проявления темпоральной стороны телесности также дают возможность зафиксировать деятельность человека в различных модусах, таких как воля, движение, эмоции, культура и пр. [15].

А. Д. Урсул, описывая пространственно-временной контекст глобального мышления, отмечает, что целостность модусов времени (прошлое, настоящее и будущее) темпомиров заключается в системной совокупности исторических и эволюционных процессов. Темпоральная целостность позволяет оценить образ темпомира, пропорциональное соотношение модусов времени, направленность движения времени и спрогнозировать его будущее развитие [16; 17]. Различные поколения, находясь в одном временном пространстве, существуют в разных темпомирах, отличных по ценностным, скоростным, мотивационным и иным структурам, а потому отличных в восприятии объективной действительности [18; 19]. Анализируя типы мышления поколений, О. В. Каширина и Д. В. Филюшкина подчеркивают, что человек, способный воспринимать и осознавать время, обладает темпоральным мышлением, формы которого выражаются через становление исторических темпомиров, обладающих различными культурными и социальными характеристиками [20].

Если говорить о психофизиологическом механизме темпоральной организации, можно обратиться к исследованиям, которые демонстрируют, как человек обрабатывает временную и невременную информацию, вписанную в единый темпоральный континуум настоящего. В ситуации, когда человек непосредственно решает временную задачу, большая часть ресурсов внимания обращена на течение времени и постановку стимулов в темпоральном пространстве, но когда ставится задача с иными стимулами и внимание сосредоточено на их свойствах, обработка времени происходит косвенно [21; 22].

В других работах представлены исследования, демонстрирующие одновременность и асинхронность событий, происходящих в настоящий момент. В исследовании влияния подпороговой синхронности на восприятие одновременности рассматривалось, как воздействие стимулов влияет на последующее суждение об одновременности стимулов [23]. Авторами описывается минимальный интервал времени, в течение которого события воспринимаются как одновременные, даже если два стимула предъявляются последовательно. В работе о пространстве и времени в структуре памяти также указано, что в потоке информации событие, следующее за ключевым стимулом, будет восприниматься непрерывно с ним. В воспоминаниях структуры таких событий будут развиваться вместе, поскольку воспоминание одного события вызывает воспоминание другого [24; 25].

Наблюдение потока событий играет важную роль в границах жизнеосуществления человека, однако часто события могут восприниматься фрагментарно, с разной временной последовательностью и темпом, нарушающим непрерывное течение времени. Это происходит тогда, когда человек наблюдает стимул *время о времени* или переключает свое внимание между несколькими задачами. В более поздних работах исследование синхронности и асинхронности показало, что не все события обрабатываются одновременно в психологическом настоящем, некоторые стимулы обрабатываются последовательно [26].

Таким образом, обработка информации структурирована во времени даже в пределах *моментов* восприятия времени. Это подтверждают и другие исследователи, показывающие, что человек может бессознательно следить за событиями одного и того же момента времени, переключая свое внимание с одного события на другое [27]. Это объясняется тем, что *моменты* определяются не только стимулами, связанными с одновременностью, но и отделением одновременности от других событий, прошлых и будущих. Это приводит к временному парадоксу, т. е. восприятие времени может быть как прерывистым, с отдельными событиями, так и непрерывным, с ощущением, что время течет синхронно со всеми событиями, связанными во времени.

По мнению [26; 28], то, что человек может отслеживать и обрабатывать временную информацию с высокой точностью, способствует ощущению непрерывности потока времени, а любое изменение внешней среды с большой точностью обрабатывается на бессознательном уровне, кодируя и сглаживая стимулы. В исследовании влияния фрагментации темпорального потока на восприятие продолжительности действия показано, что при наблюдении стимула человек склонен экстраполировать ход события за пределы его предъявленного отрывка [29]. Такой перенос может рассматриваться как механизм, позволяющий в случае фрагментированного наблюдения событий рассматривать те части события, свидетелями которых они были, как образцы для заполнения пробела, что лежит в основе непрерывного потока событий.

Многие работы посвящены исследованию зависимости восприятия темпорального события от его временного контекста [30]. Продолжительность стимула не всегда воспринимается достоверно, потому что она зависит от многих факторов помимо физического времени, вневременных характеристик (сложность стимула, контекст). Одним из источников искажений воспринимаемой длительности является содержание оцениваемого интервала [31]. Иногда темпоральные задачи, которые решает человек, требуют компромисса между краткосрочным и долгосрочным удовлетворением. Решение таких компромиссов отражает психологические конструкции временного предпочтения, включающие когнитивные процессы, лежащие в основе способности оценивать и выбирать между скоростью и точностью [32–34].

Чтобы сделать выбор в представленном компромиссе, человек может использовать структурированную во времени

сенсорную информацию и предвидеть будущие события. Человек постоянно структурирует во времени сенсорную или моторную информацию для построения ожиданий относительно того, когда в будущем может произойти интересное событие, и эти временные ожидания влияют на нашу реакцию, на принятие решения темпорального компромисса [35]. Временное ожидание относится к процессу сосредоточения внимания на определенном моменте времени для оптимизации поведения, что является фундаментальной способностью, основанной на восприятии ритмических и символических стимулов среды. Такая способность позволяет адаптироваться к временному паттерну при столкновении с новыми временными структурами, что позволяет предсказать вероятность следующего события и оптимизировать свое темпоральное пространство [36].

Можно заключить, что каждый момент времени имеет некоторое число событий, которые распределяются в иерархической темпоральной системе восприятия конкретного человека. Временная продолжительность стимулов гибка в зависимости от наблюдателя и сопутствующих факторов, один и тот же стимул может регистрироваться по-разному – как много коротких фрагментов или несколько длительных. На оценку временного контраста стимула при решении любой когнитивной задачи влияет организация темпомира человека, контекстуальный образ которого заключается в особенностях когнитивной вовлеченности человека в субъективное прошлое, настоящее и будущее.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 62 студента первого курса бакалавриата, специалитета и магистратуры факультета психологии Томского государственного университета. Методики исследования:

1. Мельбурнский опросник принятия решений (MDMQ) (А. Манн в адаптации Т. В. Корниловой): Шкала 1. Бдительность. Шкала 2. Избегание. Шкала 3. Прокрастинация. Шкала 4. Сверхбдительность [37].
2. Опросник «Темпоральные модальности жизнеосуществления» (Е. В. Бредун). Методика позволяет определить системы отношений человека ко времени, направленность времени, его протяженность, событийную насыщенность, дифференцированность и структуру: Шкала 1. Эмоциональная фиксация на событиях. Шкала 2. Рационализация периодов времени жизнеосуществления. Шкала 3. Сбалансированность модальных оценок [38].
3. Опросник «Темпорально-когнитивные стратегии решения задач» (Е. В. Бредун). Опросник базируется на выявлении отличительных характеристик стратегий решения когнитивных задач, которые представляют способ восприятия и обработки информации: Шкала 1. Принятие решения. Шкала 2. Переключение между задачами [39].

4. Структурно-динамическая модель когнитивно-ноэтического развития человека (В. И. Кабрин) [40]. В основании модели лежит специфика динамических и структурных аспектов психологических модальностей когнитивной психосемантической организации психики, представленных в сознании человека. Модель служила основанием для определения типологической схемы стратегий действий студентов в процессе решения когнитивных задач.

Динамические составляющие позиционных стратегий: А – мотивация (мотивационное самоопределение). В – перцепция (изучение и анализ). С – имажинация (прогноз, проектирование). D – эмоция (оценивание эффективности).

Структурные составляющие позиционных стратегий: Е – символы (символический уровень). F – конструируемые (конструктивный уровень). G – концепты (концептуальный уровень). H – ценности (ценностно-смысловой уровень).

1. Методика «Компромисс скорость–точность» (Д. Ю. Баланёв) [41]. Методика, измеряющая показатели двигательной активности, демонстрируемые респондентом при выполнении тестовых заданий на скорость и точность. Позволяет определить характерные особенности, паттерны поведения, проявляющиеся при решении когнитивных задач, требующих точности и скорости выполнения. В процессе выполнения теста измерялось 14 показателей, характеризующих время, дистанцию и скорость выполнения тестовых заданий. Время: $t1$ – общее время выполнения теста на точность, ms; $t1_mean$ – среднее время на клик в тесте на точность, ms; $t1_sd$ – стандартное отклонение времени на клик в тесте на точность, ms; $t2$ – общее время выполнения теста на скорость, ms; $t2_mean$ – среднее время на клик в тесте на скорость, ms; $t2_sd$ – стандартное отклонение времени на клик в тесте на скорость, ms. Дистанция: $d1$ – общая пройденная дистанция в тесте на точность, px; $d1_mean$ – средняя дистанция на клик в тесте на точность, px; $d1_sd$ – стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на точность, px; $d2$ – общая пройденная дистанция в тесте на скорость, px; $d2_mean$ – средняя дистанция на клик в тесте на скорость, px; $d2_sd$ – стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на скорость, px.

Скорость: $s1$ – средняя скорость выполнения теста на точность, px/ms; $s2$ – средняя скорость выполнения теста на скорость, px/ms.

2. Методика «Ментальное вращение» (Р. Шепард, Ж. Мецлер в адаптации Д. Ю. Баланёва) [41]. Методика ориентирована на определение характерных особенностей, паттернов поведения, демонстрируемых респондентами в процессе решения когнитивных задач, требующих пространственного восприятия. При выполнении теста измерялось 9 показателей, характеризующих время, количество верных ответов и количество ошибок в тесте, в его статической и анимационной частях.

Время: *time_all* – общее затраченное время на выполнение теста; *time_static* – время на выполнение статической части теста; *time_animation* – время на выполнение анимационной части теста.

Верные ответы: *right_all* – общее количество верных ответов в тесте; *right_static* – количество верных ответов в статической части теста; *right_animation* – количество верных ответов в анимационной части теста.

Ошибки: *error_all* – общее количество ошибок в тесте; *error_static* – количество ошибок в статической части теста; *error_animation* – количество ошибок в анимационной части теста.

Математико-статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась при помощи компьютерной программы IBM SPSS Statistics 23.0. Поскольку эмпирические данные были получены с использованием различного диагностического инструментария, предполагающего фиксацию признаков в шкалах разной размерности, то для снятия ограничений между данными и облегчения взвешивания и сравнения различных индексных данных, для их статистического обобщения была проведена процедура пропорционального масштабирования, стандартизация z-оценками. Анализ возможных взаимосвязей между исследуемыми переменными проводился с помощью корреляционного анализа Пирсона.

Далее была проведена оценка влияния различных типов темпоральных особенностей студентов на применяемые ими при решении когнитивных задач поведенческие паттерны. Для этой цели применялся однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, где зависимыми переменными выступили 23 параметра, фиксируемые в процессе выполнения студентами когнитивных тестовых заданий методик *Компромисс скорость–точность* и *Ментальное вращение*, а фактором – группирующая переменная, определяющая 4 типа темпоральных особенностей, которые были выделены в результате проведенного ранее исследования.

Результаты

Был установлен ряд согласованных изменений (или тенденций) между темпоральными особенностями студентов и параметрами двигательной активности, фиксируемыми в процессе решения когнитивных задач. Показатель времени выполнения теста MDMQ положительно коррелирует на уровне статистической тенденции со стандартным отклонением дистанции на клик в тесте на точность по методике *Компромисс скорость–точность* ($r=0,262$; $p=0,085$). Чем быстрее человек принимает решение, тем точнее будут его механические действия.

Показатель времени выполнения теста *Темпорально-когнитивные стратегии решения задач* положительно коррелирует с такими параметрами двигательной активности человека, фиксируемыми при прохождении методики *Компромисс скорость–точность*, как общая пройденная дистанция в тесте на скорость ($r=0,347$; $p=0,023$) и средняя

дистанция на клик в тесте на скорость ($r=0,371$; $p=0,014$). Полученный результат показывает, что чем больше человек раздумывает, отвечая на вопросы, связанные с темпорально-когнитивными особенностями, тем более хаотичными будут его движения в случае выполнения задачи на скорость.

Также были обнаружены корреляционные связи между показателем времени выполнения теста *Темпорально-когнитивные стратегии решения задач* и рядом параметров, фиксируемых при прохождении студентами методики *Ментальное вращение*, а именно между общим затраченным временем на выполнение теста ($r=0,272$; $p=0,061$) и временем на выполнение статической части теста ($r=0,335$; $p=0,020$); количеством верных ответов ($r=0,256$; $p=0,078$) и количеством ошибок в статической части теста ($r=-0,256$; $p=0,078$). Ряд связей, позволяющих сделать предположение о существующей связи скорости выполнения заданий и некоторых темпоральных характеристиках, отмечен на уровне статистической тенденции.

Важные выводы можно сделать на основании полученных корреляционных связей показателя шкалы сбалансированности модальных оценок опросника *Темпоральные модальности жизнеосуществления* с показателями двигательной активности, характеризующими стратегии решения студентами когнитивных заданий при выполнении тестов *Компромисс скорость–точность* и *Ментальное вращение*.

Были обнаружены отрицательные корреляционные связи с показателем стандартного отклонения времени на клик в тесте на точность методики *Компромисс скорость–точность* ($r=-0,395$; $p=0,008$) с общим затраченным временем на выполнение теста *Ментальное вращение* ($r=-0,366$; $p=0,010$), с временем, затраченным на выполнение его статической части ($r=-0,326$; $p=0,022$) и анимационной ($r=-0,368$; $p=0,009$) частей.

Полученные данные показывают, что студенты с целостным восприятием настоящего времени, учитывающие свой прошлый опыт и свои будущие цели, способные оценить свою субъективную успешность во времени, будут решать когнитивные задачи быстрее, чем те студенты, для которых такая сбалансированность модальных оценок в процессе жизнеосуществления не характерна.

Однако, результаты их деятельности не всегда будут эффективны, чему свидетельствуют обнаруженные отрицательные корреляционные связи на уровне статистической тенденции с общим количеством верных ответов в тесте *Ментальное вращение* ($r=-0,258$; $p=0,074$), количеством верных ответов в его статической части ($r=-0,249$; $p=0,085$); положительными корреляционными связями с общим количеством ошибок в тесте *Ментальное вращение* ($r=0,258$; $p=0,074$) и количеством ошибок в его статической части ($r=0,249$; $p=0,085$). Возможно, для таких студентов важнее выполнить задания быстро, а не качественно.

Далее была проведена оценка влияния различных типов темпоральных особенностей студентов на применяемые ими поведенческие паттерны при решении когнитивных задач.

Группа 1 характеризуется продуктивным воображением, развитым интуитивным представлением о длительности, глубине и значении времени, оценочным отношением человека к своим действиям и поступкам в прошлом, эмоциональным откликом на пережитые ситуации успеха и неудачи. При этом отмечается некоторая отстраненность от настоящего, восприятие будущего и готовность к его познанию исходит именно из прошлого опыта.

Группа 2 отличается ориентацией на перспективное развитие, планирование и конструирование будущего с учетом целостного представления и реалистичности восприятия времени, стремлением к достижению целей, готовностью к переменам и неопределенности, готовностью к принятию ответственности.

Группа 3 характеризуется темпоральной целостностью восприятия, но исключительно в позитивном ключе, с положительной окраской пережитых, переживаемых и планируемых событий. Человек с такой доминирующей стратегией живет по принципу здесь и сейчас, демонстрирует активную позицию в настоящем, стремится к достижению гедонистических целей, конструирует свое будущее на основе позитивного прошлого опыта (избегая негативного) и успешности удовлетворения своих потребностей в настоящем.

Группа 4 демонстрирует пассивную, пессимистичную, отстраненную жизненную позицию. У человека с такой позицией отсутствует сфокусированная временная перспектива при чрезмерной эмоциональной зависимости от негативного опыта. Для него свойственно недовольство своим прошлым, отстраненность и неспособность взять на себя ответственность, беспомощное и безнадежное отношение к жизни, покорность судьбе. Страх перед неудачей, перед повторением ошибок прошлого, стремление к избеганию их последствий и негативных эмоций приводит к использованию непродуктивных копингов, избеганию и отказу от решения задач.

В результате проведенного анализа статистически достоверные различия у 4 групп студентов были выявлены только по двум показателям двигательной активности (табл.).

Средние оценки z-значений показывают, что для студентов группы 1 и группы 4 величина стандартного отклонения дистанции на клик в тесте на точность и в тесте на скорость меньше, чем для студентов группы 2 и группы 3, т. е. их действия при выполнении тестовых заданий более точные и сфокусированные. Студенты группы 1 и группы 4 ориентированы на свой прошлый опыт, зависимы от своих ошибок и неудач в прошлом. При этом первые обладают продуктивным воображением, занимают активную позицию и действуют в настоящем, исходя из прошлого опыта, используют уже отработанные алгоритмы и навыки. Вторые, напротив, пассивны, осторожничают, боятся негативных последствий, помнят негативный прошлый опыт и при отсутствии возможности уклониться от решения задач выполняют их максимально сосредоточенно, стараясь не повторять своих ошибок.

Табл. Результаты сравнительного анализа групп студентов с различными типами темпоральных особенностей

Tab. Students with different types of temporal features: comparative analysis

Показатель (z-значения)	Группа	Количество человек	Среднее	Стандартное отклонение
Стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на точность*	1	8	-0,5230328	0,28588115
	2	11	0,3340588	1,12911479
	3	8	-0,4105779	0,24594539
	4	12	0,6920604	1,49791782
	Итого	39	0,1156535	1,12876534
Стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на скорость**	1	8	-0,5108880	0,38765639
	2	11	0,1333042	1,06597301
	3	8	-0,4345051	0,25271231
	4	12	0,8994123	1,43789591
	Итого	39	0,1204141	1,13021505

Прим.: * – F=3,033; p=0,042; ** – F=4,239; p=0,012.

По другим признакам двигательной активности во всех группах респондентов статистически достоверных различий выявлено не было.

Оценка вероятностных взаимосвязей между показателями двигательной активности, фиксируемыми у студентов при решении когнитивных задач, и составляющими структурного и динамического уровней модели когнитивно-ноэтического развития человека показала, что динамическая составляющая позиционных стратегий *мотивация* на уровне статистической тенденции отрицательно коррелирует с такими параметрами, как стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на точность ($r=-0,299$; $p=0,096$) и стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на скорость ($r=-0,325$; $p=0,069$).

Можно предположить, что студенты, у которых в состав доминирующих позиционных стратегий входит данная компонента, для которых мотивационное самоопределение занимает ведущие позиции, при решении когнитивных задач на точность и на скорость будут действовать четко, сфокусированно, целенаправленно, без суеты и лишних движений.

Составляющая позиционных стратегий *имажинация* отрицательно коррелирует со средней скоростью выполнения теста на скорость ($r=-0,351$; $p=0,049$) и на уровне статистической тенденции с такими параметрами, как средняя скорость выполнения теста на точность ($r=-0,343$; $p=0,054$), стандартное отклонение дистанции на клик ($r=-0,346$; $p=0,052$), средняя дистанция на клик ($r=-0,310$; $p=0,084$) и общая пройденная дистанция в тесте на точность ($r=-0,319$; $p=0,075$).

Полученные данные позволяют говорить о том, что у студентов, в состав доминирующих позиционных стратегий которых входит составляющая *имажинация*, хорошо развито продуктивное мышление, выражены способности к прогнозированию, проектированию и планированию деятельности. Поэтому они быстро и достаточно успешно справляются с заданиями, требующими высокой точности действий. Их действия при решении когнитивных задач будут максимально точными, сфокусированными, приблизительно одинаковой амплитуды, без лишних хаотичных движений.

Следует обратить внимание на тот факт, что все выявленные корреляционные связи с участием структурной составляющей позиционных стратегий *символы* прямые и соответствуют высокому уровню статистической значимости. Данная компонента положительно коррелирует с такими параметрами диагностических методик, как общая пройденная дистанция в тесте на точность ($r=0,442$; $p=0,011$), средняя дистанция на клик в тесте на точность ($r=0,468$; $p=0,007$), стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на точность ($r=0,543$; $p=0,001$), стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на скорость ($r=0,557$; $p=0,001$), средняя скорость выполнения теста на точность ($r=0,606$; $p<0,001$), средняя скорость выполнения теста на скорость ($r=0,636$; $p<0,001$).

Результаты указывают на то, что студенты, в преобладающие позиционные стратегии которых входит составляющая *символы*, отличаются развитым воображением с выраженной иллюзорной направленностью. Как правило, они часто фантазируют, поэтому испытывают трудности при решении когнитивных задач. На решение таких задач у них уходит достаточно много времени. При выполнении заданий на точность и скорость они не могут сконцентрироваться, не могут поддерживать одинаковый темп действий, они хаотичны, рассредоточены.

Больше всего взаимосвязей было обнаружено со структурной составляющей позиционных стратегий *концепты*, причем среди них есть как положительные, так и отрицательные корреляционные связи: отрицательные статистически значимые корреляционные связи с такими параметрами, как общее время выполнения теста на точность ($r=-0,350$; $p=0,050$), среднее время на клик в тесте на точность ($r=-0,350$; $p=0,050$), стандартное отклонение времени на клик в тесте на точность ($r=-0,480$; $p=0,005$), общее время выполнения теста на скорость ($r=-0,381$; $p=0,031$), среднее время на клик в тесте на скорость ($r=-0,381$; $p=0,031$), стандартное отклонение времени на клик в тесте на скорость ($r=-0,529$; $p=0,002$), время на выполнение статической части теста *Ментальное вращение* ($r=-0,338$; $p=0,041$); положительные статистически значимые корреляционные связи со средней скоростью выполнения теста на точность ($r=0,351$; $p=0,049$) и средней скоростью выполнения теста на скорость ($r=0,406$; $p=0,021$).

Полученные данные позволяют сделать вывод, что студенты, обладающие составляющей позиционных стратегий *концепты*, способны в потоке информации обнаруживать противоречия, проблемы, умеют ставить цели, определять задачи и способы их решения. Четкое планирование действий позволяет им достаточно оперативно решать поставленные задачи. Скорость выполнения когнитивных заданий на точность, скорость и пространственное восприятие у таких студентов достаточно высокая.

С участием структурной составляющей *ценности* была обнаружена только одна статистически значимая корреляционная связь – со стандартным отклонением времени на клик в тесте на точность ($r=0,496$; $p=0,004$). Студенты, у которых среди составляющих позиционных стратегий присутствует компонента ценностно-смыслового уровня, склонны к анализируанию стоящих перед ними задач, ситуаций, происходящих событий и жизни в целом. Вероятно, поэтому при решении когнитивных задач на точность их действия неритмичны, с разными временными интервалами.

Заключение

Студенты, хорошо представляющие свои доминирующие темпорально-когнитивные особенности, при решении когнитивных задач, связанных с пространственным восприятием и мышлением, делают меньше ошибок и более успешно решают такие задачи. Это дает основание предполагать, что понимание собственных ресурсных возможностей позволяет более продуктивно организовывать когнитивную деятельность. Данное предположение требует дополнительной проверки, поскольку сделано на основании результатов, соответствующих уровню статистической тенденции.

Скорость и точность выполнения когнитивных заданий зависит не столько от специфики этих заданий, сколько от темпоральных особенностей человека, проявляющихся в степени сбалансированности модальных оценок жизнеосуществления. К числу значимых предикторов процесса решения когнитивной задачи можно отнести такие психологические особенности темпомира человека, как позиционные стратегии, в составе которых доминируют ценностно-смысловая компонента и мотивационное самоопределение.

Особый интерес для дальнейших исследований представляют выявленные взаимосвязи модальности прошлого опыта с выраженной ориентацией на использование отработанных ранее алгоритмов и навыков решения когнитивных задач.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации этой статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. В. Бредун – проведение исследования, сбор данных, интерпретация полученных данных, написание статьи. Э. А. Щеглова – применение статистических и других формальных методов для анализа данных исследования, интерпретация полученных данных, редактирование статьи.

Contribution: E. V. Bredun conducted the research, collected data, interpreted the results of the statistical analysis, and drafted the article. E. A. Shcheglova applied of statistical and other

formal methods to analysis of research data, interpreted the results of the statistical analysis, and edited the manuscript.

Финансирование: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

Funding: The research was part of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia, project No. FSWM-2020-0040.

Литература / References

1. Tausen B. M. Thinking about time: identifying prospective temporal illusions and their consequences. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 2022, 7. <https://doi.org/10.1186/s41235-022-00368-8>
2. Saringer S., Feher A., Sary G., Kaposvari P. Online measurement of learning temporal statistical structure in categorization tasks. *Memory & Cognition*, 2022, 50: 1530–1545. <https://doi.org/10.3758/s13421-022-01302-5>
3. Федунина Н. Ю. Проблема памяти в трудах П. Жане. *Ученые записки кафедры общей психологии МГУ*, ред. Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 183–193. [Fedunina N. Yu. The problem of memory in the works of P. Janet. *Scientific notes of the Department of General Psychology of MSU*, eds. Bratus B. S., Leontev D. A. Moscow: Smysl, 2002, iss. 1, 183–193. (In Russ.)]
4. Lewin K. Time perspective and morale. *Civilian morale: second yearbook of the society for the psychological study of social issues*, ed. Wattson G. Houghton Mifflin Company, 1942. 48–70. <https://doi.org/10.1037/13983-004>
5. Битюцкая Е. В., Базаров Т. Ю. Особенности восприятия жизненных событий людьми с разными предпочитаемыми стилями реагирования на изменения. *Вопросы психологии*. 2019. № 3. С. 94–106. [Bityutskaya E. V., Bazarov T. Yu. Features of perception of life events by people with different preferred styles of response to changes. *Voprosy Psichologii*, 2019, (3): 94–106. (In Russ.)]
6. Битюцкая Е. В. Типы ориентаций в трудных ситуациях. *Вопросы психологии*. 2018. № 4. С. 41–53. [Bityutskaya E. V. Types of orientation in difficult situations. *Voprosy Psichologii*, 2018, (4): 41–53. (In Russ.)]
7. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабашчук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 2. С. 466–476. [Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O. Chronotopic characteristics of the image of the world during the COVID-19 Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 466–476. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>
8. Логинова И. О. Особенности устойчивости жизненного мира людей в период пандемии COVID-19. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2020. № 2. С. 183–196. [Loginova I. O. Features of human life-world stability during the pandemic period related to COVID-19. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, 2020, (2): 183–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-52-2-211>
9. Коржова Е. Ю. Интегративный подход к психологии жизненного пути личности. *Интегративный подход к познанию психологии человека*, науч. ред. Е. Ю. Коржова. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 53–68. [Korjova E. Yu. An integrative approach to the psychology of a person's life path. *Integrative approach to the knowledge of human psychology*, ed. E. Yu. Korjova. St. Petersburg: RSPU named after A. I. Herzen, 2017, 53–68. (In Russ.)]
10. Мартыанова Г. Ю. Исследование связи временной перспективы и саморегуляции в трудной жизненной ситуации. *Психолог*. 2020. № 1. С. 34–43. [Martyanova G. Yu. The study of correlation between time perspective and self-regulation in a difficult life situation. *Psychologist*, 2020, (1): 34–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2020.1.32180>
11. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007. 272 с. [Knyazeva E. N., Kurdiymov S. P. *Synergetics. Nonlinearity of time and landscapes of co-evolution*. Moscow: KomKniga, 2007, 272. (In Russ.)]
12. Князева Е. Н., Куркина Е. С. Глобальная динамика мирового сообщества. *Историческая психология и социология истории*. 2009. Т. 2. № 1. С. 129–153. [Knyazeva E. N., Kurkina E. S. Global dynamics of the world community. *Historical Psychology & Sociology*, 2009, 2(1): 129–153. (In Russ.)]
13. Хмелевская С. А. Темпомиры форм постижения бытия. *Социально-политические науки*. 2012. № 4. С. 105–108. [Khmelevskaya S. A. Tempoworlds of forms of existence cognition. *Socio-political Sciences*, 2012, (4): 105–108. (In Russ.)]
14. Солоненко М. А. Коэволюционная сложность окружающего мира и многообразие форм восприятия (современные направления и подходы в изучении проблемы восприятия времени). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. № 1. С. 163–168. [Solonenko M. A. Co-evolutionary complexity of the world and variety

- of forms of perception of time (modern trends and approaches in the study of problem of time perception). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, (1): 163–168. (In Russ.)]
15. Буданов В. Г., Синицына Т. А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности (II): Постнеклассика, темпоральность, рефлексия театральной игры. *Культура и искусство*. 2020. № 10. С. 49–66. [Budanov V. G., Sinitsyna T. A. Quantum-synergetic ontology of generalized corporeality (II): post-nonclassics, temporality, and reflection of acting. *Culture and Art*, 2020, (10): 49–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.10.34181>
 16. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Будущее как проблема научного исследования. *Стратегические приоритеты*. 2016. № 2. С. 31–41. [Ursul A. D., Ursul T. A. The future as a problem of scientific research. *Strategicheskie prioritety*, 2016, (2): 31–41. (In Russ.)]
 17. Урсул А. Д. Проблема будущего в образовании: от модернизации к футуризации. *Образовательные технологии (г. Москва)*. 2019. № 3. С. 9–26. [Ursul A. D. The problem of the future in education: from modernization to futurization. *Educational Technologies*, 2019, (3): 9–26. (In Russ.)]
 18. Аникина Е. А., Иванкина Л. И. Отношение к старости как фактор благополучного старения. *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2019. № 2. С. 63–71. [Anikina E. A., Ivankina L. I. Attitude toward age as a factor of safe ageing process. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2019, (2): 63–71. (In Russ.)] [https://doi.org/10.18799/24056537/2019/2\(33\)/964](https://doi.org/10.18799/24056537/2019/2(33)/964)
 19. Волохова В. И., Кошенова М. И., Шабанов Д. М. Исследование динамики психологического времени в эпоху юности. *Вестник Самарского государственного технического университета*. 2020. № 4. С. 75–90. [Volkhova V. I., Koshenova M. I., Shabanov D. M. Study of psychological time dynamics at the age of youth. *Vestnik of Samara State Technical University*, 2020, (4): 75–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2020.4.7>
 20. Каширина О. В., Филюшкина Д. В. Приоритетные потребности и формирование нового типа мышления молодежи поколения Z как цивилизационного субъекта, устремленного в будущее. *Общество: философия, история, культура*. 2021. № 7. С. 13–18. [Kashirina O. V., Filyushkina D. V. Priority needs and formation of a new type of thinking of the youth of generation Z as a civilizational subject, looking to the future. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2021, (7): 13–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/fik.2021.7.1>
 21. Simchy-Gross R., Margulis E. H. Expectation, information processing, and subjective duration. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2018, 80: 275–291. <https://doi.org/10.3758/s13414-017-1432-4>
 22. Cheng X., Mao Y., Lei Y., Lin C., Lou C., Fan Z., Ding X. The internal representation of temporal orienting: a temporal pulse-accumulation and attentional-gating-based account. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2021, 83: 331–355. <https://doi.org/10.3758/s13414-020-02176-y>
 23. Elliott M. A., Shi Z., Süner F. The effects of subthreshold synchrony on the perception of simultaneity. *Psychological Research*, 2007, 71: 687–693. <https://doi.org/10.1007/s00426-006-0057-3>
 24. Gibson B. S., Healey M. K., Schor D., Gondoli D. M. Space and time in the similarity structure of memory. *Psychonomic Bulletin & Review*, 2021, 28: 2003–2011. <https://doi.org/10.3758/s13423-021-01940-x>
 25. Bangert A. S., Kurby C. A., Hughes A. S., Carrasco O. Crossing event boundaries changes prospective perceptions of temporal length and proximity. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2020, 82: 1459–1472. <https://doi.org/10.3758/s13414-019-01829-x>
 26. Elliott M. A., Giersch A. What happens in a moment. *Frontiers in Psychology*, 2016, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01905>
 27. Poncelet P. E., Giersch A. Tracking visual events in time in the absence of time perception: implicit processing at the ms level. *PLoS ONE*, 2015, 10(6). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0127106>
 28. Elliott M. A., Zalewska M., Wittmann M. Mindfulness meditation influences implicit but not explicit coding of temporal simultaneity. *Journal of Cognitive Enhancement*, 2022, 6: 159–169. <https://doi.org/10.1007/s41465-021-00227-2>
 29. Garsoffky B., Huff M., Schwan S. Mind the gap: temporal discontinuities in observed activity streams influence perceived duration of actions. *Psychonomic Bulletin & Review*, 2017, 24: 1627–1635. <https://doi.org/10.3758/s13423-017-1239-2>
 30. Jovanovic L., Mamassian P. Temporal context affects the perceived time of visual events. *Psychonomic Bulletin & Review*, 2020, 27: 56–61. <https://doi.org/10.3758/s13423-019-01682-x>
 31. Horr N. K., Di Luca M. Taking a long look at isochrony: perceived duration increases with temporal, but not stimulus regularity. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2015, 77: 592–602. <https://doi.org/10.3758/s13414-014-0787-z>
 32. Bixter M. T., Luhmann C. C. The social contagion of temporal discounting in small social networks. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 2021, 6(1). <https://doi.org/10.1186/s41235-020-00249-y>
 33. Mittelstädt V., Miller J., Leuthold H., Mackenzie I. G., Ulrich R. The time-course of distractor-based activation modulates effects of speed-accuracy tradeoffs in conflict tasks. *Psychonomic Bulletin & Review*, 2022, 29: 837–854. <https://doi.org/10.3758/s13423-021-02003-x>

34. Heusser A. C., Ezzyat Y., Shiff I., Davachi L. Perceptual boundaries cause mnemonic trade-offs between local boundary processing and across-trial associative binding. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2018, 44(7): 1075–1090. <https://doi.org/10.1037/xlm0000503>
35. Manceloglu M., Grabowecky M., Suzuki S. Comparing the effects of implicit and explicit temporal expectation on choice response time and response conflict. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2017, 79: 169–179. <https://doi.org/10.3758/s13414-016-1230-4>
36. Xu Z., Ren Y., Guo T., Wang A., Nakao T., Ejima Y., Yang J., Takahashi S., Wu J., Wu Q., Zhang M. Temporal expectation driven by rhythmic cues compared to that driven by symbolic cues provides a more precise attentional focus in time. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2021, 83: 308–314. <https://doi.org/10.3758/s13414-020-02168-y>
37. Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация. *Психологические исследования*. 2013. Т. 6. № 31. [Kornilova T. V. Melbourne decision making questionnaire: a Russian adaptation. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2013, 6(31). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.671>
38. Бредун Е. В., Щеглова Э. А., Смешко Е. В., Шмер Т. А. Диагностические возможности опросника «Темпоральные модальности жизнеосуществления». *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 82. С. 174–190. [Bredun E. V., Shcheglova E. A., Smeshko E. V., Shmer T. A. Diagnostic capabilities of "Temporal modality of life fulfillment" questionnaire. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (82): 174–190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/82/10>
39. Бредун Е. В., Куликов И. А. Диагностические маркеры темпорально-когнитивных стратегий решения жизненных задач. *Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал: мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 25–26 ноября 2021 г.)* Петрозаводск: Версо, 2022. С. 66–74. [Bredun E. V., Kulikov I. A. Diagnostic markers of temporal-cognitive strategies for solving life problems. *Psychological health of a person: life resource and life potential: Proc. VIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, 25–26 Nov 2021*. Petrozavodsk: Verso, 2022, 66–74. (In Russ.)]
40. Кабрин В. И. Холистическая модель когнитивно-ноэтического развития личности. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 81. С. 6–27. [Kabrin V. I. A holistic model for individual noetic-cognitive development. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (81): 6–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267081/81/1>
41. Баланёв Д. Ю. Экспериментальные и исследовательские приемы реконструкции перцептивного пространства человека. In: Клочко В. Е., Краснорядцева О. М., Баланёв Д. Ю. *Приемы и методы психологической реконструкции жизненного мира человека: постнеклассический ракурс*. Томск: ТГУ, 2016. С. 131–150. [Balanev D. Yu. Experimental and research techniques for the reconstruction of the human perceptual space. In: Klochko V. E., Krasnoryadtseva O. M., Balanev D. Yu. *Techniques and methods of psychological reconstruction of the human life world: a post-non-classical perspective*. Tomsk: TSU, 2016, 131–150. (In Russ.)]

оригинальная статья

Особенности представлений о счастье в детском и пожилом возрасте

Булкина Наталья Анатольевна
Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону
<https://orcid.org/0000-0002-0525-8313>
aboulkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.01.2022. Принята после рецензирования 11.03.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Счастье, как и здоровье, необходимо человеку для полноценной жизни. В настоящее время, несмотря на огромный научный интерес к счастью, нет полной ясности ни в определении данного конструкта, ни в особенностях представлений о счастье в различных возрастных группах. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей понимания счастья в детском и пожилом возрасте. Цель – изучить представления о счастье детей и пожилых взрослых и выявить их отличительные особенности. Гипотеза: несмотря на различия, существуют общие представления о счастье у детей и пожилых людей. В исследовании приняли участие дети в возрасте 7–10 лет ($N=120$; $M=8,31$; $SD=1,09$) и пожилые люди в возрасте 60–90 лет ($N=82$; $M=70,43$; $SD=7,77$). В качестве метода статистического анализа использовался критерий ϕ -Фишера. В результате выявлены общие ценности детей и пожилых людей – здоровье, семья, отношения, благополучие (все хорошо), а также различия в представлениях о счастье. Пожилые люди трактуют данный конструкт как благополучие. Счастье пожилых людей связано с удовлетворенностью жизнью и ее значимыми сферами: здоровьем, любовью и взаимопониманием, семейным благополучием, доходом, поддержкой близких. У пожилых людей представления о счастье не ассоциируются с положительными эмоциями, отдыхом, досугом или активностью (0 % ответов). Детские представления о счастье связаны с удовольствием, радостью, весельем, друзьями, отдыхом, подарками. Дети чаще пожилых людей переживают моментальное счастье.

Ключевые слова: представления о счастье, пожилые люди, дети, благополучие, моментальное счастье, удовлетворенность жизнью

Цитирование: Булкина Н. А. Особенности представлений о счастье в детском и пожилом возрасте. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 440–445. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-440-445>

full article

Concept of Happiness in Children and Older Adults

Natalia A. Bulkina
Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don
<https://orcid.org/0000-0002-0525-8313>
aboulkina@yandex.ru

Received 27 Jan 2022. Accepted after peer review 11 Mar 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: Happiness, like health, is an integral component of a full-quality life. Despite the enormous academic interest to this concept, its definition and age-related specifics still remain unclear. This empirical research focused on the way happiness is interpreted by children and senior citizens. The initial hypothesis was that these age groups share at least some similarities in their understanding of happiness. The study involved children aged 7–10 ($N=120$; $M=8.31$; $SD=1.09$) and senior citizens aged 60–90 ($N=82$; $M=70.43$; $SD=7.77$). The obtained data were processed using Fischer's criterion. Health, family, relationships, and well-being were registered in both age groups, which confirmed the initial hypothesis. However, elderly participants were more likely to interpret happiness as well-being. They associated it with life satisfaction in health, love and belonging, family well-being, income, supportive relationships, etc. Not a single respondent in this group linked happiness with positive emotions, rest, leisure, or recreational activity. Children, on the other hand, perceived happiness as a kind of pleasure associated with joy, fun, friends, recreation, and gifts.

Keywords: happiness, experiencing happiness, old age, children, well-being, instant happiness, life satisfaction

Citation: Bulkina N. A. Concept of Happiness in Children and Older Adults. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 440–445. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-440-445>

Введение

Счастье – базовая человеческая потребность, такая же как потребности в пище, безопасности или сексе. По мнению ученых, счастье приносит людям множество бонусов, например, облегчает социальное взаимодействие [1], помогает достигать цели, продуцировать новые идеи [2]. Счастливые люди более здоровы, живут дольше [1; 3], более активны, креативны, стрессоустойчивы [4], успешны [5]. По сравнению с депрессивными людьми, счастливые люди менее сосредоточены на себе, менее враждебны, менее агрессивны [6]. Они также более любящие, прощающие, доверчивые, энергичные, решительные и общительные, у них позитивное мировоззрение [5], выше способность к самоконтролю, саморегуляции и совладанию [4].

Несмотря на безусловную значимость счастья для людей, не существует единой дефиниции данного феномена. Американский психиатр Томас Сас (T. S. Szasz) утверждал: «Счастье – выдуманное состояние, его живые приписывают мертвым, взрослые – детям, а дети – взрослым» [по: 7, р. 13]. Н. М. Jones заметил, что счастье – концепт, значение которого понятно всем, но его точную дефиницию никто не может дать [по: 8]. Французский эссеист П. Брюкнер уподобил счастье воде, способной заполнить любую емкость, но, по его мнению, не найти емкости, полностью исчерпывающей счастье [9]. S. Lyubomirsky называет счастьем состояние ума, включающее переживание радости, удовлетворенности или позитивного благополучия, в сочетании с ощущением того, что жизнь человека хороша, значима и достойна [10, р. 239]. R. Veenhoven считает счастье величиной, показывающей, насколько человеку нравится жизнь, которой он живет [11]. M. S. Mohanty дает определение счастья как устойчивого психологического чувства пребывания в состоянии удовлетворенности [12]. Д. А. Леонтьев характеризует счастье как эмоциональное состояние с максимально выраженной положительной окраской [13, с. 19]. Основными элементами концепта счастья являются позитивные эмоции; состояние удовлетворенности; субъективные оценки того, насколько человеку *нравится* его жизнь или он ею *удовлетворен*; акцент на расплывчатости данного понятия.

Аристотель в Никомаховой Этике писал, что счастье – высшее благо, суть всех желаний, дар богов и единственная внутренняя цель, к которой стоит стремиться [14]. Средневековые богословы считали счастьем благо и добродетель. И. Кант объяснял счастье как полное благополучие и удовлетворенность своим состоянием [15].

Понимание счастья как наивысшего блага, ведущего к духовному развитию личности (эвдемония), легло в основу гуманистических психологических концепций XX в., теории психологического благополучия К. Рифф, теории внутренней мотивации и самодетерминации человеческого поведения (R. M. Ryan, E. L. Deci). Представители эвдемонизма полагают, что благополучие индивида объемнее счастья, оно состоит в реализации человеком его истинной

природы или своего даймона (духа). Данного подхода придерживаются авторы концепций психологического процветания. Понимание счастья как радости и наслаждения воплотилось в доктрине гедонизма. Его представители – древнегреческие философы Аристипп и Эпикур – считали высшим благом физическое удовольствие. Эпикур также полагал, что счастье человеку может доставить отсутствие страданий. Утилитаристы Д. Юм, И. Бентам, Дж. Милль отождествляли со счастьем полезность – способность приносить пользу, удовольствие или благо.

В 1960-х гг. Н. Брэдбёрн (N. Bradburn) предложил научный эквивалент счастья – конструкт психологического благополучия, построенный на соотношении боли и удовольствия в чувственном опыте индивида. E. Diener дополнил модель Н. Брэдбёрна оценочными суждениями о жизни в целом, представив в качестве научного аналога счастья конструкт субъективного благополучия [16]. Идея о балансе боли и наслаждения получила развитие, например, в исследованиях В. L. Fredrickson: чувственное удовольствие возникает, когда приятный аффект сопровождается удовлетворением потребностей, будь то физических, интеллектуальных или социальных [6]. Идеи Аристиппа и Эпикура продолжают развиваться в поле гедонистической психологии.

Анализ литературы показал, что в настоящее время в науке существует высокий интерес к феномену счастья, как и отсутствие единства в его понимании – от иллюзии до блага, от полезности до качества жизни. На вопрос *Что такое счастье?* можно получить ответы: состояние внутреннего штиля, восторг от жизни, крылья за спиной, если тебя любят, когда любишь ты. Признавая факт, что люди бесконечно разнообразны, обратим внимание на то, что они выделяют, когда им предоставляется такая возможность.

Типы счастья. Экономисты измеряют счастье в глобальных масштабах, оперируя такими понятиями, как всеобщее счастье, валовое национальное счастье, индекс процветания (Prosperity index) и др. На персональном уровне философ и искусствовед W. Tatarkiewicz разделял реальное счастье, которым человек обладает, и идеальное, к которому стремится [17]. Д. А. Леонтьев выделяет счастье-минимум, зависимое от качества жизни, удовлетворения базовых потребностей, и счастье-максимум, связанное с индивидуальными стратегиями, смыслом, деятельностью и добродетелью [13, с. 28].

Психологическая способность чувствовать себя счастливым в какой-то момент времени (счастье как яркая положительная эмоция) получила название моментального счастья [18]. Такое счастье предполагает положительный баланс приятных переживаний в данный момент или в короткой временной перспективе. F. Feldman называет его эпизодическим счастьем [19, р. 127–136], Д. А. Леонтьев – острым счастьем [13, с. 19]. Люди, которые находятся в приподнятом настроении, чувствуют себя хорошо, улыбаются, испытывают подобное счастье.

D. Kahneman приравнивал счастье к полезности (*utility*). Объективный уровень счастья в данный момент, или *мгновенная полезность*, – степень, в которой человек хочет, чтобы переживаемый в этот момент опыт был продолжен. Запомнившаяся *полезность* эпизода опыта определяется ретроспективной глобальной оценкой его субъектом. Объективное счастье – это временной интеграл мгновенных полезностей для всех моментов в течение интервала [18].

Помимо запомнившейся полезности, память бережно хранит приятные воспоминания, оживающие от услышанной полузабытой мелодии, при виде старой фотографии из альбома, выпавшего из книги засохшего цветка, даже случайно найденного вкладыша от жвачки. Такие воспоминания можно назвать реминисценцией счастья или памятью о счастье.

Счастье в жизни – счастье в интервале длиной в жизнь (*lifetime happiness*) [19]. Быть счастливым в жизни означает иметь в целом позитивный эмоциональный настрой, состояние вовлеченности и одобрения вкупе с незначительно выраженным негативным аффектом [20, р. 147].

Кто счастливее. Хотя люди могут быть счастливы в любом возрасте, закономерен вопрос: существует ли связь между возрастом и счастьем? Общеизвестное мнение, что детство – самая счастливая пора жизни. Утверждается, что дети смеются в среднем 300 раз в день, а взрослые – только 15. Очевидно, что дети более позитивны и жизнерадостны по сравнению с подростками и взрослыми. Когда для определения уровня счастья детям предъявляли смайлометр (*smileyometer*) с изображением смайликов от негативного, нейтрального до смеющегося, практически все дети выбирали 4-ю и 5-ю позиции (позитивный и очень позитивный) [21]. То, что дети, как правило, счастливее взрослых, Д. А. Леонтьев связывает с низким уровнем личностной зрелости у детей, когда образы и критерии высшего блага просты [22].

Существуют исследования, доказывающие, что пожилые люди значительно больше удовлетворены жизнью, чем молодые [23]. С возрастом у людей желания уменьшаются, а достижения накапливаются, это приносит определенное удовлетворение. Большая часть жизни позади, поставленные цели достигнуты, спешить некуда, в коробке осталось мало конфет, остается наслаждаться сегодняшним днем, потому как завтра может не наступить. Другое исследование показало, что жизненная удовлетворенность с возрастом растет, до 71–75 лет, затем начинает постепенно снижаться [24]. Экономисты обнаружили U-закономерность изменения субъективного благополучия в течение жизни: высокое – в детстве и пожилом возрасте, более низкое – в середине жизни, что подтвердилось данными опроса Гэллапа [25; 26].

Цель – изучить представления о счастье детей и пожилых взрослых и выявить их отличительные особенности. Гипотеза исследования: вне зависимости от возраста существуют некие общие представления о счастье.

Материалы и методы

Исследование проходило в г. Ростов-на-Дону, участие в нем было добровольным. Респондентами стали дети в возрасте 7–10 лет ($N=120$; $M=8,31$; $SD=1,09$), учащиеся 1–4 классов МАОУ Лицей № 33; и пожилые люди, посещающие городской Совет ветеранов войны и труда, в возрасте 60–90 лет ($N=82$; $M=70,43$; $SD=7,77$), из них 38 % – мужчины. Чтобы ребенок, участвующий в исследовании, мог обеспечить оптимальную реакцию, он должен понимать смысл вопроса; быть в состоянии связать формулировку вопроса с собственным прошлым опытом; вынести суждение о своем прошлом опыте в соответствии с заданным вопросом [27]. Детям рассказали о целях исследования, спросили, знакомо ли им слово *счастье*, понимают ли они его смысл и значение, затем попросили на листочках бумаги написать ответ на вопрос *Что такое счастье?* Тому, кто затруднялся со словесной формулировкой ответа, было предложено нарисовать рисунок счастья. Пожилым людям также рассказали о цели исследования и попросили в письменной форме ответить на вопрос *Что такое счастье?* От всех участников было получено информированное согласие. В качестве метода статистического анализа использовали критерий ϕ -Фишера, предназначенный для оценки значимости различия дисперсий двух случайных выборок.

Результаты

Данные попарного сравнения после предварительной обработки ответов детей и пожилых людей по каждому показателю с помощью критерия ϕ -Фишера представлены в таблице. Представления о счастье детей и пожилых людей значительно отличаются друг от друга.

Положительные эмоции, хорошее настроение, радость, веселье связывают со счастьем 50 % детей и 0 % пожилых взрослых. По шкале *родители, семья, дети, внуки* показатели у детей (37,5 %) выше, чем у взрослых (23,17 %); $\phi=2,189$; $p<0,05$. Детям важно сохранять чувство защищенности, принадлежности, чувствовать, что они любимы близкими людьми. Кто-то из детей нарисовал рисунок семьи; кто-то написал: *Счастье – это когда семья собирается вместе.*

Представления о счастье детей связаны с дружбой в 18,33 % случаев против 2,44 % у пожилых людей ($\phi=3,987$; $p<0,01$).

Пожилые люди отождествляют счастье со здоровьем (60,98 %, $\phi=5,749$; $p<0,01$), которое в пожилом возрасте обретает первостепенную значимость как условие для благополучной и счастливой жизни. Неблагоприятные изменения в состоянии здоровья оказывают длительное и негативное влияние на счастье [26]. Для детей выбор здоровья как аналога счастья также оказался приоритетным (на 3 месте по значимости; 21,67 %). Здоровье – базовая ценность, что особенно остро все осознали в период пандемии COVID-19.

Табл. Сравнение представлений о счастье детей и пожилых людей, проведенное с помощью критерия ф-Фишера
Tab. Responses to "What is happiness?": children vs. older adults (Fischer's criterion)

Показатель	Процентная доля в группе, %		Эмпирическое значение критерия ф	р
	Дети	Пожилые взрослые		
Здоровье твоё и твоих близких	22	61	5,749	p<0,01
Родители, семья, дети, внуки	38	23	2,189	p<0,05
Подарки	7	–	3,645	p<0,01
Друзья, дружба, отношения	18	2	3,987	p<0,01
Любовь, взаимопонимание	7	37	5,422	p<0,01
Процесс познания, саморазвитие, самореализация, творчество	5	7	0,676	p>0,05
Спорт, активность	6	–	3,405	p<0,01
Успехи в учебе, работе, деле	11	16	1,035	p>0,05
Досуг, игры	5	–	3,148	p<0,01
Еда, сладости	3	–	2,216	p<0,05
Праздники (Новый год, день рождения)	12	–	4,866	p<0,01
Материальные блага, богатство, доход, достаток	6	32	4,944	p<0,01
Отдых	16	–	5,713	p<0,01
Домашние питомцы	7	–	3,645	p<0,01
Положительные эмоции, хорошее настроение, радость, веселье	50	–	10,963	p<0,01
Все хорошо	13	10	0,784	p>0,05
Погода, природа	8	–	4,088	p<0,01
Жизнь	7	17	2,3	p<0,05
Достижение целей	3	13	2,671	p<0,01
Удача, везение	1	–	1,276	p>0,05
События (что-то хорошее случается)	1	1	0,269	p>0,05
Поощрение, одобрение (тебя похвалили)	1	–	1,276	p>0,05
Поддержка близких	–	10	4,434	p<0,01
Удовлетворенность жизнью	–	7	3,824	p<0,01
Возможность помогать другим	–	6	3,483	p<0,01
Мир, благополучие всех людей	–	2	2,189	p<0,05
Благополучие и мир в семье	–	32	8,349	p<0,01
Свобода выбора	–	1	1,545	p>0,05
Понимание смысла жизни	–	1	1,545	p>0,05

Для 36,59 % пожилых взрослых счастье ассоциируется с любовью и взаимопониманием (счастье – когда тебя понимают); $\varphi=5,422$; $p<0,01$. Третью строку по значимости у пожилых людей заняли семейное благополучие (31,71 %; $\varphi=8,349$; $p<0,01$) и материальные блага (31,71 %; $\varphi=4,944$; $p<0,01$). Люди считают, что деньги приносят счастье. Исследования подтверждают факт наличия положительной корреляции между доходом и субъективным благополучием [26; 28]. Достижение целей (когда получаешь то, к чему долго шел) значимо для 13,41 % взрослых и для 3,33 % детей; $\varphi=2,671$; $p<0,01$.

Пожилым людям важны экзистенциальные ценности: жизнь (17 %); работа, любимое дело, «когда идешь с удовольствием на работу и с удовольствием с нее возвращаешься» (16 %); достижение целей (13 %). У пожилых людей есть потребность помогать другим (6 %) и самим получать поддержку (10 %).

Полученные данные свидетельствуют о том, что пожилые люди сужают социальные контакты до семьи, детей и работы, мало уделяют внимание дружескому общению (2 %). Счастье в понимании смысла жизни видит 1 % пожилых людей, так же как в ярких или значительных

событиях в жизни. По мнению Д. А. Леонтьева, на более высоких уровнях зрелости (личностной, духовной) счастья достичь труднее, чем в детстве, по причине того, что дистанция между реальностью и идеалом увеличивается, счастье становится более сложным и труднодостижимым [22].

Заключение

Как показали результаты исследования, имеются существенные различия в представлениях о счастье между детьми и пожилыми взрослыми. Пожилые люди понимают счастье как благополучие, или удовлетворенность жизнью в целом и ее значимыми сферами: здоровьем, семейным благополучием, материальным достатком, любовью и взаимопониманием, работой. Пожилые люди не связывают счастье с положительными эмоциями, радостью, активностью, досугом, праздниками (0 %).

Дети часто интерпретируют счастье как удовольствие. Детское счастье связано с положительными эмоциями, друзьями, отдыхом, погодой, природой, домашними питомцами, подарками. Аристотель полагал, что детям не дано вкусить счастье – высшее и самое прекрасное благо, из-за неспособности в силу возраста к добродетели и ощущению полноты жизни [14]. Действительно, детям не свойственно эвдемонистическое понимание счастья, хотя были детские ответы, где в качестве аналогов счастья названы успехи в учебе (11 %), творчество и саморазвитие (5 %), достижение целей (3 %). Дети воспринимают счастье аффективно, всегда находят источники счастья, которыми могут стать интересные события, новые впечатления. Дети наслаждаются радостью бытия через разные виды активности: они играют, рисуют, танцуют, бегают, поют,

смеются и гораздо чаще пожилых людей переживают гедонистическое или моментальное счастье.

Счастье детей – легкое, простое; счастье пожилых – сложное и труднодостижимое. Но все сложное сложено из простого. Если пожилые люди будут больше улыбаться, по возможности больше двигаться, не ограничивать круг общения семьей и родными, замечать красоту окружающего мира, ценить мгновенья жизни, они станут счастливее, а значит здоровее [29; 30].

Существует ли общечеловеческое понимание счастья? Утилитарист Е. Бентам утверждал: «Счастье одного человека никогда не будет счастьем другого», вместе с тем сравнение приоритетных ответов детей и взрослых показывает наличие общих ценностей, среди которых видим здоровье, семью, отношения, благополучие. Полученные результаты требуют дополнительного обсуждения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор выражает благодарность за помощь в организации и проведении исследования учителю музыки МАОУ Лицей № 33 г. Ростов-на-Дону Митасовой Виктории Валентиновне.

Acknowledgements: The author would like to thank Victoria V. Mitasova from Lyceum No. 33 (Rostov-on-Don) for her help in organizing and conducting this research.

Литература / References

1. De Neve J.-E., Diener E., Tay L., Xuereb C. The objective benefits of subjective well-being. *World happiness report 2013*, eds. Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. NY: UN Sustainable Network Development Solutions Network, 2013. P. 54–79.
2. Walsh L. C., Boehm J. K., Lyubomirsky S. Does happiness promote career success? Revisiting the evidence. *Journal of Career Assessment*, 2018, 26(2): 199–219. <https://doi.org/10.1177/1069072717751441>
3. Diener E., Chan M. Y. Happy people live longer: subjective well-being contributes to health and longevity. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, 2011, 3(1): 1–43. <https://doi.org/10.1111/j.1758-0854.2010.01045.x>
4. Tan C.-S., Tan S.-A., Mohd Hashim I. H., Lee M.-N., Ong A. W.-H., Yaacob S. nor B. Problem-solving ability and stress mediate the relationship between creativity and happiness. *Creativity Research Journal*, 2019, 31(1): 15–25. <https://doi.org/10.1080/10400419.2019.1568155>
5. Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? *Psychological Bulletin*, 2005, 131(6): 803–855. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.6.803>
6. Fredrickson B. L. The broaden-and-build theory of positive emotions. *Philosophical transactions of the Royal Society B: Biological sciences*, 2004, 359(1449): 1367–1377. <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1512>
7. *The portable curmudgeon*, comp. and ed. Winokur J. NY: New American Library, 1987.
8. Myers D. G., Diener E. Who is happy? *Psychological Science*, 1995, 6(1): 10–19. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1995.tb00298.x>
9. Брюкнер П. Вечная эйфория: эссе о принудительном счастье. СПб.: Иван Лимбаха, 2007. 238 с. [Bruckner P. *Perpetual euphoria: on the duty to be happy*. St. Petersburg: Ivan Limbakh, 2007, 238. (In Russ.)]
10. Lyubomirsky S. Why are some people happier than others? The role of cognitive and motivational processes in well-being. *American Psychologist*, 2001, 56(3): 239–249. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.56.3.239>

11. Veenhoven R. How do we assess how happy we are? Tenets, implications and tenability of three theories. *Happiness, economics and politics: towards a multi-disciplinary approach*, eds. Dutt A. K., Radcliff B. Cheltenham UK: Edward Elgar Publishers, 2009, 45–69.
12. Mohanty M. S. What determines happiness? Income or attitude: evidence from the U.S. longitudinal data. *Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics*, 2014, 7(2): 80–102. <https://doi.org/10.1037/npe0000019>
13. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 14–37. [Leontiev D. A. Happiness and well-being: toward the construction of the conceptual field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (1): 14–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
14. Aristotle. *Nicomachean ethics*. Chicago-London, 2006, XXI+339.
15. Kant I. *Groundwork of the metaphysics of morals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, XXXVI+76.
16. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984, 95(3): 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>
17. Tatarikiewicz W. *Analysis of happiness*. The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff, 1976, 356.
18. Kahneman D. Experienced utility and objective happiness: a moment-based approach. *Choices, values and frames*, eds. Kahneman D., Tversky A. NY: Cambridge University Press and the Russell Sage Foundation, 2000, 673–692. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803475.038>
19. Feldman F. *What is this thing called happiness?* NY: Oxford University Press, 2010, 304.
20. Haybron D. M. *The pursuit of unhappiness: the elusive psychology of well-being*. NY: Oxford University Press, 2008, 357.
21. Hall L., Hume C., Tazzyman S. Five degrees of happiness: effective smiley face Likert scales for evaluating with children. *IDC '16: Proc. 15th Intern. Conf. on Interaction Design and Children*, Manchester, UK, 21–24 Jun 2016. NY: Association for Computing Machinery, 311–321. <http://dx.doi.org/10.1145/2930674.2930719>
22. Леонтьев Д. А. К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости. *Человек*. 2011. № 5. С. 34–46. [Leontiev D. A. Toward an anthropology of happiness: the state of well-being and the way of enjoyment. *Chelovek*, 2011, (5): 34–46. (In Russ.)]
23. Easterlin R. A. Life cycle happiness and its sources. Intersections of psychology, economics and demography. *Journal of Economic Psychology*, 2006, 27(4): 463–482. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2006.05.002>
24. Hudomiet P., Hurd M. D., Rohwedder S. The age profile of life satisfaction after age 65 in the U.S. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2021, 189: 431–442. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.07.002>
25. Blanchflower D. G. Is happiness U-shaped everywhere? Age and subjective well-being in 145 countries. *Journal of Population Economics*, 2021, 34(2): 575–624. <https://doi.org/10.1007/s00148-020-00797-z>
26. Kolosnitsyna M., Khorkina N., Dorzhiev K. What happens to happiness when people get older? Socio-economic determinants of life satisfaction in later life. *Basic research program. Working papers. Series: Economics*. WP BRP 68/EC/2014. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/lwnp739fef/142548283.pdf> (accessed 20 Jan 2022).
27. Bell A. Designing and testing questionnaires for children. *Journal of Research in Nursing*, 2007, 12(5): 461–469. <https://doi.org/10.1177/17449871079616>
28. Killingsworth M. A. Experienced well-being rises with income, even above \$75,000 per year. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2021, 118(4). <https://doi.org/10.1073/pnas.2016976118>
29. Veenhoven R. Healthy happiness: effects of happiness on physical consequences for preventive health care. *Journal of Happiness Studies*, 2008, 9(3): 449–469. <https://doi.org/10.1007/s10902-006-9042-1>
30. Dahlen M., Thorbjørnsen H., Sjaastad H., von Heideken Wagert P., Hellström C., Kerstis B., Lindberg D., Stier J., Elvén M. Changes in physical activity are associated with corresponding changes in psychological well-being: a pandemic case study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, 18(20). <https://doi.org/10.3390/ijerph182010680>

оригинальная статья

Темпоральные аспекты образа жизни жителей Камчатского края

Кулик Анастасия Андреевна
Камчатский государственный университет имени
Витуса Беринга, Россия, Петропавловск-Камчатский
<https://orcid.org/0000-0001-8736-5464>
anastasija81@yandex.ru

Мазуркевич Андрей Викторович
Камчатский государственный университет имени
Витуса Беринга, Россия, Петропавловск-Камчатский
<https://orcid.org/0000-0002-4947-0498>

Поступила 06.05.2022. Принята после рецензирования 24.06.2022. Принята в печать 04.07.2022.

Аннотация: Представлен обзор теоретических положений, позволяющих рассматривать различные аспекты образа жизни и темпоральности как внутреннего, субъективного времени, в котором заключаются характеристики протекания всех процессов жизнедеятельности. Цель – изучить темпоральные аспекты образа жизни лиц, проживающих в сложных природно-климатических условиях. При помощи регрессионного анализа получены уравнения, позволяющие выделить общие темпоральные особенности временной перспективы (по модусам) во взаимосвязи с характеристиками образа жизни. Параметр прошлого в структуре временной перспективы рассогласован, одновременно сочетая отрицательные и положительные характеристики, отображает некую предопределенность в построении жизненного пути, в которой активности субъекта не хватает для противопоставления себя миру и окружающей среде. Настоящее, выражающееся в позиции гедонизма и фатализма, приводит к блокировке построения перспективы будущего. Предопределенность формирует установку, при которой активность субъекта снижается. Гедонистическое настоящее и фаталистическое настоящее сущностно различны, вместе с тем анализ уравнений показал, что есть общий элемент в структуре образа жизни, связывающий гедонистическое и фаталистическое настоящее в единое целое и определяющий направленность жизни человека. В условиях текущего настоящего человек ориентируется на социальные контакты как ресурс, на компромиссность как условие реализации жизненной стратегии и зависимость от внешних и внутренних параметров как неизбежность этого мира. Будущее протраивается слабо (при доминировании фатализма). Темпоральные особенности образа жизни: показана неспособность субъекта противостоять / противопоставлять себя миру, что выражается в организации жизни по заранее заданному плану, подверженность индивида следованию указаниям, с помощью которых собственное поведение и устройство жизни становится более рациональным. Характерна перманентная невротическая конфликтность, дисгармоничность образа жизни, проявленная в виде полярных, несводимых / несоединимых аспектов его оценки и описания.

Ключевые слова: темпоральность, временная перспектива, жизненный сценарий, перспектива будущего, хронотоп

Цитирование: Кулик А. А., Мазуркевич А. В. Темпоральные аспекты образа жизни жителей Камчатского края. *Вестник Кеморо-вского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 446–453. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-446-453>

full article

Temporal Aspects of Lifestyle in the Kamchatka Territory

Anastasia A. Kulik
Vitus Bering Kamchatka State University, Russia,
Petropavlovsk-Kamchatsky
<https://orcid.org/0000-0001-8736-5464>
anastasija81@yandex.ru

Andrey V. Mazurkevich
Vitus Bering Kamchatka State University, Russia,
Petropavlovsk-Kamchatsky
<http://orcid.org/0000-0002-4947-0498>

Received 6 May 2022. Accepted after peer review 24 Jun 2022. Accepted for publication 4 Jul 2022.

Abstract: This article introduces lifestyle and temporality as subjective time that includes characteristics of all life activity processes. The research involved residents of the Kamchatka Territory in the Russian Far East. A regression analysis provided equations that revealed the common temporal specialties of time perspectives in conjunction with lifestyle. The parameter of *the past* in the time perspective structure lacked coordination and combined negative and positive characteristics. It reflected a certain predetermination in life path construction with a deficit of activity where the subjects would have to oppose themselves to the world and environment. The parameter of *the present* revealed hedonism and fatalism that blocked future life planning and a life predetermination forms (I cannot control my life). Hedonistic present and fatalistic present were essentially different. However, the equation analysis showed a common element in the lifestyle structure that connected hedonistic and fatalistic present and defined the vector of human life. In *the present*, respondents relied on their social contacts as a friendly resource,

on compromise as a life strategy, and dependence of inner and outer parameters as an inevitability of the world. *The Future* appeared to be an unstable construct with predominating fatalism. The temporal specialties of lifestyle revealed inability to resist and oppose the world, which manifested itself in inflexibility and inability to change a preplanned set of action. Respondents organized their life space by following some instructions and relied on them to make their behavior rational and organize their life. Neurotic conflicts and lifestyle disharmony manifested themselves as polar and incompatible aspects of assessment and description.

Keywords: temporality, temporal perspective, real-life scenario, future time perspective, chronotope

Citation: Kulik A. A., Mazurkevich A. V. Temporal Aspects of Lifestyle in the Kamchatka Territory. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 446–453. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-446-453>

Введение

Современные тенденции организации жизни в контексте ее глобализации неизменно приводят, с одной стороны, к интеграции существующих образов жизни, с другой – к увеличению дифференциаций личностных образов жизни (формирование субъектом собственного жизненного мира, графика труда и отдыха, условий жизни и пр.) [1; 2]. Усиливается интерес к образу жизни как психологической категории, которой до недавнего времени не существовало как научно обоснованного конструкта. «Образ жизни – понятие, введенное для описания систем деятельностей (как интегративной характеристики активности), которые человек актуально реализует как субъект индивидуальной деятельности или в которые он "включен" (субъектом которых является общество, группа) в течение определенного жизненного периода, этапа или цикла» [3, с. 83].

Наиболее близким к образу жизни понятием выступает *жизненный сценарий*. В рамках культурологии, политологии, философии, социологии, психологии и др. наук *жизненный сценарий* рассматривается как некая заданность, упорядоченность хода действий и событий (субъективно значимых ситуаций) относительно прошлого, настоящего и будущего. Анализ литературы позволяет выделить два доминирующих подхода к пониманию структурирования жизненного пути с точки зрения сценарного поведения. Первый подход в большей степени отражен в трудах отечественных ученых (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн) и постулирует, что человек сам выбирает и регулирует процесс жизни, акцент ставится на отношении человека к типичным жизненным ситуациям и мировоззрении в целом.

Второй подход, представленный работами зарубежных авторов (У. Деннис, В. Дильтей, Х. Леман, А. Зонди, Г. Олпорт, Э. Шпрангер и др.) рассматривает жизнь человека в контексте ее истории, при этом утверждается, что *жизненный сценарий* бессознательно выбирается личностью на ранних стадиях жизни (А. Адлер, Э. Берн, Ш. Бюлер). Согласно данному подходу, *жизненный сценарий* – это план, который одновременно структурирует жизненное время и пространство личности и ограничивает ее способы структурирования [4]. *Образ жизни и жизненный сценарий*, несмотря на схожесть описательных характеристик, все же нельзя рассматривать как идентичные понятия.

Образ жизни выступает не только как результат взаимодействия человека с окружающим миром, но и как единство внутренних и внешних, индивидуальных и социальных, физиологических и психических условий, влияющих на формирование индивидуального образа жизни человека [5].

Психологический анализ понятия *образ жизни* позволяет выявить механизмы саморегуляции субъекта, связанные с его отношением к условиям жизни и деятельности, с его потребностями и жизненными ориентациями, с его отношением к социальным нормам [6; 7]. Понятие *образ жизни* описывает развитие индивидуальных образов мира в реальном плане [8].

Для наиболее полного представления о структурных содержательных аспектах образа жизни необходимо обратиться к анализу пространственно-временных параметров жизнедеятельности субъекта, без понимания которых невозможно полное изучение заявленного феномена. Все уровни активности в структуре образа жизни (уровень внутренней активности, уровень коммуникации, уровень практической деятельности [3]) рассматриваются через различные конструкты пространства и времени (субъективность, конвенциональность, конструирование), соответствующие вышеперечисленным уровням активности.

На уровне внутренней активности субъективно изменяются пространство и время: человек может произвольно изменять временной порядок событий и расположение предметов, их размеры, структуру и др. свойства, думать за секунды о событиях, происходящих часами и годами. На уровне коммуникации пространство и время становятся конвенциональными (согласуются с другими). На уровне практической деятельности ритмы и свойства реальных предметов становятся решающими: чтобы действовать практически, я должен соотнести свое время, свои психические процессы, свои эффекторы (тело и инструментарий) с *сопротивлением реальности*, со свойствами предметной реальности [9; 10].

Способность к овладению временем является источником его расширения, наполнения смыслами, событиями, целями. Современные психологические исследования, рассматривая человека в качестве особой пространственно-временной системы, выделяют временной фактор как пронизывающий все уровни организации человека – от психофизио-

логического (Т. А. Доброхотова, Н. Брагина, С. В. Зимина, О. В. Сысоева и др.) до личностного (Б. Ф. Ломов, В. В. Нуркова, О. А. Проконич, А. В. Серый, М. С. Яницкий и др.) [11–16]. Если говорить о восприятии времени субъектом, то определить единый его характер невозможно, как и не существует единого способа организации хронопической жизни. Частью любой временной организации жизни человека, как показывают исследования субъективного восприятия времени, является содержание времени и переживание внутренних субъективных временных явлений (К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина, В. И. Ковалев, Ф. Зимбардо, О. А. Проконич, И. А. Ральникова и др.). Интерес представляют исследования субъективного восприятия времени как совокупности специфических темпоральных факторов жизнеосуществления (Н. Р. Салихова). Возможность изучения времени как хронопического конструкта самоорганизующейся открытой системы появилась благодаря постнеклассической парадигме в психологии (Ю. П. Зинченко, В. Е. Клочко, Е. И. Первичко) [17–21].

Одним из необходимых условий существования (возникновения, развития, взаимодействия с другими системами на разных уровнях синергетической сложности) открытой самоорганизующейся системы является наличие пространственно-временного базиса, в континууме которого разворачиваются все формы бытия системы [22]. Данное условие имманентно сфере психического как открытой самоорганизующейся системе с тем дополнением, что психика еще и конструирует – активно отражает – образ этих мировых фундаментальных категорий.

Основными направлениями в изучении субъективного восприятия времени становятся темпоральность и темпоральные концепции (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ф. Зимбардо, Н. А. Бердяев, О. В. Лукьянов). Понятие *темпоральность* означает специфическую взаимосвязь моментов времени и временных характеристик, динамику изменений тех явлений и процессов, качественная особенность которых обусловлена социокультурной спецификой человеческого существования; временная сущность явлений. Раскрывая значение понятия *темпоральность* в рамках пространственно-временных теорий (А. Л. Алюшин, А. В. Арямов, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, М. А. Солоненко, С. А. Хмилевская, А. Д. Урсул), выделяют его основные характеристики: пространственно-временная целостность структур, единая скорость их развития, нелинейность, сложность, открытость системы [18]. По мнению О. В. Лукьянова, человек – сложнейшая пространственно-временная организация, и темпоральность показывает совершенно иную последовательность времен в саморазвивающихся системах, где будущее представлено в настоящем, а прошлое включено в будущее [23].

Мы понимаем под темпоральностью сложную характеристику временной перспективы личности, отражающую взаимодействие и взаимоотношение базовых временных лакун (прошлое, настоящее, будущее) и проявляющуюся во временных характеристиках образа жизни. Нами был

проведен ряд уточняющих исследований, показывающих обусловленность индивидуального образа жизни пространственно-временными характеристиками (хронотопами) респондентов.

В случае, когда базовым временным параметром в индивидуальном образе жизни выступает *позитивное прошлое*, оценка образа жизни происходит с ориентацией на события прошлого (тогда было хорошо), и, как следствие, настоящее оценивается хуже. Можно говорить о наличии особых механизмов временной децентрации, из-за которых текущее событие может переживаться как будущее (ждал чего-то). При встраиваемости *гедонистического настоящего* и *позитивного прошлого* в структуру образа жизни выявлена ориентация на беззаботное и беспечное отношение ко времени и жизни, на наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях при одинаково сентиментальном отношении к прошлому. Ориентация на *гедонистическое настоящее* приводит к более позитивной оценке содержательных компонентов образа жизни. При балансе временных конструктов характерно простраивание актуальных связей, ведущих из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее [24].

Описание образа жизни совместно с рассмотрением образа мира позволяет получить более полное представление о функционировании, развитии, самореализации и профессионализации людей в сложных условиях жизнедеятельности. Проживание на территориях, подверженных влиянию различного рода негативных факторов (как природных, геофизических, экономических, социально-культурных), приводит к тому, что большие слои населения субъективно оценивают качество жизни как низкое. К таким территориям относятся северные регионы за счет историко-демографических, социально-экономических и геоклиматических факторов. Вместе с тем взаимодействие человека и среды при различного рода экстремальном воздействии (техногенном, природном, профессиональном и пр.) актуализирует механизм мобилизации ресурсов, обеспечивающий эффективность выполнения деятельности (ее содержания и направленности), гомеостаз всех систем организма, оказывающий существенное влияние на психологическое благополучие человека, определяя его содержательное своеобразие и общую интегративную оценку.

Методы и материалы

Для изучения темпоральных аспектов образа жизни в исследовании использован опросник *Временная перспектива* Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [25]. Это обусловлено тем, что в настоящее время отмечается дефицит валидного и надежного диагностического инструментария, позволяющего изучить хронопические и хронологические аспекты временного отрезка жизненного пути. Вместе с тем совокупность параметров, заложенных в опросник *Временная перспектива*, и дескрипторов семантического дифференциала *Образ жизни* позволяют в полной мере выявить качественные

и количественные характеристики темпоральности, определяющие характеристики протекания всех процессов жизнедеятельности. Респондентами выступили 85 жителей Камчатского края (табл. 1).

В качестве основного метода анализа использовался регрессионный анализ, поскольку именно он позволяет выявить целостную систему взаимосвязей между параметрами изучаемого явления, представленную в виде уравнения. Цель регрессионного анализа состоит в определении общего вида уравнения регрессии; построении оценок независимых параметров, входящих в уравнение регрессии; проверке статистических гипотез о регрес-

Табл. 1. Социально-демографическая характеристика группы испытуемых, n=85, %

Tab. 1. Social and demographic characteristics of the respondents, n=85, %

Характеристика	%
Место рождения	
Камчатский край	71
Др. регионы	29
Оценка уровня жизни (на основе самоотчетов респондентов)	
Высокий уровень жизни	54
Средний уровень жизни	34
Низкий уровень жизни	12
Семейное положение	
Женат / замужем	55
В незарегистрированных отношениях	17
Разведен / разведена	11
Холост / не замужем	15
Вдовец / вдова	2
Образование	
Высшее	82
Среднее специальное	18
Пол	
Мужской	13
Женский	87
Работают по специальности	
Педагог	25
Психолог	21
Экономист	14
Юрист	6
Инженер	11
Государственный служащий	5
Программист	6
Переводчик	3
Продавец	3
Безработный	6
Планируемое место жительства	
Планируют переезд	56
Не определились	20
Останутся в Камчатском крае	24

сии. В качестве критериев состоятельности и надежности полученных уравнений выступают: коэффициент множественной корреляции, определяющий суммарную взаимосвязь переменных; коэффициент множественной детерминации, определяющий объясняемую полученным уравнением долю дисперсии параметров; ϕ -критерий Фишера, определяющий статистическую значимость полученного уравнения.

Результаты и обсуждение

Уравнение, показывающее взаимосвязь временного параметра *негативное прошлое* с характеристиками образа жизни, описано в табл. 2. Наиболее сильные дескрипторы, характеризующие прошлое как негативное: *отрицательный, дискомфортный, скучный, зависимый, активный*.

Присутствие противоречивых параметров прошлого в структуре образа жизни может свидетельствовать о наличии рассогласованного (дисгармоничного) понимания событий прошлого, их разрывности, эпизодичности. Выделение негативных характеристик образа жизни (*отрицательный, скучный, зависимый*) может быть связано с реальными психотравмирующими событиями в прошлом. Встроенность в оценку негативного прошлого позитивных либо нейтральных характеристик (*активный, комфортный*) может выступать признаком совладания человека с трудной жизненной ситуацией через собственную активность как систему реализуемых деятельностей и достижения определенного уровня баланса и комфорта, что свойственно для лиц, проживающих в экстремальных условиях. Мы можем предположить, что отсутствие встройки позитивных конструкторов может приводить к невротическим и депрессивным состояниям, которые человек проецирует из прошлого в настоящее. Из всех полученных регрессионных уравнений уравнение из табл. 2 является наименее представленным в выборке.

Уравнение взаимосвязи параметра *позитивное прошлое* и характеристик образа жизни представлено в табл. 3. Наиболее сильными дескрипторами, характеризующими прошлое как позитивное, выступают *целостный, интересный, иррациональный, безнравственный, веселый, статичный, спокойный, напряженный, зависимый, авторитарный*.

Табл. 2. Взаимосвязь параметра *негативное прошлое* и характеристик образа жизни

Tab. 2. *Negative past parameter vs. lifestyle characteristics*

Характеристики образа жизни	Коэффициент в уравнении
Положительный – отрицательный	2,640
Дискомфортный – комфортный	2,066
Скучный – интересный	-2,027
Независимый – зависимый	1,650
Активный – пассивный	-1,520

Прим.: $R_{\text{м}}=0,529$; $D_{\text{м}}=0,28$; $F=4,58$; $p \leq 0,001$.

Табл. 3. Взаимосвязь параметра *позитивное прошлое* и характеристик образа жизниTab. 3. *Positive past* parameter vs. lifestyle characteristics

Характеристики образа жизни	Коэффициент в уравнении
Целостный – разрозненный	-1,953
Скучный – интересный	1,559
Рациональный – иррациональный	1,507
Безнравственное – нравственное	-1,228
Веселый – грустный	-1,199
Статичный – динамичный	-1,100
Беспокойный – спокойный	0,862
Напряженный – расслабленный	-0,769
Независимый – зависимый	0,678
Демократичный – авторитарный	0,614

Прим.: $R_w=0,735$; $D_w=0,54$; $F=8,33$; $p \leq 0,000$.

Данное сочетание параметров косвенно указывает на наличие невротического конфликта в структуре образа жизни, а именно сочетание *целостного, интересного, спокойного и зависимого, напряженного, безнравственного*. Источником данной невротизации может выступать укорененное в ментальности ожидание негативных последствий как наказания за ощущение счастья и благополучия.

Уравнение, описанное в табл. 4, иллюстрирует специфические характеристики образа жизни во взаимосвязи с временным параметром *гедонистическое настоящее*. Это уравнение с наибольшим количеством переменных, что может указывать на способность индивида к анализу, рефлексии отдельного параметра (настоящее) в общей структуре временной перспективы и связи с содержательными характеристиками индивидуального образа жизни.

Наиболее сильными дескрипторами, характеризующими гедонистическое настоящее, выступают: *неоправданный, дружеский, уверенный, злой, комфортный, компромиссный, разрозненный, необеспеченный, радикальный, ответственный, непонимающий, безопасный, насыщенный, статичный, авторитарный, зависимый*. В параметре *гедонистическое настоящее*, так же как и в параметре *позитивное прошлое*, выражен невротический конфликт, вынужденно сочетающий в себе противоречивые, несовместимые по сути качества образа жизни: *злой и безопасный; статичный и радикальный; уверенный, комфортный, безопасный и разрозненный, необеспеченный, авторитарный*.

Можно отметить, что в модусе временной перспективы *настоящее* качественных признаков, указывающих на невротизацию человека, становится больше по сравнению с параметром *прошлое*. Более того, коэффициенты регрессионного уравнения в полюсах дескрипторов *злой, необеспеченный, радикальный, авторитарный и статичный* указывают на положительную корреляцию с уровнем гедонизма в настоящем, что

Табл. 4. Взаимосвязь параметра *гедонистическое настоящее* и характеристик образа жизниTab. 4. *Hedonistic present* parameter vs. lifestyle characteristics

Характеристики образа жизни	Коэффициент в уравнении
Оправданный – неоправданный	3,364
Враждебный – дружеский	3,141
Неуверенный – уверенный	2,999
Злой – добрый	-2,651
Дискомфортный – комфортный	2,424
Компромиссный – непримиримый	-2,354
Целостный – разрозненный	2,263
Обеспеченный – необеспеченный	1,829
Консервативный – радикальный	1,853
Ответственный – безответственный	-1,753
Понимающий – непонимающий	1,716
Опасный – безопасный	1,576
Насыщенный – ненасыщенный	-1,209
Статичный – динамичный	-1,464
Демократичный – авторитарный	1,078
Независимый – зависимый	0,834

Прим.: $R_w=0,772$; $D_w=0,59$; $F=4,43$; $p \leq 0,000$.

отсылает нас к работам Э. Фромма о симбиотическом (садомазохистском) типе отношений с миром у респондентов, проживающих в регионах с экстремальными условиями. Таким образом, отмечается некая рассогласованность характеристик образа жизни в настоящем, где на одном полюсе присутствуют дескрипторы *комфорт, безопасность, насыщенность*, возможно, как компенсация за определенные дефицитарные условия среды, а с другой – *разрозненность, радикальность и авторитаризм*. Образ жизни нельзя рассматривать в отрыве от того исторического, социального, политического контекста, в котором пребывает человек или социальная группа, поскольку именно они могут приводить к усилению невротизации.

Уравнение иллюстрирует специфические характеристики образа жизни во взаимосвязи с временным параметром *фаталистическое настоящее* (табл. 5). Наиболее сильными дескрипторами, характеризующими прошлое как позитивное, выступают: *отрицательный, зависимый, голодный, миролюбивый, активный, замкнутый, привлекательный, дружеский, спокойный, опасный, компромиссный, неуважительный, новый*.

Наблюдается та же тенденция, что и в вышеописанных модусах временных параметров. Ярко выраженная полярная структура, отражающая внутреннюю конфликтность характеристик индивидуального образа жизни: сочетаются параметры *отрицательный и привлекательный, дружеский и неуважительный, спокойный и опасный, зависимый и активный, постоянный и новый*. Специфическим нюансом

Табл. 5. Взаимосвязь параметра *фаталистическое настоящее* и характеристик образа жизни

Tab. 5. *Fatalistic present* parameter vs. lifestyle characteristics

Характеристики образа жизни	Коэффициент в уравнении
Положительный – отрицательный	2,029
Независимый – зависимый	1,897
Миролюбивый – агрессивный	–1,884
Активный – пассивный	–1,680
Голодный – сытый	–1,667
Открытый – замкнутый	1,649
Привлекательный – непривлекательный	–1,643
Враждебный – дружеский	1,619
Беспокойный – спокойный	1,512
Опасный – безопасный	–1,245
Компромиссный – непримиримый	–1,221
Уважительный – неуважительный	1,161
Новый – старый	–1,156
Постоянный – меняющийся	–1,004
Социальный – самодостаточный	0,909
Сонный – бодрый	–0,798

Прим.: $R_{\text{ж}}=0,786$; $D_{\text{ж}}=0,617$; $F=4,84$; $p \leq 0,000$.

лакуны *фаталистическое настоящее* является приписывание модусу временных параметров свойства активности образа жизни. Имеет место вынужденно-неизбежная активность субъекта, что фактически превращает ее в реактивность жизни. Возможно, это связано со значительно большим кругом задач и проблем, с которыми сталкиваются жители экстремальных регионов по сравнению с регионами менее экстремального характера. Фатализм в конструкте образа жизни блокирует построение перспективы будущего и формирует установку «я – не автор своей жизни».

Регрессионное уравнение будущего не столь вариативно с точки зрения количества параметров, входящих в него, однако оно также полярно и внутренне противоречиво (табл. 6). Наиболее существенными дескрипторами являются: *напряженный, упорядоченный, статичный, обеспеченный, ложный, комфортный, зависимый, беспокойный, постоянный, творческий, авторитарный*. Дескрипторам *комфортный, обеспеченный, упорядоченный, творческий* противостоят *напряженный, ложный, зависимый, беспокойный и авторитарный*. Важно отметить, что по результатам регрессии временной конструкт *будущее* – единственная точка приложения творческих устремлений жителей экстремальных регионов, являющаяся общей особенностью. Это не дискредитирует и тем более не исключает очевидных творческих усилий жителей Камчатского края в настоящем и прошлом, однако будущее – это их творческая ниша. Вместе с тем перспектива будущего сложно реализуется при доминировании фатализма.

Табл. 6. Взаимосвязь параметра *будущее* и характеристик образа жизни

Tab. 6. *Future* parameter vs. lifestyle characteristics

Характеристики образа жизни	Коэффициент в уравнении
Напряженный – расслабленный	–2,056
Беспорядочный – упорядоченный	2,014
Статичный – динамичный	–1,709
Обеспеченный – необеспеченный	–1,590
Истинный – ложный	1,464
Дискомфортный – комфортный	1,394
Независимый – зависимый	1,361
Беспокойный – спокойный	–1,323
Постоянный – меняющийся	–1,280
Обычный – особый	1,192
Творческий – рутинный	–1,166
Демократичный – авторитарный	0,990

Прим.: $R_{\text{ж}}=0,699$; $D_{\text{ж}}=0,489$; $F=4,14$; $p \leq 0,000$.

Заключение

Выделены общие темпоральные особенности временной перспективы (по модусам) во взаимосвязи с характеристиками образа жизни. *Позитивное и негативное прошлое* совпадают по параметру индивидуального образа жизни *зависимый – независимый* (со смещением к полюсу зависимости), что отображает общую темпоральную характеристику образа жизни и некую предопределенность в построении жизненного пути, в которой активности субъекта не хватает для противопоставления себя миру и окружающей среде. Несовпадение по всем остальным дескрипторам этих двух модальностей прошлого свидетельствует о практически полной их оценочной изолированности друг от друга. В целом можно говорить о существовании не одного единого, а о двух независимых вариантах прошлого для жителей Камчатского края. Одно характеризует систему позитивного отношения к своему времени в структуре образа жизни другое – негативное. Рассогласованный конструкт.

Самые множественные уравнения получены во временных перспективах *гедонистическое* и *фаталистическое настоящее*. Именно в эти уравнения вошло наибольшее (паритетное) количество дескрипторов образа жизни. Подобный результат скорее ожидаем, поскольку именно настоящее является актуальным для большинства респондентов. Настоящее сталкивает человека с реальностью, в которой субъект проявляет деятельностную ситуативную и надситуативную активность. Именно настоящее является точкой приложения вектора устремлений человека. *Гедонистическое настоящее* и *фаталистическое настоящее* сущностно различны, вместе с тем анализ уравнений показал, что есть общий элемент в структуре образа жизни, связывающий *гедонистическое* и *фаталистическое настоящее* в единое

целое и определяющий направленность жизни человека. В условиях *текущего настоящего* человек ориентируется на социальные контакты как ресурс (дружественный), на компромиссность как условие реализации жизненной стратегии и зависимость от внешних и внутренних параметров как неизбежность этого мира.

Будущее простирается слабо (при доминировании фатализма). Это единственное время, в котором творчество человека проявляется наиболее масштабно, пусть даже в мимолетной своей форме – в виде фантазий, ожиданий, планов и пр.

Единственный параметр образа жизни, который пронизывает все модусы временной перспективы – *независимый – зависимый* со смещением в сторону *зависимый*. Подобная эмпирическая картина указывает на облигатный параметр темпоральности образа жизни. Неспособность субъекта противостоять / противопоставлять себя миру выражается в организации жизни по заранее заданному плану, сложностях в изменении течения жизни. Возможно, данный факт связан со спецификой региона проживания респондентов. Данный факт предстоит уточнить в более масштабных исследованиях.

Во всех трех модусах временных параметров встречается дескриптор *демократичный – авторитарный* со смещением

к полюсу *авторитарный*, что демонстрирует стремление индивида следовать указаниям, с помощью которых общественное поведение и устройство жизни становятся более рациональными, что, возможно, указывает на специфику социально-политического контекста жизни в РФ.

Третьей особенностью временных параметров во взаимосвязи с образом жизни является перманентная невротическая конфликтность, дисгармоничность образа жизни, проявляющаяся в виде полярных, несводимых / несоединимых аспектов оценки и описания образа жизни.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Некрасова И. Н. Образ жизни как конструкт системных исследований в психологии. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2013. № 4. С. 127–129. [Nekrasova I. N. Way of life as konstrukt of system researches[work-up] in psychology. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2013, (4): 127–129. (In Russ.)]
2. Штерц О. М. Социально-психологический анализ категории «образ жизни». *Концепт*. 2013. № S1. С. 103–112. [Shterts O. M. The social-psychological analysis of the category "lifestyle". *Kontsept*, 2013, S1: 103–112. (In Russ.)]
3. Серкин В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни. *Психологический журнал*. 2012. Т. 33. № 4. С. 78–90. [Serkin V. P. Professional specificity of the image of the world and way of life. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2012, 33(4): 78–90. (In Russ.)]
4. Петросьян С. Н. Перспективы исследования жизненного сценария личности в русле субъектно-бытийного подхода. *Человек. Сообщество. Управление*. 2016. Т. 17. № 2. С. 6–25. [Petrosyan S. N. Prospects for the study of person life scenario in line with the subject-being approach. *Human. Community. Management*, 2016, 17(2): 6–25. (In Russ.)]
5. Гришина Н. В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация. *Психологические исследования*. 2011. № 3. [Grishina N. V. Life scripts: normativity and individualization. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2011, (3). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v4i17.846>
6. Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В. Образ мира в динамическом контроле неопределенности. *Вопросы психологии*. 2016. № 4. С. 3–13. [Smirnov S. D., Chumakova M. A., Kornilova T. V. The world image in dynamic control of uncertainty. *Voprosy Psikhologii*, 2016, (4): 3–13. (In Russ.)]
7. Даненова Д. Б. Трансформация образа жизни и образа мира как психоисторическая проблема: дис. ... канд. психол. наук. Караганда, 2001. 189 с. [Danenova D. B. *Transformation of way of life and image of the world as a psychohistorical problem*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Karaganda, 2001, 189. (In Russ.)]
8. Шунькова С. В. Особенности образа мира и образа жизни геологов (профессионалов и студентов). *Организационная психология*. 2012. Т. 2. № 2. С. 22–33. [Shunkova S. V. Specificity of the image of the world and a way of life of the geologist (professionals and students). *Organizational psychology*, 2012, 2(2): 22–33. (In Russ.)]
9. Серкин В. П. Невроз отложенной жизни (НОЖ) и северный невроз. *Ученые записки кафедры психологии СМУ. Магадан: Кордис*, 2001. Вып. 1. С. 113–118. [Serkin V. P. Postponed life neurosis (PLN) and northern neurosis. *Sci. Notes of the Department of Psychology of Southern International University*. Magadan: Kordis, 2001, iss. 1, 113–118. (In Russ.)]
10. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. Магадан: Сев. междунар. ун-т, 2005. 331 с. [Serkin V. P. *The image of the world and the way of life*. Magadan: Sev. mezhhdunar. un-t, 2005, 331. (In Russ.)]

11. Мартыанова Г. Ю. Исследование связи временной перспективы и саморегуляции в трудной жизненной ситуации. *Психолог*. 2020. № 1. С. 34–43. [Martyanova G. Yu. The study of correlation between time perspective and self-regulation in a difficult life situation. *Psychologist*, 2020, (1): 34–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2020.1.32180>
12. Зайцева Ю. Е. Время смысла: нарративный модус временной перспективы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*. 2018. Т. 8. № 1. С. 16–33. [Zaytseva Yu. E. Time of meaning: narrative modus of time perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2018, 8(1): 16–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.102>
13. Бредун Е. В., Краснорядцева О. М., Щеглова Э. А. Типологические особенности субъективного восприятия времени в контексте хронотопической жизни человека. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 68. С. 32–45. [Bredun E. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A. Typological features of the subjective perception of time in the context of a person's chronotopic life. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (68): 32–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/68/2>
14. Мазуркевич А. В., Яницкий М. С., Серый А. В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2017. Т. 7. № 3. С. 104–122. [Mazurkevich A. V., Yanitsky M. S., Seryy A. V. Temporal aspects of the transformation of value structure of self-identity in the context of fundamental changes in life situation. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2017, 7(3): 104–122. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1703.07>
15. Попова О. Н. Проблема сбалансированности временной перспективы личности. *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 66. С. 18–31. [Popova O. N. The problem of a person's time perspective balance. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2017, (66): 18–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/66/2>
16. Некрасова Е. В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека. Барнаул, 2005. 319 с. [Nekrasova E. V. *Spatio-temporal organization of the human's world of life*. Barnaul, 2005, 319. (In Russ.)]
17. Бредун Е. В. Особенности оценки времени в условиях изменения внешних темпоритмических характеристик. *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. 2017. № 2. С. 48–52. [Bredun E. V. Features of time estimation in a changing external tempo-rhythmic characteristics. *Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2017, (2): 48–52. (In Russ.)]
18. Бредун Е. В. Типологические особенности субъективного восприятия времени: хронотопический контекст: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2018. 24 с. [Bredun E. V. *Typological features of the subjective perception of time: chronotopic context*. Cand. Psychol. Sci. Dis. Abstract. Tomsk, 2018, 24. (In Russ.)]
19. Марцинковская Т. Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме. *Психологические исследования*. 2017. Т. 10. № 54. [Martsinkovskaya T. D. Internal form of psychological hronotope: approaches to the problem. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2017, 10(54). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.366>
20. Попова О. Н. Проблематизация определения характеристик сбалансированности временной перспективы личности. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 69. С. 85–99. [Popova O. N. Characteristics of the time perspective balance of the personality. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (69): 85–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/69/5>
21. Мартиросян К. В. Сопоставительный анализ формальных характеристик временной перспективы в русской и армянской выборках. *Фундаментальные исследования*. 2014. № 12-7. С. 1571–1575. [Martirosyan K. V. Comparative analysis of the formal characteristics of temporal perspective in Russian and Armenian sample. *Fundamental research*, 2014, (12-7): 1571–1575. (In Russ.)]
22. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2011. 272 с. [Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *Synergetics: non-linearity of time and landscapes of co-evolution*. Moscow: KomKniga, 2011, 272. (In Russ.)]
23. Лукьянов О. В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2010. Т. 7. № 2. С. 46–63. [Lukyanov O. V. Time factor in the system of psychological interpretations. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2010, 7(2): 46–63. (In Russ.)]
24. Кулик А. А. Специфика образа жизни людей, проживающих в сложных климатогеографических условиях. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 1. С. 139–151. [Kulik A. A. Lifestyle of people living in harsh climatic and geographical conditions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 139–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151>
25. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо. *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109. [Syrtsova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. Adaptation of F. Zimbardo time perspective inventory. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2008, 29(3): 101–109. (In Russ.)]

оригинальная статья

Межпоколенческие различия в ценностях и выборе видов волонтерской деятельности у молодых и «серебряных» волонтеров

Серова Евгения Александровна

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Россия, Ярославль<https://orcid.org/0000-0001-9159-8017>

Клюева Надежда Владимировна

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Россия, Ярославль<https://orcid.org/0000-0002-5566-1629>nadejda@uniyar.ac.ru

Поступила в редакцию 28.04.2022. Принята после рецензирования 20.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Предмет – ценности и предпочтения видов волонтерской деятельности у молодых и «серебряных» волонтеров. Цель – изучение и сравнительный анализ ценностей волонтерской деятельности и предпочитаемых видов волонтерской деятельности у молодых и «серебряных» волонтеров. Анализируются теоретические подходы к пониманию особенностей и ценностей разных поколений. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в 2022 г. методом контент-анализа интервью с участниками волонтерской деятельности в СМИ (n=20, 10 – молодые волонтеры, 10 – «серебряные»). Проанализировано 260 эмпирических индикаторов категорий (152 по типу ценностей волонтерства, 108 – по предпочитаемым видам волонтерской деятельности). Для молодого поколения волонтерство в большей степени обусловлено ценностями благосостояния других людей, чем у представителей поколения «серебряных» волонтеров. Ценность активной, эмоциональной и насыщенной жизни одинаково важна для представителей обоих поколений, при этом для представителей старшего поколения она является самой значимой. Ценности жизненной мудрости, зрелости суждений и здравого смысла, достигаемых жизненным опытом, высоко значимы для представителей старшего поколения. Наибольшие различия были отмечены в предпочтении волонтерства в области культуры. Существенных различий в выборе других видов волонтерской деятельности представителей двух поколений не выявлено.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерская деятельность, молодые волонтеры, поколение, поколение Z, поколение бэби-бумеров, «серебряные» волонтеры, ценности

Цитирование: Серова Е. А., Клюева Н. В. Межпоколенческие различия в ценностях и выборе видов волонтерской деятельности у молодых и «серебряных» волонтеров. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 454–461. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-454-461>

full article

Intergenerational Differences in Values and Volunteer Activity in Young and Senior Volunteers

Evgeniya A. Serova

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Russia, Yaroslavl
<https://orcid.org/0000-0001-9159-8017>

Nadezhda V. Klyueva

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Russia, Yaroslavl
<https://orcid.org/0000-0002-5566-1629>nadejda@uniyar.ac.ru

Received 28 Apr 2022. Accepted after peer review 20 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The article describes and compares the values and preferences of volunteer activities in young and senior-age volunteers, i.e., Generation Z and Baby Boomers. It also contains a review of theoretical approaches to understanding the characteristics and values of different generations. The empirical study took place in 2022 and relied on the method of content analysis. It involved volunteers in the media (n=20, 10 – young volunteers, 10 – senior citizens). The study covered 260 empirical indicators of various categories: 152 by the type of values of volunteerism and 108 by the preferred types of volunteer activity. For the younger generation, volunteering depended on the values of the well-being of other people. The value of an active, emotional, and eventful life was equally important for both groups but slightly more so for the Baby Boomers. The values of life wisdom, maturity of judgment, and common sense achieved by life experience were highly significant for the representatives of the older generation. Only volunteering in the field of culture showed significant group differences.

Keywords: volunteering, young volunteers, generation, generation Z, baby-boom generation, senior volunteers, values

Citation: Serova Y. A., Klyueva N. V. Intergenerational Differences in Values and Volunteer Activity in Young and Senior Volunteers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 454–461. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-454-461>

Введение

Современное общество как никогда нуждается в людях, способных безвозмездно оказать поддержку нуждающимся и занять активную гражданскую позицию. Волонтерство как форма просоциального поведения – это участие людей независимо от возраста, расы, пола и вероисповеданий в мероприятиях, направленных на решение социальных, культурных, экономических, экологических проблем в обществе, не связанных с извлечением прибыли [1, с. 7].

Принято считать, что двигателем развития и фундаментом гражданского общества является молодежь, а молодежная политика приоритетна для современного социального государства. Подобные рассуждения касаются и возрастных характеристик волонтеров. В исследовании, направленном на определение социального портрета современного волонтера, было выявлено, что, по мнению большинства респондентов, волонтеры – это прежде всего молодые люди [2]. Это отражает некоторые социальные стереотипы о поколениях и людях разного возраста.

Относительно пожилых людей бытует мнение, что это люди с конформистским стилем мышления, нуждающиеся в социально-психологической поддержке и сами являющиеся объектом работы специалистов помогающих профессий. Данный стереотип отражен в первой теории поколений, предложенной в XIX в. демографом А. П. Рославским-Петровским, который обозначал людей старше 60 лет как *увядающее поколение* [3, с. 23]. Тем не менее современные граждане пожилого, или «серебряного», возраста повсеместно опровергают эти стереотипы, являясь людьми с активной жизненной позицией, участвующими в различных формах волонтерской деятельности. В обществе РФ существует много негативных стереотипов о пожилом возрасте (видение пожилого человека как одинокого, нездорового, несчастного) и аутостереотипов (пожилые никому не нужны, от жизни больше нечего ждать). Вместе с тем пожилой возраст открывает богатые возможности для психологической работы по поддержке пожилых людей и повышению уровня их психологического благополучия [4, с. 128; 5].

Участие молодых и пожилых людей в общественной деятельности напрямую связано с их смысло-жизненными ориентирами. Особый интерес представляет изучение межпоколенческих различий в ценностно-смысловой сфере волонтеров. Ценности и мотивы волонтерства могут быть самыми разнообразными и зависеть в том числе от принадлежности к определенному поколению.

Необходимо обратиться к содержанию понятия *поколение*. Согласно определению К. Мангейма [6], поколение представляет собой совокупность возрастных групп,

которые пережили одни и те же значимые исторические события в возрасте наибольшей восприимчивости к ним – в юности. В. В. Семенова определяет поколение как социальную группу, объединенную спецификой исторической локализации, сходным опытом, общей конфигурацией жизненного пути [7]. Н. М. Мельникова раскрывает понятие *поколение* как общность, аргументируя это тем, что «общность предполагает стабильность, устойчивость и является продуктом естественнoисторического развития в отличие от объединений, возникающих в результате сознательного выбора людей» [8, с. 60].

В американской гуманитарной науке XX в. поколение, с одной стороны, рассматривается как объект социализации (Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, М. Мид), а с другой – как субъект социально-политического конфликта (Г. Маркузе, Л. Фойер). Американские исследователи Н. Хоу и У. Штраус в 1991 г. разработали концепцию различия поколений и описали ее в книге *Generations* (Поколения), а затем в 1997 г. выпустили книгу *The Fourth Turning* (Четвертое превращение), в которой дали подробную характеристику поколений, сменяемых каждые 20 лет.

В 1990-х гг. социолог Ю. А. Левада разделил поколенческий ряд на группы, которые сформировались в ключевые моменты истории страны [9]. В. В. Радаев [10] предложил классифицировать российские поколения в зависимости от исторической обстановки, в которой проходило их становление. В настоящее время в России наиболее распространенной является адаптированная версия теории Н. Хоуа и У. Штрауса, предложенная группой авторов под руководством Е. М. Шамис [11]. Они выделяют поколение победителей (1900–1923 годы рождения); молчаливое поколение (1923–1943); поколение бэби-бумеров (1943–1963); поколение X (1963–1983); поколение Y – Миллениалов (1983–2003); поколение Z (2003–2023).

Как отмечает О. И. Власова, «признаками принадлежности к поколениям являются: определенные возрастные границы (старшее, среднее, младшее); принадлежность к определенным историческим событиями (войны, революции); разная степень включенности в эти события. Еще одним немаловажным признаком, характеризующим принадлежность к поколенческим группам, являются особенности трудовой деятельности в определенных социальных и исторических условиях» [12, с. 113]. Можно предположить, что каждое поколение отличается своим набором ценностей и личностных смыслов, привычек и поведенческих характеристик. Общие ценности образуются за счет существенных происшествий в мире или стране; устоев и традиций, которые значимы для поколения.

Вопрос участия разных поколений в волонтерской деятельности представляет интерес для многих отечественных и зарубежных ученых, предпринимающих шаги для систематизации знаний о межпоколенческих различиях и особенностях в контексте ценностно-смыслового содержания волонтерской деятельности как формы просоциальной активности граждан [13–21]. Несмотря на активное распространение «серебряного» волонтерства в РФ за последние 10 лет [22], вопросы о ценностях, побуждающих пожилых людей вступать в ряды волонтеров наряду с молодежью, остаются недостаточно изученными.

Результаты

Исследование проводилось методом контент-анализа интервью молодых волонтеров и волонтеров «серебряного» возраста. В качестве объекта контент-анализа были использованы видео и текстовые интервью с волонтерами на новостных порталах, в социальных сетях и на медиаплатформе YouTube.

Процедура заключалась в просмотре и анализе интервью с волонтерами. Совокупная выборка включала 20 участников интервью, 10 из которых – молодые волонтеры, преимущественно студенты, 10 – «серебряные».

Категориями анализа выступили типы терминальных ценностей и предпочитаемые виды волонтерской деятельности. Классификация ценностей проведена на основе ценностных ориентаций, выделенных М. Рокичем [23]. Проанализировано 152 эмпирических индикатора категорий по типу ценностей. Были выявлены основные ценности и смыслы, мотивирующие молодых и «серебряных» волонтеров на занятие волонтерством (табл. 1).

Молодые волонтеры поколения Z отмечали, что больше всего на волонтерство их побуждает счастье других. Волонтеры использовали такие фразы, как *свою любовь к животным могу описывать бесконечно; это возможность сделать мир лучше, красивее, добрее; в мире не так все плохо, когда чувствуют, что есть люди, которые от них не отвернутся*.

Табл. 1. Ценности волонтеров поколения Z и поколения бэби-бумеров по М. Рокичу

Tab. 1. Values of Generation Z and Baby Boom generation volunteers

Тип терминальных ценностей	Поколение Z		Поколение бэби-бумеров	
	Частота упоминания			
	абсолютная	относительная, %	абсолютная	относительная, %
Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	14	23,74	3	3,23
Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	7	11,86	20	21,52
Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	6	10,17	4	4,30
Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом)	5	8,47	10	10,75
Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	5	8,47	7	7,53
Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	4	6,78	9	9,68
Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	4	6,78	9	9,68
Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	4	6,78	5	5,37
Наличие хороших и верных друзей (социальные контакты)	3	5,08	4	4,30
Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)	2	3,39	–	–
Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)	2	3,39	8	8,60
Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	2	3,39	–	–
Здоровье (физическое и психическое)	–	–	7	7,52
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	–	–	2	2,15
Интересная работа	1	1,69	5	5,37
Итого	59	100	93	100

На втором месте по частоте упоминаний оказались ценности активной деятельной жизни. Примеры высказываний: *Для меня волонтерство – это чувствовать себя нужным, делиться своей добротой и заботой, а взамен получать положительные эмоции; До волонтерства я был просто парнем без цели и др.* На третьем месте – развитие. Наименее значимыми по частоте упоминаний в интервью оказались ценности *интересная работа, материально обеспеченная жизнь, свобода и развлечения.*

«Серебряные» волонтеры в своих интервью показали, что более всего на занятия волонтерством их побуждают ценности активной деятельной жизни. Они говорили: *Человек, который старается кому-то сделать добро, сам заряжается этой энергией; Я чувствую, что занимаюсь полезным делом, а не засыхаю, сидя дома перед телевизором.*

На втором месте по частоте упоминаний – жизненная мудрость. Примеры формулировок высказываний: *Мы делимся своим богатым жизненным опытом; Мы убеждены, что наша помощь, опыт, умение отстаивать свою позицию нужны обществу.* На третьем месте по частоте упоминаний – познание и продуктивная жизнь: *Мы сами обучаемся и стараемся молодое поколение чему-то научить; Пенсия – это время учиться.*

Ответы «серебряных» волонтеров отражают активное стремление помочь другим людям, как пожилым, так и молодым. Люди «серебряного» возраста, как правило, обладают богатым жизненным и профессиональным опытом,

которым готовы делиться с представителями молодежи и подрастающего поколения. Смена образа жизни с выходом на пенсию часто сопровождается острыми психологическими переживаниями, связанными с невозможностью осуществлять привычные активные действия. Можно предположить, что волонтерство способствует ресоциализации и включению в новые межличностные связи.

Наименее значимыми по частоте упоминаний в интервью оказались ценности *любовь и развитие.* Достаточно высокими оказались показатели по ценностям *развлечения: Человек нашего возраста имеет много свободного времени; Раз свободное время появилось, человек может оказать кому-то посильную помощь.* Также достаточно высокий показатель по частоте упоминаний у ценности *здоровье: На мой взгляд, это продлевает жизнь человеку; Добровольчество помогло восстановиться после инсульта и вернуться к активной жизни; Помогая другим, забываешь про свои болячки.* Это действительно достаточно большая ценность для людей «серебряного» возраста, поскольку активная жизнь и здоровье для них часто рассматриваются как синонимы.

В табл. 2 представлены результаты контент-анализа по сравнению выбора предпочитаемой волонтерской деятельности для представителей поколения Z и поколения бэби-бумеров.

Результаты контент-анализа интервью молодых волонтеров показали, что наиболее предпочитаемыми видами волонтерской деятельности для них являются *работа*

Табл. 2. Виды волонтерской деятельности, предпочитаемые волонтерами поколения Z и поколения бэби-бумеров

Tab. 2. Types of volunteer activities preferred by Generation Z and Baby Boomers

Виды волонтерской деятельности	Поколение Z		Поколение бэби-бумеров	
	Частота упоминания			
	абсолютная	относительная, %	абсолютная	относительная, %
Работа в детских домах, интернатах для детей с ограниченными возможностями, школах, детских садах и т.д.	7	21,88	16	21,05
Работа с социально-незащищенными слоями населения	5	15,63	15	19,74
Спортивное волонтерство	4	12,50	3	3,95
Волонтерство в области культуры	3	9,38	25	32,89
Помощь приютам для бездомных животных (бездомным животным)	3	9,38	–	–
Поиск людей	3	9,38	–	–
Участие в проектах, направленных на решение проблем местных сообществ	2	6,25	4	5,26
Помощь в работе медицинским учреждениям, фандрайзинг	2	6,25	6	7,89
Участие в деятельности экологических добровольческих организаций	1	3,13	4	5,26
Медиаволонтерство	1	3,13	1	1,32
Донорство	1	3,13	–	–
Сбор средств	–	–	1	1,32
Собственные инициативы	–	–	1	1,32
Итого	32	100	76	100

в детских домах, интернатах для детей с ограниченными возможностями, школах, детских садах и работа с социально-незащищенными слоями населения. Волонтеры говорили: *Мне всегда хотелось помогать деткам, которые остались без родительской любви и заботы; Я представляю социальное волонтерство. Я это направление не выбирала, просто пришла в него по зову сердца, ведь человек человеку-друг; Я помогал своим родным и близким, а также соседям в доставке продуктов, лекарств и прочих вещей, необходимых для жизни; Начинала я свою деятельность с социального волонтерства; Помогали пожилым людям.*

На третьем месте по частоте упоминаний оказалось спортивное волонтерство. Это подтверждается следующими индикаторами категорий: *Душа все же больше принадлежит категории спортивный волонтер; У нас есть много направлений: спортивное, например.* Наименьший показатель по частоте упоминаний показали такие виды волонтерской деятельности, как участие в деятельности экологических добровольческих организаций, медиаволонтерство и донорство.

Мы предполагаем, что распределение ответов свидетельствует об альтруистической направленности молодых волонтеров, выраженной в бескорыстном желании помогать наименее защищенным категориям населения; их активной жизненной позицией и желанием заниматься спортом для поддержания здорового образа жизни. Низкая популярность участия в деятельности экологических добровольческих организаций, медиаволонтерства и донорства может быть связана с недостаточно высоким уровнем развития экологического сознания молодежи, слабой осведомленностью о возможностях и механизмах медиаволонтерства и недостатком достоверной информации о донорстве.

Контент-анализ интервью «серебряных» волонтеров показал, что наиболее предпочитаемым видом волонтерской деятельности для них является волонтерство в области культуры, прежде всего патриотической направленности. Как правило, под данным видом волонтерства подразумевались различные акции в честь Дня Победы и культурно-патриотического воспитания молодежи: *Являюсь «Волонтером Победы».* На втором месте по частоте упоминаний – *работа в детских домах, интернатах для детей с ограниченными возможностями, школах, детских садах.* Это подтверждается следующими эмпирическими индикаторами категорий: *Чужих детей не бывает; А еще у нас есть такое направление, как Бабушка на час.*

На третьем месте по предпочтениям видов волонтерской деятельности – *работа с социально-незащищенными слоями населения: Наши серебряные волонтеры связали пледы для людей, нуждающихся в теплоте и заботе; Один из самых популярных и вдохновляющих проектов нашей организации – «Социальный маршрут»;* *Мы устраиваем автобусные экскурсии для тех, кто самостоятельно на это уже не решится.* Наименьший показатель по частоте упоминаний – у таких видов волонтерской деятельности, как медиаволонтерство, донорство и собственные инициативы.

На наш взгляд, распределение ответов о предпочитаемых видах волонтерской деятельности свидетельствует о достаточно высокой альтруистической направленности людей «серебряного» возраста, что схоже с ответами молодых волонтеров. Высокие показатели волонтерства в области культуры свидетельствуют о высоком уровне патриотических настроений и потребности осознавать свою принадлежность к истории РФ. Также высока значимость исторической коллективной памяти представителей старшего поколения, что дает ощущение психологической безопасности. Об этом говорил К. Маннгейм [6], когда высказывал мысль о том, что каждое поколение несет на себе зримые следы социальных и политических событий эпохи своей юности. Интересно исследование Т. П. Емельяновой, Т. В. Бельх и В. Н. Шабановой [24] о коллективной памяти представителей поколения бэби-бумеров, в котором были получены данные о том, как представители данного поколения видят воздействие исторического прошлого на конструирование образа будущего. Респонденты в данном исследовании в большинстве своем сошлись в оценке суждений о существовании причинно-следственных связей между различными эпохами в истории РФ. Отметим, что идентификация со своим поколением в контексте исторических событий, общих воспоминаний значима для пожилых людей в большей степени, чем для молодых.

Данные о предпочитаемых видах и значимых ценностях волонтерской деятельности для молодых и «серебряных» волонтеров позволили провести сравнительный анализ данных категорий. Обобщенные результаты сравнительного анализа наиболее значимых ценностей волонтерской деятельности представлены на рис. 1.

Были получены данные о значимых различиях между выборками молодых и «серебряных» волонтеров. Статистическая достоверность результатов была проверена с использованием ϕ -критерия Фишера. Значимые различия были получены в двух сравниваемых группах по ценности счастья других ($\phi_{\text{эмп}}=3,947$). Полученные эмпирические значения ϕ по данному параметру находятся в зоне значимости ($\phi_{\text{эмп}} > \phi_{\text{кр}}$). Критические значения ϕ -критерия Фишера имели фиксированные значения: $\phi=1,64$ для 5 % уровня значимости и $\phi=2,31$ для 1 % уровня значимости. У волонтеров поколения Z эта ценность оказалась выше по частоте упоминаний в интервью, чем у представителей поколения бэби-бумеров. Данные по ценности активной деятельности жизни ($\phi_{\text{эмп}}=1,562$); ценности развития ($\phi_{\text{эмп}}=1,394$); жизненной мудрости ($\phi_{\text{эмп}}=0,469$); познания и продуктивной жизни ($\phi_{\text{эмп}}=0,631$) для представителей двух обозначенных поколений не имеют существенных различий. Полученные значения ϕ по данным ценностям находятся в зоне незначимости ($\phi_{\text{эмп}} < \phi_{\text{кр}}$).

Обобщенные результаты сравнительного анализа предпочитаемых представителями двух поколений видов волонтерской деятельности представлены на рис. 2.

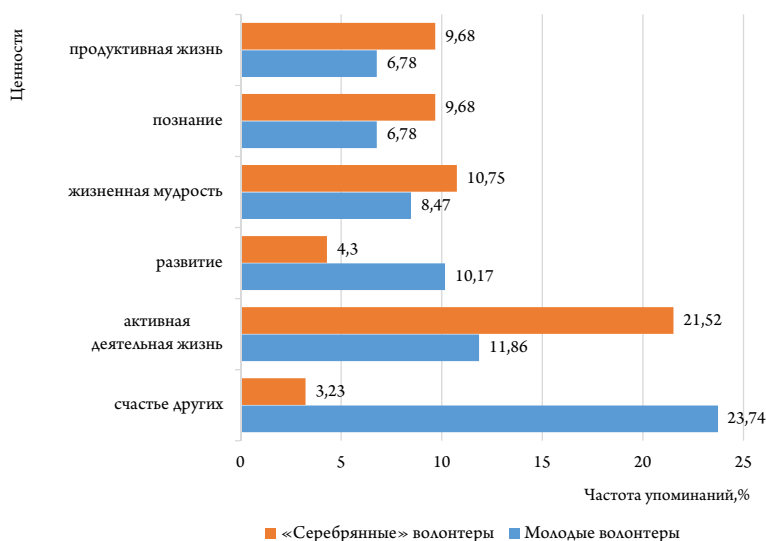

Рис. 1. Сравнительный анализ наиболее значимых ценностей волонтерской деятельности поколения Z и поколения бэби-бумеров

Fig. 1. Comparative analysis of the most significant values of the volunteer activity of Generation Z and the Baby Boomers

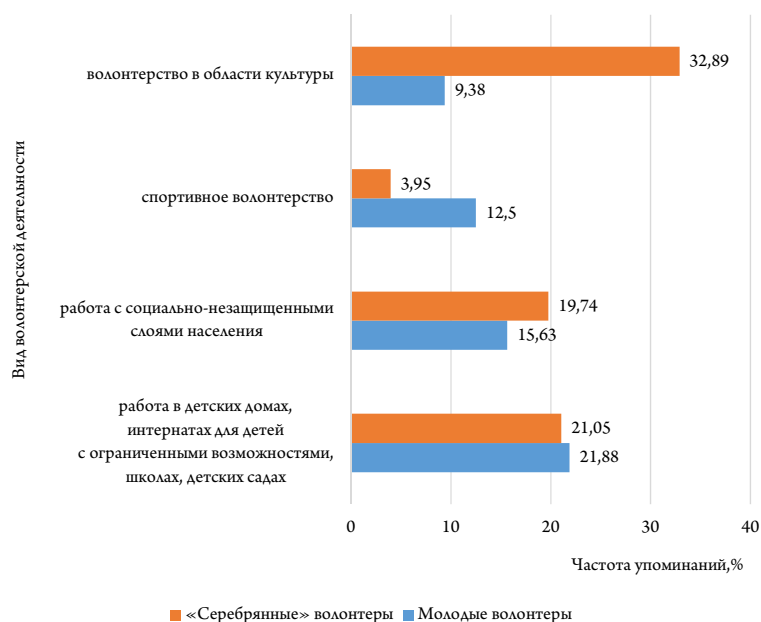

Рис. 2. Сравнительный анализ предпочитаемых видов волонтерской деятельности поколения Z и поколения бэби-бумеров

Fig. 2. Comparative analysis of preferred volunteer activities of Generation Z and Baby Boomers

Наиболее значимые различия были получены в двух сравниваемых группах по виду волонтерство в области культуры. Для «серебряных» волонтеров волонтерство в области культуры оказалось более предпочтительно, чем для молодых волонтеров ($\varphi_{\text{эмп}}=2,842$). Полученные значения $\varphi_{\text{эмп}}$ по данному параметру находятся в зоне значимости ($\varphi_{\text{эмп}} > \varphi_{\text{кр}}$). Такие виды волонтерской деятельности, как работа в детских домах, интернатах, школах, детских садах ($\varphi_{\text{эмп}}=0,09$); спортивное волонтерство ($\varphi_{\text{эмп}}=1,542$); работа с социально-незащищенными слоями населения ($\varphi_{\text{эмп}}=0,512$), для представителей двух поколений не имеют существенных различий. Полученные эмпирические значения φ по данным видам волонтерской деятельности находятся в зоне незначимости.

Заключение

Сравнивая ценности и предпочитаемые виды волонтерской деятельности представителей разных поколений можно сделать вывод, что волонтерство для представителей поколения Z в большей степени обусловлено ценностями благосостояния других людей, чем у представителей поколения бэби-бумеров. Возможно, это связано с формирующейся в российском обществе установкой на значимость благополучия, акценте на позитивных сторонах жизни и достижении успеха, что значимо именно для молодежи. Ценность активной, эмоциональной и насыщенной жизни одинаково важна для представителей этих поколений, при этом для представителей старшего поколения она является главной. Активная жизнь для пожилых людей является

адаптационным ресурсом, существенно влияет на их психологическое и физическое здоровье. Для представителей поколения Z одной из важнейших ценностей, мотивирующих на занятия волонтерской деятельностью, является ценность развития и духовного совершенствования, тогда как для представителей бэби-бумеров данная ценность оказала наименьшее влияние на занятие волонтерством. Возможно, это связано с тем, что для молодежи саморазвитие является неотъемлемым компонентом качества жизни, возможностью достигать определенных результатов в дальнейшей профессиональной деятельности, которая позволит им жить независимо и проявить свой потенциал. А вот ценности жизненной мудрости, зрелости суждений и здравого смысла, достигаемых жизненным опытом, показали высокие результаты у представителей старшего поколения. Вероятно, это связано с тем, что для решения различных жизненных задач, проблем и затруднительных ситуаций люди «серебряного» возраста в первую очередь обращаются к собственному опыту, воспоминаниям о подобных ситуациях и способах их решения, которые в прошлом показали свою эффективность.

Наибольшие различия по предпочитаемым видам волонтерской деятельности были получены в области культуры, прежде всего, патриотической направленности. Для представителей старшего поколения данный вид волонтерства оказался наиболее привлекательным, что может быть обусловлено высоким уровнем патриотических настроений и потребностью осознать свою принадлежность к истории России, быть причастными к сохранению культурного наследия страны. По другим видам волонтерской деятельности

существенных различий в выборе не выявлено. Для молодых и «серебряных» волонтеров одинаково привлекательными оказались работа в детских домах, интернатах для детей с ограниченными возможностями, школах, детских садах, работа с социально-незащищенными слоями населения. Вероятно, это обусловлено высокой значимостью ценностей счастья других для представителей поколения Z и высокой значимостью жизненной мудрости и опыта, которые могли бы помочь в решении проблем социально незащищенных категорий граждан для представителей поколения бэби-бумеров.

Понимание различий в ценностно-смысловой сфере волонтеров молодого и «серебряного» возраста, формирующих разные мотивы волонтерской деятельности, позволит разнообразить предлагаемые им виды волонтерской деятельности, дифференцировать методы их подготовки и сопровождения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Арсеньева Т. Н., Бутинова М. Ю., Менников В. Е., Соколов А. А. Серебряные волонтеры. Тверь: Печатня, 2016. 60 с. [Arsenyeva T. N., Butinova M. Yu., Mennikov V. E., Sokolov A. A. *Silver Volunteers*. Tver: Pechatnia, 2016, 60. (In Russ.)]
2. Сычева А. В. Социальный портрет добровольца в современном обществе: региональный аспект. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 2. С. 93–103. [Sycheva A. V. Social portrait of the volunteer in contemporary society: regional aspect. *Izvestiya Tula State University. Humanities*, 2016, (2): 93–103. (In Russ.)]
3. Рославский-Петровский А. П. Исследование о движении народонаселения в России. *Вестник императорского русского географического общества*. 1853. Ч. VIII. Кн. 3. С. 1–26. [Roslavsky-Petrovsky A. P. Research on the population movement in Russia. *Vestnik imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1853, 8(3): 1–26. (In Russ.)]
4. Ключева Н. В. Экзистенциальный контекст психологического сопровождения людей пожилого возраста. *Методология современной психологии*. 2018. № 8. С. 128–142. [Klyueva N. V. Existential context of psychological support of elderly people. *Metodologiya sovremennoj psikhologii*, 2018, (8): 128–142. (In Russ.)]
5. Ключева Н. В., Головчанова Н. С. Пожилой возраст: подготовка к смерти или продолжение жизни (экзистенциальный анализ проблем пожилого возраста). *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*. 2006. № 9. С. 106–116. [Kliueva N. V., Golovchanova N. S. Old age: preparation for death or continuation of life (existential analysis of the problems of old age). *Ekzistentsialnaia traditsiia: filosofii, psikhologiya, psikhoterapiia*, 2006, (9): 106–116. (In Russ.)]
6. Mannheim K. The problem of generations. *Essays on the sociology of knowledge*, ed. Kecskemeti P. London: Routledge; Kegan Paul, 1952, 276–320.
7. Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений. *Россия: трансформирующееся общество*, ред. В. А. Ядов. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 256–271. [Semenova V. V. Differentiation and consolidation of generations. *Russia: a transforming society*, ed. Yadov V. A. Moscow: KANON-press-Ts, 2001, 266–271. (In Russ.)]
8. Мельникова Н. М. Поколение как общесоциологическая категория. *Философские науки*. 1974. № 3. С. 59–65. [Melnikova N. M. Generation as a general sociological category. *Filosofskie nauki*, 1974, (3): 59–65. (In Russ.)]

9. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2001. № 5. С. 7–14. [Levada Yu. A. Generations of the XX century: research opportunities. *Public opinion monitoring: economic and social changes*, 2001, (5): 7–14. (In Russ.)]
10. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 224 с. [Radaev V. V. *Millennials: How Russian society is changing*. Moscow: National Research University HSE, 2019, 224. (In Russ.)]
11. Шамис Е. М., Никонов Е. Л. Теория поколений. Необыкновенный икс. М.: Синергия; Школа Бизнеса, 2017. 140 с. [Shamis E. M., Nikonov E. L. *The theory of generations. An extraordinary X*. Moscow: Sinergiia; Shkola Biznesa, 2017, 140. (In Russ.)]
12. Власова О. И. Теоретические подходы к изучению поколений как социальных групп. *Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: XVI Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана*. (Екатеринбург, 21–22 марта 2013 г.) Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 107–114. [Vlasova O. I. Theoretical approaches to the study of generations as social groups. *Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research: XVI Intern. Conf. Memory of Prof. L. N. Kogan*, Ekaterinburg, 21–22 Mar 2013. Ekaterinburg: UrFU, 2013, 107–114. (In Russ.)]
13. Левшина А. А. Мотивационно-смысловая основа участия молодежи в добровольческой деятельности. *Российский психологический журнал*. 2013. Т. 10. № 5. С. 71–77. [Levshina A. A. The sense-motivation basis of young people's participation in volunteer activity. *Russian Psychological Journal*, 2013, 10(5): 71–77. (In Russ.)]
14. Федорук М. Г. Формирование нравственных ценностей старшеклассников в процессе волонтерской деятельности. *Молодой ученый*. 2016. № 12. С. 804–806. [Fedoruk M. G. Formation of moral values of high school students in the process of volunteer activity. *Molodoi uchenyi*, 2016, (12): 804–806. (In Russ.)]
15. Лехмус Е. С. Волонтерская мотивация у поколения Z. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021. Т. 11. № 3. С. 138–140. [Lehmus E. S. Generation Z volunteer motivation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, 11(3): 138–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-3-138-140>
16. Овсий В. В. Молодежное волонтерство как объект социологического исследования. *Гуманитарий Юга России*. 2020. Т. 9. № 1. С. 198–209. [Ovsii V. V. Youth volunteering as an object of sociological research. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 2020, 9(1): 198–209. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/2227-8656.2020.1.15>
17. Прохорова Л. В. Пожилые люди и «серебряное» волонтерство: реальные кейсы. *Вестник НГУЭУ*. 2019. № 3. С. 248–259. [Prokhorova L. V. Elderly people and "silver" volunteering: real cases. *Vestnik NSUEM*, 2019, (3): 248–259. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-3-248-259>
18. Кретьова У. П. Особенности исследования психологических особенностей волонтеров. *Полевые исследования на Камчатке – 2015: сб. отчетных материалов по итогам проведения летних профильных науч.-иссл. лагерей и шко-экспедиций ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»*. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2016. С. 104–128. [Kretova U. P. Psychological characteristics of volunteers. *Field research in Kamchatka – 2015: Proc. summer specialized sci. research. camps and expedition schools of the Vitus Bering Kamchatka State University*. Petropavlovsk-Kamchatskii: KamSU named after Vitus Bering, 2016, 104–128. (In Russ.)]
19. Коган Е. А. Отношение студенческой молодежи к волонтерской деятельности. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2014. № 4. С. 144–149. [Kogan E. A. Students' attitudes toward volunteer activities. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2014, (4): 144–149. (In Russ.)]
20. Holdsworth C. Why volunteer? Understanding motivations for student volunteering. *British Journal of Educational Studies*, 2010, 58(4): 421–437. <http://doi.org/10.1080/00071005.2010.527666>
21. Lum T. Y., Lightfoot E. Effects of volunteering on the physical and mental health of older people. *Research on Aging*, 2005, 27(1): 31–55. <http://doi.org/10.1177/0164027504271349>
22. Арсеньева Т. Н., Ковтун А. В., Соколов А. А. Методические рекомендации по развитию волонтерства (добровольчества) в школе. М.: Ред.-изд. центр, 2015. 111 с. [Arseneva T. N., Kovtun A. V., Sokolov A. A. *Methodological recommendations for the development of volunteerism (volunteerism) at school*. Moscow: Red.-izd. Tsentr, 2015, 111. (In Russ.)]
23. Rokeach M. *Beliefs, attitudes, and values: a theory of organization and change*. San Francisco: Jossey-Bass, 1968, 214.
24. Емельянова Т. П., Бельх Т. В., Шабанова В. Н. Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «Бэби-бумеров». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2018. № 3. С. 75–85. [Emelyanova T. P., Belykh T. V., Shabanova V. N. Images of the past, present and future of the representatives of the "baby boomers" generation. *Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Psychology*, 2018, (3): 75–85. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2018-3-75-85>

оригинальная статья

Психологические индикаторы жизненной позиции студентов

Фоминых Екатерина Сергеевна

Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, Оренбург

<https://orcid.org/0000-0003-3733-4381>

fominyh.yekaterina@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.05.2022. Принята после рецензирования 30.06.2022. Принята в печать 04.07.2022.

Аннотация. Цель – анализ параметров жизненной позиции студентов и выявление ее психологических индикаторов. Достижение цели предполагает теоретико-эмпирическое изучение специфики заявленных конструкторов с опорой на отечественные и зарубежные теории и концепции, валидные и надежные методические инструменты. Представлен теоретико-эмпирический анализ феномена жизненной позиции личности. Рассмотрена сущность, структура и генез жизненной позиции. Систематизированы объективные и субъективные детерминанты жизненной позиции, определяющие ее вектор. Выявлено соотношение структурных компонентов жизненной позиции (гармонии, осознанности, активности) у студентов. Обнаружено преобладание тенденции снижения показателей гармонии с увеличением активности и осознанности жизненных процессов. Экспериментально исследована специфика психологических индикаторов системы жизненных отношений студенческой молодежи. Установлены статистически значимые связи между параметрами жизненной позиции и психологическими границами, элементами Я-концепции, когнитивными личностными конструктами и метакогнитивными процессами. Анализ соотношения параметров жизненной позиции с психологическими индикаторами выявил значимость самооффективности, толерантности к неопределенности, аналитичности–холистичности в восприятии и осмыслении реальности, преобладание интересубъектных аспектов Я-конструкторов. Константность вектора личностных и жизненных трансформаций в период поздней юности определяется интолерантностью к неопределенности, межличностной интолерантностью, ощущением низкой самооффективности, зависимостью от значимых и родных лиц, приоритетом интеракционизма и контекстностью объяснения происходящих процессов, несбалансированностью и неоптимальностью психологических границ, ограничением контактов.

Ключевые слова: жизненная позиция, студенты, юность, гармония, осознанность, активность, психологические индикаторы, самооффективность, метакогнитивные процессы, психологические границы, Я-концепция

Цитирование: Фоминых Е. С. Психологические индикаторы жизненной позиции студентов. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 462–471. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-462-471>

full article

Psychological Indicators of Attitudes in University Students

Ekaterina S. Fominykh

Orenburg State Pedagogical University, Russia, Orenburg

<https://orcid.org/0000-0003-3733-4381>

fominyh.yekaterina@yandex.ru

Received 10 May 2022. Accepted after peer review 30 Jun 2022. Accepted for publication 4 Jul 2022.

Abstract: The article introduces a theoretical and empirical analysis of the phenomenon of life stance. It reviews domestic and foreign theories on essence, structure, and genesis of attitudes, as well as systematizes the objective and subjective determinants of the life stance vector. The author revealed a correlation between the structural components of life position (harmony, awareness, activity) in university students: indicators of harmony decreased as activity and awareness of life processes increased. The empirical study also established statistically significant connections between the parameters of the life position and psychological boundaries, Self-concept, cognitive personal constructs, and metacognitive processes. Self-efficacy, uncertainty tolerance, and analyticity-holism in the perception and comprehension of reality proved especially important, as did the intersubjective aspects of Self-constructs. The vector of personal and life transformations appeared to be determined by tolerance to uncertainty, interpersonal tolerance, a sense of low self-efficacy, dependence on family and friends, priority of interactionism and contextual explanation of ongoing processes, imbalance and suboptimality of psychological boundaries, limited contacts, etc.

Keywords: life position, students, youth, harmony, awareness, activity, psychological indicators, self-efficacy, metacognitive processes, psychological boundaries, Self-concept

Citation: Fominykh E. S. Psychological Indicators of Attitudes in University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, T. 24(4): 462–471. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-462-471>

Введение

Нормой современной жизни стали вызовы и напряженность ежедневно изменяющейся действительности; хаос вариантов, возможностей и альтернатив; невалидность и невостребованность прошлого опыта личности; навязываемые стандарты жизни. В данных условиях затрудняется интеграция аутентичных личности тенденций и запросов общества, что детерминирует широкий спектр проблем субъективного благополучия, психологического здоровья и зрелости. Особую значимость эти проблемы приобретают в юности, складывающейся из серии выборов, совокупность которых определяют содержательность и наполненность жизненного пути личности, основы ее функционирования, развития, самореализации на последующих возрастных этапах. В связи с этим актуализируется научный интерес к поиску и анализу психологических структур, определяющих устойчивость системы координат жизненного пространства личности, непрерывность и вектор ее движения в пространстве трансформирующегося общества, смыслов и ценностей. Данные аспекты функционирования личности находят отражение в контексте анализа жизненной позиции как своеобразного каркаса диспозиционной системы личности и аспекта ее психологической зрелости.

Жизненная позиция личности – сложное образование, конгломерат стабильных элементов, обеспечивающих непрерывность истории личности, ее личный автограф, уникальную гравировку жизненного пути, а также временные, непостоянные совокупности частей и личностных свойств [1]. Данная совокупность детерминирует возможность интеграции динамики и статики, процесса и результата, сущности и изменений, что является важной предпосылкой гармоничного развития личности,

ее субъектности [2]. Полноценно функционирующая личность может существовать только как процесс, сопровождаемый постоянным изменением и преодолением пределов пространства адаптации в сторону максимальной реализации своих возможностей. В этом плане жизненная позиция осуществляет интеграцию временных модусов и личностных сегментов – накопленный в прошлом опыт, цели будущего и их модифицированные варианты настоящего, объективируя ресурсы и трансформируя потенциал в реальность [3; 4]. Именно позиция личности определяет успешность нахождения своего места в жизни в соответствии со сформировавшейся системой ценностей. Отметим, что в настоящее время жизненные траектории не навязываются, а жизненная позиция может изменяться или оставаться неизменной. Обобщение литературы [5–10] подтвердило континуальную природу вектральной направленности жизненной позиции и позволило систематизировать ее ключевые характеристики (табл. 1).

В целом жизненная позиция детерминирует вариативность и множественность траекторий развития личности в пространстве и времени жизни, охватывая континуумы конструктивного – деструктивного, активного – пассивного, реактивного – проактивного, прогрессивного – регрессивного. Именно в юности закладываются контуры жизненного пути, поэтому данный возрастной период несет как потенциал подлинного развития личности и самореализации, так и его инверсии в виде деструктивности и виктимизации.

В зарубежной и отечественной литературе рассматриваемый нами феномен анализируется в контексте ряда смежных понятий. Так, А. Адлер рассматривает **жизненный стиль личности** – относительно постоянный, уникальный способ взаимодействия с жизнью и приспособления к ней

Табл. 1. Векторы жизненной позиции личности

Tab 1. Vectors of personal attitudes

Восходящий вектор (рост)	Константный вектор (застой)	Нисходящий вектор (регрессия, распад)
<ul style="list-style-type: none"> направленность на развитие, изменение и преобразование себя и окружающей действительности умение реорганизовать свою жизнь в соответствии с доминирующими личностными тенденциями, поиск конструктивных вариантов и решений самостоятельность, ответственность, инициативность проактивность 	<ul style="list-style-type: none"> направленность на адаптацию, приспособление постоянство, статичность, стремление к сохранению и поддержанию конформистских идей трудности приспособления к изменившимся условиям избегание принятия важных жизненных решений реактивность (детерминирование действий и реакций внешними детерминантами) 	<ul style="list-style-type: none"> снижение сложности и организованности, неадекватность способов интеграции в социум возможностям и сущности личности смысловые пустоты, общая утрата целей и смыслов жизни, базовых ценностно-смысловых ориентиров, деструкции, асоциальность утрата целевой детерминации, возможности самодетерминации и продуктивной самореализации

для достижения своих целей. Стиль жизни определяется когнитивной организацией личности, т. е. убеждениями, через призму которых производится восприятие и оценка себя и своей жизни. Выбор варианта жизни (от здорового, конструктивного до невротичного, неадаптивного) осуществляется самой личностью, его трансформация возможна только при изменении убеждений [11; 12].

В транзактном анализе [13–16] жизненная позиция является фиксированной системой эмоционально подкрепляемых базисных убеждений и представлений человека о себе, других и окружающем мире. Жизненная позиция личности находит воплощение в *сценарии жизни* – своеобразном жизненном плане, который закладывается в детстве, подкрепляется родителями и в дальнейшем на неосознаваемом уровне направляет взаимодействие с окружающим миром. Сценарная основа детерминирует искажения восприятия реальности, жесткую фиксацию реализуемых программ поведения. Как элемент жизненной стратегии жизненная позиция сознательно или бессознательно определяет базовые аспекты поведения личности в межличностном общении [13].

А. Маслоу отмечает, что жизненная позиция – это совокупность основных личностных отношений, содержащая потенциальный ресурс будущих достижений, который определяет способ движения личности. Важными аспектами жизненной позиции личности являются пролонгированность, позитивная инерция и устойчивость [17].

Отечественные психологические концепции трактуют жизненную позицию как:

- результат достижений личности, аккумулирующий жизненный опыт и являющийся потенциалом будущего [6];
- системное образование, выражающее форму отношения личности к собственной жизни и форму ее организации, которая находит свое отражение в уникальном и индивидуальном способе взаимодействия с миром [1];
- постоянно развивающуюся систему (интеграл) личностных отношений человека к социальному окружению, самому себе, готовность личности реализовать эти отношения в конкретной деятельности [18];
- ценностно-смысловое образование, определенный уровень развития личности, основанный на выделении своего Я из непосредственной связи в прошлом, настоящем и будущем [19];
- ценностное отношение к окружающим, себе и своей жизни [20].

Обобщение основных положений зарубежных и отечественных концепций позволяет выделить в качестве основных показателей жизненной позиции составляющие ценностно-смыслового ядра личности – социально-психологические установки, базовые убеждения, экзистенциальные основы, конкретные поведенческие действия, образ жизни. Фиксация перечисленных элементов определяет психологическую устойчивость личности, умение осуществлять селекцию внешних воздействий, противостоять навязываемым убеждениям, противоречащим

взглядам и установкам, обуславливая стабилизацию поведения и деятельности, реализацию аутентичной системы отношений [21].

Жизненная позиция – динамичный феномен. Ее основы закладываются в раннем детстве, приобретая форму естественных выводов, образующихся под воздействием социальных установок и поведения ближайшего окружения и выполняющих преимущественно адаптивную функцию. Установки, ориентиры, способы реагирования на различные жизненные ситуации, транслируемые родителями, интериоризируются, обуславливая ценностно-смысловое и мотивационное пространство ребенка. К юности жизненная позиция трансформируется в систему ориентиров для восприятия себя и оценки окружающего мира, прогнозирования событий, выработки поведенческой линии и в целом выражения уникального и индивидуального способа взаимодействия с миром. Формирование данного психологического новообразования осуществляется в условиях изменения социальной позиции и необходимости решения специфических возрастных задач. По этой причине юношеский возраст охватывает проблемы жизненного самоопределения и самоосуществления, постановки и решения смысловых задач, достижения самостоятельности и принятия ответственности, интенциональной направленности жизни, выражающейся в формировании ее смысла, что находит отражение в трудах К. В. Карпинского [22], И. С. Кона [2], Н. И. Трубниковой [23]. Отсроченными последствиями проблем прохождения юношеского этапа являются дискомфорт, неудовлетворенность, невротические трудности, рентные установки, негативное и безразличное самоотношение, бессмысленность существования, неспособность контролировать события и жизнь, самоотчуждение, изолированность и другие социальные дисфункции [24].

Генез жизненной позиции детерминирован комплексом субъективных и объективных аспектов жизни личности. Объективные аспекты охватывают социальные условия и факторы жизни (семейное окружение, образование, социальное происхождение и др.); субъективные факторы – присущий личности комплекс индивидуально-психологических свойств. Главной детерминантой изменения жизненной позиции является опыт разрешения противоречий и персонально значимых ситуаций, трансформирующий жизненные отношения и ценности личности, изменяющий модель поведения и контуры жизненного пространства [6].

Жизненная позиция личности – определенно сложившееся образование, имеющее свою относительную, фиксированную структуру. Структура жизненной позиции – триединство диспозиций когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов [25]: осознанность, активность, гармония.

Осознанность (рефлексивность) – мера / степень феноменологического выделения себя из потока собственной жизни. Это энергетическая характеристика смысловой сферы личности, интегрирующая степень и устойчивость

смысловой направленности жизнедеятельности субъекта и определяющая успешность управления собственным поведением [1]. Осознанность лежит в основе свободного жизненного выбора, самостоятельного принятия решений и их реализации. Данный компонент рассматривается в качестве психологической основы авторства собственной жизни и ее творческого преобразования. Степень осознанности, т. е. понимания себя как разумно действующей причины, дает критерий для субъектности действия или определяет деятеля, способствует формированию автономии, независимости [5].

Активность – способность управлять своей жизнью, произвольно влиять на нее, изменять и творчески преобразовывать окружающую действительность, проектировать и реализовывать задуманные планы. В основе данной стратегии взаимодействия лежат субъективно значимые потребности, цели и смысл, а также определенная степень независимости от природных условий и социальных требований, свобода, способность преодолевать стандарты и усвоенные поведенческие шаблоны, внешние и внутренние пределы и границы [26]. Рассматриваемый компонент жизненной позиции интегрирует необходимое и возможное, согласовывает и соизмеряет объективное и субъективное, устанавливая внутренние критерии оценки способностей, притязаний и достижений [5]. В отличие от адаптивных тенденций, активность детерминирует субъектный уровень взаимодействия с действительностью, а потому позволяет устанавливать личностно-смысловые отношения и реализовывать гибкое взаимодействие, в противоположность доминанты ролевых отношений и пассивных, ригидных ориентаций [27].

Гармония – согласованность или разлад между восприятием себя и своей жизни, оценочно-эмоциональное отношение к явлениям окружающего мира [25]. Ощущение гармонии предполагает не просто успешное решение задач адаптации и приспособления к миру, а включение в жизнь, ощущение внутреннего удовлетворения и равновесия, толерантность к фрустрирующим и стрессогенным факторам. Поскольку в настоящее время отсутствуют четкие объективные критерии внешней оценки жизни человека, важными составляющими в анализе жизненного пути индивида являются аспекты удовлетворенности / неудовлетворенности жизнью, счастья. Для современной личности важно не просто адаптироваться и приспособиться к окружающему, а гармонично включить себя в жизнь и решение повседневных задач без чрезмерного психоэмоционального напряжения, истощения, сохраняя устойчивость, равновесие и продуктивность [28]. Очевидно, что данный подход позволяет рассматривать гармонию как сложное и обобщенное чувство, детерминирующее интеграцию, цельность и единство личности, принятие себя, независимость, ощущение наполненности и осмысленности жизни. Гармония определяет сбалансированность, пропорциональность и соразмерность в соотношении внешнего и внутреннего пространств, а также

основных жизненных сфер личности. Умение преодолевать дискомфорт, обусловленный противоречиями, кризисами и трудностями, коррелирует с ощущением внутренней удовлетворенности, счастья, наполненности жизни, позитивного отношения к себе, уверенности в себе и внутренней свободы [29]. Возникающее в противоположном случае ощущение пустоты и самоутраты личность компенсирует постановкой нереальных требований к себе и окружающим. Следствием этого являются гипертрофированная тенденция потребления и патологическая занятость, что весьма иллюстративно для современного общества изобилия с его экзистенциальным вакуумом [30] и «болезнями общества» легкой и текучей современности [31].

На одном полюсе жизненной позиции оказываются субъектность по отношению к своему развитию и жизни, осознание наличия альтернатив и свободы выбора, реализация планов, т. е. сформированность ресурсов для выстраивания уникальной и аутентичной траектории жизненного пути. На противоположном – неадекватность жизни своему самоощущению, дефицит осмысленности, малоосознанное существование, зависимость от ожиданий окружения, пассивные и ригидные приспособительные жизненные стратегии, блокирующие рост, развитие и самореализацию личности. В совокупности вышеизложенное позволило отметить сензитивность юности в становлении жизненной позиции и потенциал данного периода в работе с рисками и деформациями, что актуализировало необходимость экспериментального исследования специфики ее параметров и выявления психологических индикаторов.

Методы

Экспериментальную выборку составили обучающиеся 3 курса Оренбургского государственного педагогического университета, осваивающие профессиональные образовательные программы бакалавриата по направлениям подготовки 44.03.01 Педагогическое образование и 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование (N = 112, 11 юношей и 101 девушка; средний возраст – 20 лет).

Психодиагностический комплекс включал в себя:

1) параметры жизненной позиции:

- Опросник жизненной позиции личности (Опросник ЖПЛ) (Д. А. Леонтьев, А. Е. Шильманская) [25];

2) специфику психологических детерминант жизненной позиции:

- психологические границы: Методика диагностики психологической границы (Т. С. Леви) [32];
- интер- и интрасубъектные аспекты Я-концепции: Родственная Я-концепция (S. E. Cross, P. L. Bacon, M. L. Morris) и Коллективная и независимая Я-концепция (Т. М. Singelis) – обе в валидации Е. А. Дорошевой, Г. Г. Князева, О. С. Корниенко [33];
- когнитивные личностные конструкты: Шкала самооффективности (Р. Шварцер, М. Ерусалем, адаптация В. Ромека) [34];

- метакогнитивные процессы: Шкала аналитичности–холистичности (адаптация В. В. Апановича, В. В. Знакова, Ю. И. Александрова) [35]; Опросник толерантности и интолерантности к неопределенности (Т. В. Корнилова) [36].

Математико-статистическая обработка данных осуществлялась на основе описательной статистики, вычисления мер центральной тенденции, коэффициента взаимной сопряженности Пирсона (С) и Чупрова (Т).

Результаты

Структурирование эмпирического материала осуществлялось с опорой на трехкомпонентную модель жизненной позиции личности, предложенную Д. А. Леонтьевым и включающую эмоциональный (гармония), когнитивный (осознанность / рефлексивность) и деятельностный (активность) компоненты. На основе описательной статистики внутри исследуемой выборки были выделены три комбинации параметров жизненной позиции:

- группа 1: низкий уровень гармонии и средний и / или высокий уровень осознанности и активности (72 %);
- группа 2: средний уровень гармонии и высокий и / или средний уровень активности и осознанности (23 %);
- группа 3: высокий уровень гармонии и низкий и / или средний уровень осознанности и активности (5 %).

Эмпирические данные позволили установить основную закономерную тенденцию в формировании конфигурации жизненной позиции студентов: снижение показателей гармонии сопровождается повышением показателей осознанности и активности; и, наоборот, высокая гармония сочетается со снижением показателей осознанности и активности. Преобладающей тенденцией является дисбаланс в восприятии себя и своей жизни, при этом относительно активная, деятельная жизненная стратегия и осознание происходящих жизненных процессов сочетаются с внутренней несогласованностью и диспропорциональностью, ощущением неаутентичности. Данный факт, с одной стороны, позволяет рассматривать нарушения внутреннего равновесия

и дисгармонию у студентов как движущую силу развития, выбора направления развития и достижения значимых целей. С другой стороны, есть основания квалифицировать данную тенденцию как тревожную и вызывающую опасения, поскольку в современный период широкого разброса жизненных и аутентичных приоритетов личности, ощущение субъективного счастья и благополучия является главным критерием удовлетворенности / неудовлетворенности человека собственной жизнью. Снижение показателей осознанности и активности является источником повышения гармонии у студентов. Однако данная тенденция носит защитный характер, поскольку сознательное ограничение и снижение рефлексивной оценки происходящих жизненных процессов нивелирует интенсивность возникающих переживаний относительно возможностей реализации поставленных целей, преобразования себя и своей жизни.

Итак, жизненная позиция современной молодежи – это интеграл показателей субъективного ощущения внутренней дисгармонии и достаточно высокой рефлексивности жизненных процессов, сочетающейся с активной деятельной реализацией во внешнем пространстве. Обозначенная тенденция связана со спецификой функционирования психологических границ, метакогнитивными процессами, составляющими Я-концепции. Обратимся к анализу статистически значимых связей между выявленной спецификой параметров жизненной позиции и психологическими границами, интер- и интрасубъектными аспектами Я-концепции, самоэффективностью, метакогнитивными процессами.

Психологические границы регулируют, направляют и контролируют обменные информационно-энергетические процессы между внутренней и внешней реальностью личности [32]. Полученные нами эмпирические данные демонстрируют преобладание в исследуемой группе показателей *несформированной психологической границы*, чрезмерно сензитивной и уязвимой (табл. 2).

В функционировании границ, работающих с импульсами внешнего и внутреннего мира, отмечается несогласованность и несопряженность. В частности, в обработке внешних

Табл. 2. Статистические значения связи параметров жизненной позиции и психологических границ в исследуемой выборке (С; Т)

Tab 2. Attitudes vs. psychological boundaries (C; T)

Психологические границы	Гармония		Осознанность / рефлексивность		Активность	
	С	Т	С	Т	С	Т
Невпускающая граница	0,0876	0,104	0,225*	0,258*	0,0797	0,0948
Проницаемая граница	0,0818	0,0968	0,276*	0,311*	0,107	0,126
Вбирающая граница	0,169	0,201	0,133	0,156	0,211*	0,251*
Отдающая граница	0,197*	0,217*	0,135	0,158	0,196*	0,227*
Сдерживающая граница	0,104	0,123	0,197*	0,228*	0,122	0,143
Спокойно-нейтральная граница	0,0569	0,0676	0,218*	0,251*	0,069	0,0818
Проницаемость, незащищенность границы	0,264	0,291*	0,271*	0,230*	0,198	0,204

Прим.: * – $p \leq 0,05$.

импульсов принимают участие энергичные *невпускающая* и *сдерживающая* функции, а внутренних – астенизированные *вбирающая*, *отдающая* и *проницаемая*. Совокупный коэффициент их действия определяет усиление защитных личностных стратегий, тенденции отгороженности и ограничения контактов. Последствиями блокирования нежелательных внешних воздействий и интенсивного сдерживания внутренних импульсов являются трудности аутентичной самопрезентации и самовыражения [37]. Астенизация и слабость контактных функций границ, их жесткость и закрытость являются показателем гипертрофированной стратегии защиты внутреннего пространства от внешних воздействий, угрожающих целостности и психологическому благополучию личности с реализацией стратегии ухода от контакта. Данная тенденция иллюстрируется выявленной связью между энергичностью *невпускающей* и *сдерживающей* функций и *интолерантностью* к *неопределенности* (в том числе межличностной), определяющей стремление поддерживать устойчивость и статичность в отношениях, дискомфорт в неопределенных ситуациях межличностного взаимодействия, невозможность сохранять эффективность и продуктивность в неопределенных жизненных ситуациях [24].

Поддержание устойчивости и стабильности внешних и внутренних составляющих бытия личности отражается на специфике Я-концепции. Прежде всего нас интересуют показатели связанности / независимости образа Я с субъективным ощущением соответствия определенной группе, доминирующим в ней нормам, целям и идеалам. Так, в исследуемой выборке установлено преобладание интересубъектной модели личности, высокие показатели взаимозависимой и низкие показатели независимой Я-концепции, приоритет родственной Я-концепции. Субъективное представление о себе, самоотношение и самосознание в студенчестве детерминируются включенностью в определенную группу или коллектив, мнением других людей, соответствием ролевым

ожиданиям и требованиям социальной желательности или результатами социального сравнения. Высокие значения родственной Я-концепции подчеркивают связанность представлений о себе и взаимоотношений с близкими людьми, восприимчивость к их потребностям, убеждениям и эмоциям с нивелированием собственных (табл. 3).

Табл. 3. Статистические значения связи функций психологических границ и Я-концепции в исследуемой выборке (С)

Tab. 3. Psychological boundaries vs. Self-concept (C)

Функции	Я-концепция		
	Взаимозависимая	Родственная	Независимая
Невпускающая	0,286*	0,00559	0,0743
Вбирающая	0,14	0,0456	0,0652
Отдающая	0,0126	0,0742	0,161
Сдерживающая	0,187*	0,199*	0,255*

Прим.: * – $p \leq 0,05$.

Эмпирически подтверждено, что взаимозависимая, независимая и родственная Я-концепции связаны с активностью сдерживающей и невпускающей функций границ. Иными словами, закрытость и непроницаемость внутреннего пространства для внешних воздействий обеспечивает соответствие социально-ролевым ожиданиям и требованиям референтной группы, что позволяет избежать дискомфорта и приспособиться к ситуации без психологических потерь, фрустрации, стресса.

Статистические значения связи параметров жизненной позиции и метакогнитивных процессов у студентов представлены в табл. 4.

Табл. 4. Статистические значения связи параметров жизненной позиции и метакогнитивных процессов у студентов (С; Т)

Tab. 4. Attitudes vs. metacognitive processes (C; T)

Метакогнитивные категории	Гармония		Осознанность / рефлексивность		Активность	
	С	Т	С	Т	С	Т
Фокус внимания	0,176	0,241	0,247*	0,33*	0,134;	0,186
Каузальная атрибуция	0,707*	0,707*	0,133	0,185	0,144	0,2
Толерантность к противоречиям	0,331*	0,424*	0,23*	0,309*	0,149	0,206
Восприятие изменений	0,198*	0,269*	0,403*	0,495*	0,158	0,218
Общий показатель аналитичности–холистичности	0,193*	0,263*	0,305*	0,396*	0,0796	0,112
Толерантность к неопределенности	0,288*	0,377*	0,378*	0,472*	0,318*	0,41*
Интолерантность к неопределенности	0,164	0,226	0,322*	0,414*	0,267*	0,353*
Межличностная интолерантность к неопределенности	0,104	0,146	0,264*	0,35*	0,175	0,24

Прим.: * – $p \leq 0,05$.

Низкие показатели гармонии у современных студентов проявили связь с холистичностью каузальной атрибуции, выделяющей в качестве приоритетной социальную и ситуативную центрированность, связанность с контекстом и системой внешних факторов, роль взаимодействий и интеракций в противовес внутренним диспозициям. Взаимосвязь высокой осознанности и холистичности фокуса внимания и толерантности к противоречиям подчеркивает высокую субъективную значимость социальной и ситуационной детерминации в выстраивании системы жизненных отношений. Связь с аналитичностью восприятия изменений подчеркивает константность, статичность, стабильность, постоянство в оценке окружающей действительности и происходящих внешних процессов. Возможность изменения внешней действительности и самоизменения ограничивается фиксированными установками личности.

Анализ выявленных взаимосвязей между психологическими конструктами позволил получить ряд важных эмпирических наблюдений (табл. 5), которые рассматриваются в качестве индикаторов жизненной позиции современных студентов.

Так, фиксируется общая для всех структур тенденция – чувствительность жизненной позиции к специфике метакогнитивных процессов. Обнаружена связь эмоционального и когнитивного компонентов жизненной позиции с показателями самооффективности, толерантности к противоречиям, восприятия изменений, толерантности к неопределенности, полюсом холистичности. Интолерантность к неопределенности, приоритет полюса холистичности опосредуют восприятие и осмысление реальности, обработку информации и выстраивание ответных поведенческих стратегий. Преобладающими являются социальные когниции, приоритет интеракционизма и контекстуальности, характеризующиеся стремлением к ясности, упорядоченности, приверженности правилам и принципам, доминирование системы взаимосвязей и взаимодействий в причинном объяснении происходящего. В межличностных отношениях и восприятии изменений отдается предпочтение постоянству, статичности, моноличности, устойчивости.

Существенна взаимосвязь изучаемых параметров жизненной позиции с показателями толерантности к неопре-

деленности, когнитивного и деятельностного компонента с интолерантностью к неопределенности, деятельностного компонента и межличностной интолерантности к неопределенности. Ситуации неопределенности и новизны, оцениваемые зачастую как угрозы психологическому благополучию, определяют дискомфорт, нервно-психическое напряжение, деструктивную тревогу. Социально-психологическое функционирование в обозначенных условиях приводит к необходимости защиты внутреннего пространства посредством энергичности невпускающей, сдерживающей и астенизации отдающей, вбирающей, проницаемой и спокойной-нейтральной границ. Обращают на себя внимание взаимосвязи между гармонией и каузальной атрибуцией, осознанностью и фокусом внимания, активностью и родственной Я-концепцией, которые в совокупности отражают доминирование социальных и ситуационных факторов в анализе сущности и причин происходящих явлений, значимость близких и родных лиц в процессах проектирования и осуществления жизни.

Заключение

Жизненная позиция объединяет систему диспозиций личности, реализуемых по отношению к ее внешнему и внутреннему пространству. Ключевой особенностью жизненной позиции в период студенчества является несогласованность и диспропорциональность ее основных структурных элементов: снижение показателей гармонии, сопровождаемое увеличением активности и осознанности жизненных процессов, и наоборот. Анализ индикаторов обозначенных тенденций позволяет выделить в качестве системообразующих специфику функционирования психологических границ, метакогнитивных процессов, преобладание интересубъектных элементов Я-концепции и других смежных конструктов, регулирующих и направляющих обменные процессы между внешним и внутренним пространством личности. Установлено, что интолерантность к неопределенности, ощущение низкой самооффективности, ригидная ориентация на значимых и родных лиц, приоритет интеракционизма и доминанты контекстного объяснения происходящих процессов, ограничение контактов определяют константность вектора личностных и жизненных трансформаций

Табл. 5. Статистические значения связи параметров жизненной позиции и психологических конструктов у студентов (С; Т)

Tab. 5. Attitudes vs. psychological constructs (C; T)

Психологические конструкты	Гармония		Осознанность / рефлексивность		Активность	
	С	Т	С	Т	С	Т
Самооффективность	0,337*	0,431*	0,292*	0,382*	0,178	0,244
Родственная Я-концепция	0,0577	0,0684	0,119	0,142	0,296*	0,332*
Взаимозависимая Я-концепция	0,146	0,171	0,125	0,149	0,088	0,104
Независимая Я-концепция	0,0885	0,105	0,125	0,147	0,177	0,206

Прим.: * – $p \leq 0,05$.

у студентов. Жесткость и закрытость психологических границ, их несбалансированность и неоптимальность блокируют эффективное протекание обменных информационно-энергетических процессов между внешними и внутренними аспектами Я, фиксируя личностные свойства, линии развития и жизни.

В совокупности выявленные взаимосвязи позволяют обозначить основные психологические барьеры в становлении жизненной позиции современной молодежи:

- проблемы сепарации от семьи, обусловленные зависимостью от значимых людей, ключевая роль родных и близких лиц в формировании представлений о себе и активном выстраивании линии жизненного пути;
- сензитивность к воздействию навязываемых шаблонов, стереотипов и жизненных концепций, слабость аутентичных личностных тенденций;
- низкая самооэффективность, проблемы принятия ответственности за себя и свою жизнь, объяснение

происходящего действием внешних социальных и ситуативных факторов;

- ригидные способы защиты, пассивные стратегии приспособления, реактивность.

Акцентирование психолого-педагогического сопровождения на работу в данных направлениях является основой решения проблем психологического взросления, развития и конструктивной самореализации современной молодежи. Мы не претендуем на исчерпывающее рассмотрение заявленного вопроса, считая целесообразным дальнейший углубленный анализ заявленного феномена.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003. 487 с. [Leontyev D. A. *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2003, 487. (In Russ.)]
2. Кон И. С. Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1980. 192 с. [Kon I. S. *Psychology of a high school student*. Moscow: Prosveshchenie, 1980, 192. (In Russ.)]
3. Бредун Е. В., Щеглова Э. А., Смешко Е. В., Шмер Т. А. Диагностические возможности опросника «Темпоральные модальности жизнеосуществления». *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 82. С. 174–190. [Bredun E. V., Shcheglova E. A., Smeshko E. V., Shmer T. A. Diagnostic capabilities of "temporal modality of life fulfilment" questionnaire. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (82): 174–190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/82/10>
4. Мочалов К. С. Проблема трансформации временных измерений: опыт прошлого в формировании будущего. Настоящее как основа временных преобразований. *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 3. С. 307–310. [Mochalov K. S. The problem of transformations of time's dimensions: the experience of the past in the formation of the future. The present as the basis of temporal transformation. *The world of science, culture and education*, 2012, (3): 307–310. (In Russ.)]
5. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с. [Abulkhanova-Slavskaya K. A. *The strategy of life*. Moscow: Mysl, 1991, 299. (In Russ.)]
6. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с. [Abulkhanova K. A., Berezina T. N. *The time of personality and the time of life*. St. Petersburg: Aleteia, 2001, 304. (In Russ.)]
7. Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: ИП РАН, 2006. 621 с. [Brushlinskii A. V. *Selected psychological works*. Moscow: IP RAS, 2006, 621. (In Russ.)]
8. Джамиризе Н. К. К проблеме самоорганизации и самоопределения взрослого человека в условиях современного российского общества. *Мир психологии*. 2005. № 3. С. 74–79. [Dzhamirze N. K. To the problem of self organization and self determination of an adult person under conditions of the contemporary Russian society. *Mir psikhologii*, 2005, (3): 74–79. (In Russ.)]
9. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Введение в трансперспективный анализ. Томск: ТГУ, 2005. 174 с. [Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of the individual. Introduction to the trans-perspective analysis*. Tomsk: TSU, 2005, 174. (In Russ.)]
10. Некрасова Е. В. Жизненный мир человека как предмет психологического исследования. *Сибирский психологический журнал*. 2004. № 19. С. 18–23. [Nekrasova E. V. Vital world of a human being as a of psychological research. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2004, (19): 18–23. (In Russ.)]
11. Адлер А. Индивидуальная психология и развитие ребенка. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 144 с. [Adler A. *The Education of children*. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2017, 144. (In Russ.)]
12. Адлер А. О стремлении к превосходству. СПб.: Астер-Х, 2017. 40 с. [Adler A. *Striving for excellence*. St. Petersburg: Aster-X, 2017, 40. (In Russ.)]

13. Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия. СПб.: Братство, 1992. 224 с. [Bern E. *Transactional analysis in psychotherapy*. Saint-Petersburg: Bratstvo, 1992, 224. (In Russ.)]
14. Гулдинг М. М., Гулдинг Р. Л. Психотерапия нового решения. М.: Класс, 1997. 288 с. [Goulding M. M., Goulding R. L. *Changing lives through rededication therapy*. Moscow: Klass, 1997, 288. (In Russ.)]
15. Харрис Т. Э. Я – О'Кей, ты – О'Кей. М.: Акад. проект, 2019. 255 с. [Harris T. A. *I'm OK, you're OK*. Moscow: Akad. proekt, 2019, 255. (In Russ.)]
16. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Большая книга психологии. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 704 с. [Frager R., Fadiman J. *Personality & Personal Growth*. St. Petersburg: Praim-Evroznak, 2008, 704. (In Russ.)]
17. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2016. 400 с. [Maslow A. *Motivation and personality*. St. Petersburg: Piter, 2016, 400. (In Russ.)]
18. Маркин В. Н. Жизненная позиция личности как психолого-акмеологическая категория и феномен социального самоутверждения. *Мир психологии*. 2005. № 4. С. 45–50. [Markin V. N. Life position of a personality as a psychological "acmeological category and a phenomenon of the social self" affirmation. *Mir psikhologii*, 2005, (4): 45–50. (In Russ.)]
19. Бабулина Л. В. Развитие жизненной позиции личности. *Актуальные вопросы современной науки*. 2011. № 8. С. 152–173. [Babulina L. V. Development of a person's life position. *Aktualnye voprosy sovremennoi nauki*, 2011, (8): 152–173. (In Russ.)]
20. Мухина В. С. Проблемы генезиса личности. М.: МГПИ, 1986. 102 с. [Mukhina V. S. *Problems of the genesis of personality*. Moscow: MSPI, 1986, 102. (In Russ.)]
21. Дарвиш О. Б. Психологическая устойчивость как базовая характеристика личности. *Сибирский педагогический журнал*. 2008. № 7. С. 362–370. [Darvish O. B. Psychological stability as a basic characteristic of personality. *Siberian Pedagogical Journal*, 2008, (7): 362–370. (In Russ.)]
22. Карпинский К. В. Смыслоразнозначные задачи и состояния в развитии личности как субъекта жизни. *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 71. С. 79–106. [Karpinskij K. V. Meaning-oriented tasks and meaning-associated states in personality development. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal*, 2019, (71): 79–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/71/5>
23. Трубникова Н. И. Осмысленность жизни как важнейший компонент жизненного самоопределения. *Мир науки, культуры, образования*. 2011. № 2. С. 246–249. [Trubnikova N. I. Comprehension of life as the most important component of life self-determination. *The world of science, culture and education*, 2011, (2): 246–249. (In Russ.)]
24. Фоминых Е. С. Жизненная позиция и психологические границы личности: взаимосвязь и специфика функционирования в юности. *Пензенский психологический вестник*. 2020. № 2. С. 3–13. [Fominykh E. S. Life position and psychological boundaries of the individual: the relationship and specifics of functioning in the youth. *Penza psychological newsletter*, 2020, (2): 3–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17689/psy-2020.2.1>
25. Леонтьев Д. А., Шильманская А. Е. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации. *Вопросы психологии*. 2019. № 1. С. 90–100. [Leontiev D. A., Shilmanskaya A. E. Personal life position: making theoretical notions operational. *Voprosy Psikhologii*, 2019, (1): 90–100. (In Russ.)]
26. Любачевская Е. А. Теоретические основы исследования жизненных позиций личности. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология*. 2013. № 2. С. 174–177. [Lyubachevskaya E. A. Theoretical grounds of the individual life attitudes" study. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2013, (2): 174–177. (In Russ.)]
27. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл; Академия, 2002, 416 с. [Asmolov A. G. *Personality psychology: principles of general psychological analysis*. Moscow: Smysl; Academy, 2002, 416. (In Russ.)]
28. Берсенева Т. Н. Гармония как субъективный феномен. *Аналитика культурологии*. 2009. № 15. С. 80–87. [Berseneva T. N. Harmony as a subjective phenomenon. *Analitika kulturologii*, 2009, (15): 80–87. (In Russ.)]
29. Каширина Л. В., Новикова К. В. Внутренняя гармония как фактор устойчивости к стрессу. *Психология в экономике и управлении*. 2016. Т. 8. № 1-2. С. 51–59. [Kashirina L. V., Novikova K. V. Internal harmony as a stress resistance factor. *Psychology in Economics and Management*, 2016, 8(1-2): 51–59. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2016.8\(1-2\).51-59](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2016.8(1-2).51-59)
30. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с. [Frankl V. *Man's search for meaning*. Moscow: Progress, 1990, 368. (In Russ.)]
31. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с. [Bauman Z. *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter, 2008, 240. (In Russ.)]
32. Леви Т. С. Методика диагностики психологической границы личности. *Вопросы психологии*. 2013. № 1. С. 131–146. [Levi T. S. A technique for diagnosing the psychological boundaries of the personality. *Voprosy psikhologii*, 2013, (1): 131–146. (In Russ.)]

33. Дорошева Е. А., Князев Г. Г., Корниенко О. С. Валидизация русскоязычных версий двух опросников Я-концепции. *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 3. С. 99–112. [Dorosheva E. A., Knyazev G. G., Kornienko O. S. Validation of two Russian-language versions of self-conception questionnaires. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2016, (3): 99–112. (In Russ.)]
34. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*. 1996. № 7. С. 71–77. [Schwarzer R., Yerusalem M., Romek V. Russian version of the self-efficacy scale by R. Schwarzer and M. Yerusalem. *Inostrannaia psikhologiya*, 1996, (7): 71–77. (In Russ.)]
35. Апанович В. В., Знаков В. В., Александров Ю. И. Апробация шкалы аналитичности–холистичности на российской выборке. *Психологический журнал*. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96. [Apanovich V. V., Znakov V. V., Alexandrov Yu. I. Approbation of the Russian-language version of analytic-holistic scale. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2017, 38(5): 80–96. (In Russ.)]
36. Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера. *Экспериментальная психология*. 2014. Т. 7. № 1. С. 92–110. [Kornilova T. V., Chumakova M. A. Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Experimental Psychology (Russia)*, 2014, 7(1): 92–110. (In Russ.)]
37. Шаповал И. А., Фоминых Е. С. Самоотношение как феноменологическое поле диагностики психологических границ личности и ее здоровья. *Клиническая и специальная психология*. 2018. Том 7. № 1. С. 13–27. [Shapoval I. A., Fominykh E. S. Self-attitude as a Phenomenological Field of Diagnosis of Psychological Boundaries of the Personality. *Clinical Psychology and Special Education*, 2018, 7(1): 13–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070102>

оригинальная статья

Взаимосвязь Я-концепции с типами привязанности у молодежи

Хмелевская Ольга Евгеньевна

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, Владивосток<https://orcid.org/0000-0003-2731-8855>

ug223@mail.ru

Дмитриева Ольга Борисовна

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, Владивосток

Поступила в редакцию 01.03.2022. Принята после рецензирования 07.06.2022. Принята в печать 04.07.2022.

Аннотация: В ходе теоретического обзора имеющихся источников установлено, что Я-концепция и типы привязанности формируются в социальной среде с рождения. Изучение связи Я-концепции с типами привязанности в России только набирает обороты. Цель – изучить взаимосвязи Я-концепции и типов привязанности у молодежи. В ходе эмпирического исследования проведено анкетирование, использованы психологические методики: Опросник привязанности к близким людям, Самооценка генерализованного типа привязанности, Личностный дифференциал, Опросник самоотношения. Результаты обработаны и проанализированы с использованием методов математической статистики, программы Excel, статистического пакета SPSS Statistics v. 23. Корреляционный анализ установил двустороннюю значимую взаимосвязь по четырнадцати параметрам между характеристиками Я-концепции и ненадежно-тревожным, ненадежно-избегающим, ненадежно-дезорганизованным типами привязанности. Исключение составил надежный тип привязанности, для которого не выявлено значимых связей. Из четырех выделяемых типов привязанности три коррелируют с Я-концепцией, что подтверждает гипотезу о существовании взаимосвязи Я-концепции с типом привязанности у молодежи. Отсутствие отношений между Я-концепцией и надежным типом привязанности позволило наметить планы на дальнейшее исследование проблемы.

Ключевые слова: Я-концепция, самосознание, типы привязанности, надежный тип привязанности, ненадежно-тревожный тип привязанности, ненадежно-избегающий тип привязанности, ненадежно-дезорганизованный тип привязанности, корреляционный анализ

Цитирование: Хмелевская О. Е., Дмитриева О. Б. Взаимосвязь Я-концепции с типами привязанности у молодежи. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 472–481. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-472-481>

full article

Self-Concept of Young People with Different Types of Attachment

Olga E. Khmelevskaya

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok

<https://orcid.org/0000-0003-2731-8855>

ug223@mail.ru

Olga B. Dmitrieva

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok

Received 1 Mar 2022. Accepted after peer review 7 Jun 2022. Accepted for publication 4 Jul 2022.

Abstract: The purpose of this research was to study the relationship between the Self-concept and various types of attachment in young people. The authors performed a theoretical review of available sources and established that the Self-concept and types of attachment are formed by the social environment from birth. In Russia, Self-concept studies in connection with the types of attachment are only gaining momentum. The empirical study involved a questionnaire developed by the authors. The results obtained were processed and analyzed using Excel, mathematical statistics methods, and SPSS Statistics v. 23. The correlation analysis established a two-way significant relationship in fourteen parameters between the characteristics of the Self-concept and unreliable-anxious, unreliable-avoidant, and unreliable-disorganized types of attachment. The reliable type of attachment proved to be an exception with no significant connections. Thus, three attachment types correlated with the Self-concept. The revealed interrelations confirmed the hypothesis about a relationship between the Self-concept and the type of attachment in young people. The absence of a relationship between the Self-concept and the reliable attachment type allowed the authors to outline plans for further research.

Keywords: self-concept, self-awareness, attachment types, reliable attachment type, unreliable-anxious attachment type, unreliable-avoidant attachment type, unreliable-disorganized attachment type, correlation analysis

Citation: Khmelevskaya O. E., Dmitrieva O. B. Self-Concept of Young People with Different Types of Attachment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 472–481. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-472-481>

Введение

Одним из актуальных направлений современной психологии остается изучение Я-концепции. В числе классических исследований Я-концепции можно назвать работы У. Джеймса, Г. Келли, Ч. Кули, М. Куна, К. Роджерса, М. Розенберга, З. Фрейда, К. Хорни, Э. Эриксона, К. Юнга. Я-концепция выступает как центральное образование самосознания [1]; возникающий на биологической основе продукт определенной культуры [2]; совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой [3].

В отечественной психологической мысли интерес к изучению Я-концепции возник на рубеже XIX–XX вв. Б. Г. Ананьев, В. М. Бехтерев, И. С. Кон и рассматривали Я-концепцию как центральное, регулятивное образование структуры личности. А. С. Выготский, В. С. Мухина, В. Н. Мясищев, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, С. А. Рубинштейн, А. Г. Спиркин, В. В. Столин и др. изучали данный феномен в рамках самосознания, его структуры и места в психике человека.

Анализ литературы в рамках обозначенной проблемы свидетельствует о сложности, многогранности анализируемой проблемы, ее большом значении в жизни молодых людей как стратегическом потенциале будущего общества.

Анализ литературных источников показал противоречия между значительным количеством исследований по теме самосознания как личностного образования, определяющего облик человека; отсутствие единства в определении этого понятия и понимания его структуры [4]. В зарубежных трудах отмечается, что центральным образованием самосознания является Я-концепция, основоположником которой был У. Джеймс. Анализируя Я-сознающее (процесс познания самого себя) и Я-объект (содержание опыта) как компоненты Я-концепции, ученый уделял большое внимание связи самосознания и самооценки [5].

По мнению Ч. Кули, развитие Я-концепции определяет информация, возникающая в сознании человека как реакция на обратную связь, получаемую от других людей [6]. В теории Э. Эриксона проблематика Я-концепции рассматривается с позиции Эго-идентичности, понимаемой им как возникающий на биологической основе продукт определенной культуры [2]. К. Роджерс под Я-концепцией понимает восприятие индивидом самого себя и механизм регуляции поведения человека [7]. Изучению Я-концепции были посвящены также труды отечественных психологов Н. Н. Авдеевой, А. С. Выготского, И. С. Кона, А. Н. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, А. Р. Лурии, С. А. Рубинштейна, А. Г. Спиркина и др. Отметим, что все многообразие имеющихся в отечественной психологии моделей Я-концепции базируется на разработках зарубежных психологов.

Во взглядах отечественных психологов Я-концепция отождествляется со структурой личности, образом Я и в целом смешивается с понятием самосознание [8], вместе с тем в их работах нет единой точки зрения на то, что представляет собой самосознание. Так, А. Н. Леонтьев характеризует его как осознание себя в системе общественных отношений [9]. А. Г. Спиркин определяет самосознание как целостную оценку самого себя и своего места в жизни, «своих действий и их результатов, мыслей, чувств, морального облика, интересов, идеалов и мотивов поведения» [10, с. 136]. С точки зрения автора, самосознание предполагает осознание тех основ, которые дают возможность личности получать самооценку, понимание и принятие собственной жизненной позиции, смысла своего существования [11]. В целом отечественные психологи рассматривают Я-концепцию как компонент психологического феномена Я. Это положение проистекает из понимания Я как полимодальной структуры (устойчивой внутренней структуры, которая, по мнению И. С. Кона, относительно независима от мнений окружающих и внешних ситуаций [12]). В аспекте данного подхода Я состоит из телесного Я; психологического Я, т. е. Я-концепции; экзистенциального Я; социально-ролевого Я. Д. А. Леонтьев подчеркивает, что психологическое Я отвечает на вопрос *какой Я?* и «включает в себя восприятие собственных черт, мотивов, потребностей и способностей» [13, с. 24]. Именно оно составляет основу того, что в психологии называют образом Я или Я-концепцией.

По мнению практикующих специалистов, изучение самосознания, его особенностей в разные возрастные периоды, а также у лиц, попавших в разные жизненные ситуации, может послужить базой для профилактической работы [14].

Однако проблема Я-концепции остается актуальной и требует дальнейшего изучения. При всем понимании значимости этого феномена работы отечественных психологов по его исследованию до сих пор разрозненны и единичны, нет единого подхода к условиям его коррекции. Особенно четко прослеживается противоречие между потребностью общества в гармонично развитой личности с высокой самооценкой и современной тенденцией к инфантилизации молодого поколения. В связи с этим многие аспекты Я-концепции и ее связи с другими психологическими феноменами у молодежи оказываются недостаточно изученными. Вызывает значительный интерес проблема взаимосвязи Я-концепции с типом привязанности. Привязанность, возникающая вследствие заботы о ребенке, рождает у него чувство безопасности, а на остальных возрастных этапах является основой развития психопатологий. Подтверждено, что качество привязанности

во многом определяет функционирование личности в обществе. Несмотря на разработанные зарубежными психологами (Дж. Боулби, К. Бриш, С. Хазан, Ф. Шейвер, М. Эйнсворт и др.) инструментарии исследования привязанности, а также их адаптации и собственные методики отечественных психологов (Т. В. Казанцева, Д. В. Каширский, В. Н. Куницына, Н. В. Сабельникова и др.), практикующие специалисты остро нуждаются в надежных и валидных методиках изучения привязанности.

Привязанность и ее типы

В психологии природу привязанности изучают с начала XX в. К середине 1960-х гг. была разработана комплексная теория привязанности, объединившая различные подходы к формированию эмоциональной связи между младенцем и матерью, а в конце 1980-х гг. идеи теории привязанности проникли в сферу близких отношений взрослых людей [15; 16]. В зарубежных исследованиях теория привязанности стала основной парадигмой, в рамках которой изучаются межличностные отношения: ее характеризуют не просто как теорию взаимоотношений в младенческом и взрослом возрасте, а как широкую теорию личности, в которой рассматриваются ее развитие, психопатологии и социальное функционирование [17].

Основоположителем теории привязанности считают Дж. Боулби. Он определяет привязанность как эмоциональную связь, которая во времени и пространстве объединяет человека с другими людьми. Объект привязанности при этом становится основой безопасности и уверенности. Данный феномен надежного тыла регулируется системой поведенческого контроля, которая возникает в течение первого года и влияет на организацию аффективной, когнитивной и поведенческой сфер на протяжении всей жизни. Дж. Боулби считал основным условием нормального психического развития любовь ребенка к матери и наоборот. Автор утверждал, что при несоблюдении этого условия могут возникнуть патологии поведения. К расстройствам поведения также может привести разлука с матерью в раннем возрасте. Следствием могут стать неспособность к установлению близких отношений, завышенные требования к другим людям и т. п. [18].

Роль отношений с матерью в становлении личности, формировании базового доверия, Я-концепции, способов переработки травмирующей информации подтверждена эмпирически в ходе научных исследований как за рубежом, так и в России. В психологии материнство рассматривается и как обеспечение условий для развития ребенка, и как часть личностной сферы женщины [19]. Но и отец является ключевой фигурой в жизни ребенка, вносящей большой вклад в воспитание и приобретение им разных навыков, знаний. Для полноценного воспитания ребенка необходимо присутствие как матери, так и отца, поэтому психологи придерживаются позиции, что целесообразным является изучение совместного влияния их образов.

Последующие за Дж. Боулби исследования привязанности позволили определить ее типы. Так, в работах М. Эйнсворт и других авторов были выделены такие типы привязанности, как безопасный (надежный), ненадежно-избегающий, ненадежно-амбивалентный, ненадежно-дезорганизованный [20; 21]. Однако аналитическая деятельность показала, что в настоящее время отсутствует полная картина динамики ее возрастного развития. В 1980-х гг. теория привязанности проникла в сферу взрослых романтических отношений благодаря работам С. Хазан и Ф. Шейвера, утверждавших, что гармоничные отношения с партнером – это база, помогающая справляться с различными трудностями [15].

В современной психологии на основе опросника *Интервью о привязанности для взрослых* (AAI) [22] и его анализа выделены четыре типа привязанности к взрослому по аналогии с категориями привязанности к ребенку: надежная (А), ненадежно-тревожная (или ненадежно-амбивалентная) (В), ненадежно-избегающая (С), ненадежно-дезорганизованная (D) [23]. Наиболее благоприятным типом привязанности у взрослых психологи считают надежный. Надежная привязанность показывает, насколько уверенно человек может положиться на внутренние представления о привязанности для обеспечения физической или психологической безопасности. Люди с надежным типом привязанности остаются в любовных отношениях дольше, чем респонденты с тревожным или избегающим типами [15]. Люди, обладающие надежным типом, умеют разрешать конфликты, разрабатывать стратегии поведения защиты для преодоления тревог, страхов, сохранения своей целостности в отношениях с противоположным полом и др. [24]. Для нашего исследования представляют интерес результаты, отраженные в работах Э. Хайнцингера и Л. Льюкена, которые показывают, что надежный тип привязанности положительно коррелирует с позитивным самоотношением как аффективным компонентом Я-концепции [25].

Разные типы привязанности могут выполнять различные функции (например, безопасного тыла, психологической поддержки), степень их надежности может варьироваться. Л. Росс и Б. Спиннер отмечают, что 30 % молодых людей в различных видах отношений показали разный тип привязанности. Ненадежно-привязанные типы обычно не проявляются в социальных отношениях и активируются только при взаимодействии с потенциальным объектом привязанности [26]. Таким образом, люди могут оперировать различными моделями отношений одновременно, но в разных сферах.

На наш взгляд, важен тот факт, что привязанность формируется в семье, как и Я-концепция. Значимыми в формировании привязанности являются умения взрослого воспринимать любые сигналы ребенка и реагировать на них. Развитию привязанности способствуют проявления нежности, поддержки, чуткости и т. п. со стороны взрослых.

В отечественной психологии исследования привязанности начались относительно недавно – в начале 2000-х гг. – и до сих

пор остаются разрозненными и единичными (В. О. Аникина, О. П. Макушина, Л. А. Николаева, М. А. Падун, Е. В. Пупырева, Е. О. Смирнова, О. Бермант-Полякова и др.). Привязанность рассматривается в рамках концепции психологии отношений, заложенной В. Н. Мясищевым. Психологические отношения выступают в ней как «целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности» [27, с. 17]. В работе мы придерживались позиции В. Н. Кунницыной и др. определяя привязанность как «долговременные, устойчивые, позитивно окрашенные взаимоотношения, эмоционально наполненные и основанные на большой потребности друг в друге» [28, с. 195]. Также использовалась классификация типов привязанности М. Мэйн, К. Х. Бриш: надежная (А) и 3 типа ненадежной – В, С и D [23; 29].

Характеризуя типы привязанности, отметим, что взрослые с типом А уверенно могут положиться на объекты привязанности. Такие люди сообщали, что оставались в любовных отношениях дольше, чем лица с другими типами привязанности [15]. Лица с типом привязанности В демонстрируют двойное отношение к близкому (взрослому, если речь идет о детско-родительских отношениях, или романтическому партнеру, если речь идет об отношениях взрослых людей). Данный тип характеризуется частыми перепадами в отношениях, отсутствием компромиссов. При этом даже взрослые не могут объяснить свое поведение и страдают от этого. Люди, для которых характерен тип С, довольно замкнуты. Их основной мотив поведения – никому нельзя доверять, поэтому им сложно строить длительные или глубокие отношения. Они подсознательно создают стену между собой и другими, боясь возникновения зависимости или боли при расставании. Модель поведения людей с типом D можно обозначить следующим лозунгом: выживай, нарушая все правила. Им не нужно любви; они хотят, чтобы их боялись. Данный тип формируется у лиц, которые подвергались жестокому обращению в детстве и никогда не имели опыта привязанности [20].

В целом в отечественной психологии ощущается недостаток переводных адаптированных и собственных теоретически обоснованных методик исследования привязанности, которые могут стать для практикующих психологов надежным диагностическим инструментарием [30; 31].

Методы и материалы

Материалами для исследования послужили литературные и интернет-источники по исследуемой проблеме, результаты анкетирования, проведенного с использованием Google Forms. Выборку составили молодые люди в возрастном диапазоне 18–28 лет ($M=22,1$; $SD=2,46$): 33 респондента женского пола, 7 – мужского (задача установить различия в Я-концепции с разным типом привязанности для респондентов разных полов не ставилась). Участие в исследовании проводилось с согласия исследуемых.

Методы: анализ информационных источников, анкетирование (проведение опроса), тестирование, методы

математического анализа. Для структуризации и первичной обработки результатов эмпирического исследования была использована программа Excel, а также следующие методы описательной математической статистики: среднее арифметическое, мода, медиана, стандартное отклонение; корреляционный анализ на основе критерия Спирмена. Статистическая обработка полученных результатов для выявления корреляции между Я-концепцией и типами привязанности проводилась с помощью статпакета SPSS Statistics v. 23.

В начале исследования с целью составления подробной характеристики выборки исследуемых (половозрастного состава, образовательного, профессионального, социального уровней и др.) проводился опрос, при разработке которого была использована анкета Н. В. Сабельниковой, Д. В. Каширского [32].

Для эмпирического исследования отобраны следующие психологические методики:

- *Опросник привязанности к близким людям*. Адаптация Н. В. Сабельниковой и Д. В. Каширского [32] опросника *Опыт близких отношений* (*Experience in Close Relationships*) (ECR) К. Бреннан, С. Кларк и Ф. Шейвера). Методика предназначена для измерения субъективных различий взрослых в отношении межличностной привязанности. Опросник состоит из 36 высказываний, распределенных по двум шкалам: шкала *беспокойство* объединяет высказывания субъекта о доверии, уверенности, чувстве надежности, безопасности в отношениях со своими близкими; шкала *избегание* в аспекте привязанности отражает страх развития зависимости от значимого другого, избегание близких отношений и дискомфорт при сближении из-за страха поглощения. К примеру, надежному типу привязанности свойственно сочетание низких значений беспокойства по поводу отношений привязанности и избегания этих отношений. Схема модели типов межличностной привязанности взрослых представлена в работе [32, с. 85].
- *Самооценка генерализованного типа привязанности* (RQ) К. Бартоломью и Л. Хоровитца в адаптации Т. В. Казанцевой [30]. Опросник оценивает отношение к себе и другим (позитивное или негативное). Для получения качественных и количественных показателей типов привязанности испытуемым предлагается соотнести свой привычный тип отношений с 4 прототипами. Необходимо выбрать один, наиболее полно соответствующий прототип, а также оценить по 12-балльной шкале степень выраженности каждого из них в отношениях.
- *Личностный дифференциал* (ЛД) Ч. Осгуда в адаптации НИИ им. В. М. Бехтерева [33] предоставляет возможность изучать отношение к себе и другим людям, описывать образ Я (реального, актуального, идеального, профессионального и т. д.) и образы других значимых людей (мать, отец, друг), в том числе обобщенные и идеальные

(мужчина, женщина, идеальный друг). Разработанный вариант включает полюса трех классических факторов: *оценка, сила и активность*. Стимульный материал методики содержит 21 шкалу, отражающую определенные личностные характеристики.

- *Опросник самооотношения* (ОСО), разработанный С. Р. Пантеевым и В. В. Столиным [34], измеряет аффективный компонент Я-концепции (самоотношение) и его результат (образ Я как когнитивный компонент Я-концепции). В опросник входят 57 вопросов-суждений, которые распределены по шкалам: S измеряет интегральное чувство за или против собственного Я испытуемого; I – самоуважение; II – аутосимпатию; III – ожидаемое отношение от других; IV – самоинтерес. Также опросник содержит 7 шкал, направленных на измерение выраженности установки на те или иные внутренние действия в адрес Я испытуемого: 1 – самоуверенность; 2 – отношение других; 3 – самопринятие; 4 – саморуководство, самопоследовательность; 5 – самообвинение; 6 – самоинтерес; 7 – самопонимание.
- *Тест двадцати ответов по самооценке* (Twenty Statements Self Attitude Test), также известный как методика *Двадцать утверждений* или тест *Кто я?*, М. Куна и Т. Макпартленда в модификации Т. В. Румянцевой [35, с. 82–103]. В работе использован подход Т. В. Румянцевой, которая предлагает учитывать только абсолютное число упоминаний той или иной характеристики, относящейся к той или иной выделенной категории. В модификации ключа Т. В. Румянцевой предлагаются 24 показателя, которые, объединяясь, образуют 7 обобщенных показателей – компонентов идентичности: *социальное Я*, объединяющее социокультурные и этнические определения личности (пол, ролевые характеристики, этническую и групповую принадлежность); *коммуникативное Я*, включающее в себя особенности взаимодействия с людьми; *материальное Я*, компонентами которого являются материальное положение, а также отношение к внешней среде; *физическое Я* объединяет физические данные личности, пристрастия в еде, вредные привычки; *деятельное Я* – самооценка знаний, умений и навыков, деятельность, интересы; *перспективное Я* характеризует устремления личности в разных сферах жизни: профессии, коммуникациях, материальной, физической и т. п.; *рефлексивное Я* описывает личностные качества, особенности характера, персональные характеристики и эмоциональное отношение к себе.

Основными критериями для выбора методического инструментария стало соответствие поставленной цели (позволяют изучить Я-концепцию и типы привязанности), возрастным особенностям выборки. Также учитывались такие критерии, как воспроизводимость, надежность, валидность, распространенность, удобство в использовании.

Результаты

При использовании методики М. Куна и Т. Макпартленда *Кто я?* мы столкнулись с проблемой статистически обоснованного измерения полученных результатов, уже отмеченной и другими авторами. Построение шкал на основе ответов испытуемых, имеющих нормальное распределение, выявление групп характеристик для их анализа и создание на их основе классификации оказывается довольно затруднительным [36]. Анализ изучения компонентов идентичности у респондентов, проведенный по методике М. Куна и Т. Макпартленда в модификации Т. В. Румянцевой [35], представлен в табл. 1.

Табл. 1. Выраженность компонентов идентичности по методике *Кто Я?*
Tab. 1. Identity components: *Who Am I?* method

Компоненты идентичности	Число ответов респондентов	
	Абсолютное число	%
Рефлексивное Я	109	33,30
Социальное Я	75	23,00
Деятельное Я	72	22,00
Коммуникативное Я	37	11,30
Физическое Я	23	7,00
Перспективное Я	10	3,05
Материальное Я	1	0,31
Всего ответов	327	~100

Наибольшее число ответов было получено от респондентов в категориях *рефлексивное Я*, *социальное Я* и *деятельное Я*. Максимум ответов пришелся на такую характеристику *рефлексивного Я*, как *персональная идентичность* (80; 73,0 %). Менее всего отраженным оказалось *материальное Я*, категория *отношение к внешней среде*. Анализ остальных категорий позволил выяснить, что в *социальном Я* более всего ответов получено в категории *семейная принадлежность* (25; 33,0 %); в *коммуникативном Я* – *общение* (28; 75,7 %); в *физическом Я* – *фактическое описание* (13; 56,5 %); в *деятельном Я* – *занятия и опыт* (39; 54,0 %); в *перспективном Я* – *оценка стремлений* (6; 60,0 %).

Результаты, полученные в ходе проведения методики ОСО [34], указывают, что самыми невыраженными признаками у абсолютного большинства респондентов оказались *ожидаемое отношение от других*; *отношение других* и *самоинтерес* (табл. 2).

Среди выраженных признаков наиболее выделяется *глобальное самооотношение*, которое отражает внутреннее чувство за и против самого себя. Самопринятие, доверие к себе оказались важны для респондентов выборки. Среди ярко выраженных у респондентов чаще всего встречался признак *самопонимание*, чуть реже – *аутосимпатия*, отражающаяся на позитивном полюсе *дружественность к самому себе*, что свидетельствует о доверии к себе, об одобрении себя в общем.

Табл. 2. Выраженность признака *самоотношение* по методике ОСО, число респондентов

Tab. 2. Self-attitude: Self-Attitude Questionnaire

Шкалы-измерители содержания образа Я и самоотношения	Не выражен	Выражен	Ярко выражен	Всего с выраженными признаками
S – глобальное самоотношение (интегральная)	2	25	13	38
I – самоуважение	16	12	12	24
II – аутосимпатия	1	13	26	39
III – ожидаемое отношение от других	39	0	1	1
IV – самоинтерес	28	11	1	12
1 – самоуверенность	12	12	16	28
2 – отношение других	37	1	2	3
3 – самопринятие	7	18	15	33
4 – саморуководство, самопоследовательность	26	11	3	14
5 – самообвинение	19	9	12	21
6 – самоинтерес	36	3	1	4
7 – самопонимание	2	5	33	38

В целом выраженными у респондентов оказались такие признаки, как *аутосимпатия*, *самопонимание* и *глобальное самоотношение*.

В табл. 3 представлены результаты основных статистических параметров методики ЛД, полученных на выборке. В целом показатели всех трех факторов находятся у респондентов на среднем и низком уровнях.

Табл. 3. Описательные статистики факторов семантического дифференциала по методике ЛД

Tab. 3. Descriptive statistics of semantic differential factors: Personal Differential methodology

Факторы	Показатели средних значений			
	M	Mo	Me	SD
Оценка	9,4000	13,0000	10,0000	4,6238
Сила	3,7000	6,0000	4,5000	4,3600
Активность	4,3250	6,0000	5,0000	4,6588

Прим.: M – среднее значение, Mo – мода, Me – медиана, SD – стандартное отклонение.

Фактор *оценка* свидетельствует об уровне самоуважения. Высокие значения фактора отмечаются лишь у 3 респондентов (7,5 %). Данная категория исследуемых способна принимать себя как личность, носителя социально желательных характеристик; они в определенной мере удовлетворены собой. Средние значения обнаружены у 22 респондентов (55,0 %). Низкие значения фактора обнаружены у 15 респондентов (37,5 %). Выраженность данного фактора указывает на критическое отношение индивида к самому себе, неудовлетворенность своим поведением и уровнем достижений.

Фактор *сила* в самооценке характеризует развитие волевых сторон личности, их осознание самим испытуемым. Подчеркнем, что высокие значения фактора не встретились ни у одного из испытуемых. У 30 (75,0 %) респондентов оказались низкие значения фактора, что свидетельствует о недостаточном самоконтроле, неспособности держаться принятой линии поведения, зависимости от внешних обстоятельств и оценок.

Фактор *активность* интерпретируется как свидетельство экстравертированности личности. Высокий показатель, указывающий на активность, общительность, импульсивность, отмечен лишь у одного из участников. Средний уровень зафиксирован у 11 респондентов (27,5 %). У 28 респондентов (70,0 %) был выявлен низкий уровень фактора, что свидетельствует об определенной пассивности, преобладании у них спокойных эмоциональных реакций.

Методика ECR позволила четко выявить типы привязанности респондентов. С целью расширения данных была использована методика RQ [30]. Учитывая средние значения показателей, была составлена шкала уровней выраженности привязанности: низкий уровень (0–4 баллов), средний уровень (5–8 баллов), высокий уровень (9–12 баллов). У исследуемых были выделены промежуточные типы привязанности. Ряд респондентов (12 человек; 30,0 % исследуемых) показали наличие смешанных типов привязанности: надежного / ненадежно-тревожного (3 человека; 7,5 %), надежного / ненадежно-избегающего (4 человека; 10,0 %), ненадежно-тревожного / ненадежно-дезорганизованного и ненадежно-избегающего / ненадежно-дезорганизованного (по 2 человека; 5,0 %). Интересен тот факт, что 1 из респондентов (2,5 %) продемонстрировал наличие черт сразу трех типов привязанности: надежной / ненадежно-избегающей / ненадежно-дезорганизованной (табл. 4).

Табл. 4. Распределение типов привязанности у респондентов по методикам ECR, RQ, %

Tab. 4. Attachment types: ECR and RQ methods, %

Методики	Распределение типов привязанности				
	A	B	C	D	Смешанный
ECR	45,0	17,5	22,5	15,0	–
RQ	20,0	7,5	22,5	20,0	30,0

Для проверки гипотезы о взаимосвязи Я-концепции с типами привязанности у молодежи в качестве метода статистической обработки использован корреляционный анализ на основе непараметрического t-критерия Спирмена. Он был выполнен с помощью статистического пакета SPSS. Всего выявлено 40 значимых корреляций на уровне $p < 0,01$ (32 – положительные, 8 – отрицательные; максимальное критическое значение = $-0,774$, минимальное = $-0,684$). На уровне $p < 0,05$ выявлено 50 корреляций (28 – положительные, 22 – отрицательные; максимальное значение = $-0,403$, минимальное = $-0,397$). Корреляционный анализ позволил установить между методиками, проводимыми для установления типа привязанности и выраженности компонентов Я-концепции, двустороннюю значимую взаимосвязь по четырнадцати параметрам (табл. 5).

Среди значимых корреляций были выявлены как положительные, так и отрицательные. При этом для разных типов привязанности были установлены разные корреляционные отношения.

Для типа В было выявлено 6 значимых корреляций на уровне $p < 0,05$. Положительные корреляции были определены с такими компонентами Я-концепции, как *глобальное самоотношение* (0,378), *самоуважение* (0,383), *самоинтерес* (0,368) и *самопонимание* (0,330). Отрицательные корреляции выявлены со шкалами *самоинтерес* ($-0,325$)

и *сила* ($-0,332$). Выраженность значений типа В при положительной корреляции повышается при повышении шкал *глобальное самоотношение*, *самоуважение*, *самоинтерес*, *самопонимание*; при отрицательной корреляции понижается с повышением шкалы *самоинтерес* и *сила* и наоборот. То есть выраженность типа В при положительной корреляции повышается при усилении выраженности у респондентов согласия с собой; интереса, меры близости к самому себе, собственным мыслям и чувствам; уверенности в том, что интересен для других; поиска поддержки внутри себя и т. п.

Для типа С была установлена одна отрицательная взаимосвязь на уровне $p < 0,05$ со шкалой *оценка* ($-0,316$), понижаемая при повышении фактора *оценка*, повышаемая с понижением данного фактора. Таким образом, выраженность типа С снижается с повышением уровня самоуважения, способности принимать себя как личность, носителя социально желательных характеристик, удовлетворенности собой в целом. И наоборот, ситуации избегания, характерные для людей с данным типом привязанности, будут учащаться с понижением фактора *оценка* – критического отношения индивида к себе, неудовлетворенности своим поведением и уровнем достижений.

Для типа D выявлено две корреляционные связи как на уровне $p < 0,05$, так и на уровне $p < 0,01$. Был определен высокий уровень значимости положительной корреляции ($p < 0,01$) со шкалой *ожидаемое отношение от других* (0,461). Отрицательная взаимосвязь при $p < 0,05$ выявлена со шкалой *самоинтерес* ($-0,323$). Тип D положительно коррелирует ($p < 0,01$) с повышением значений шкалы *ожидаемое отношение от других* и отрицательно взаимосвязан ($p < 0,05$) с повышением значений шкалы *самоинтерес* и наоборот. То есть выраженность черт типа D при положительной корреляции ($p < 0,01$) будет повышаться с повышением ожидания отношения (как позитивного, так и негативного)

Табл. 5. Анализ значимых корреляций методик исследования Я-концепции и типов привязанности по t-критерию Спирмена

Tab. 5. Self-concept research methods vs. attachment types: t-Spearman's criterion

Шкалы-измерители Я-концепции	Шкалы типов привязанности					
	ECR		RQ			
	Избегание	Беспокойство	A	B	C	D
S – глобальное самоотношение (интегральная, ОСО)	-0,165	-0,029	-0,046	0,378*	-0,216	0,191
I – самоуважение (ОСО)	-0,118	0,047	-0,230	0,383*	-0,112	0,271
III – ожидаемое отношение от других (ОСО)	0,145	0,297	-0,309	0,309	-0,056	0,461**
IV – самоинтерес (ОСО)	-0,254	-0,460**	0,102	-0,325*	0,191	-0,323*
1 – самоуверенность (ОСО)	-0,328*	-0,392*	0,000	-0,107	-0,173	0,019
6 – самоинтерес (ОСО)	0,118	0,193	-0,067	0,368*	-0,058	0,169
7 – самопонимание (ОСО)	-0,012	-0,047	-0,266	0,330*	0,075	0,193
оценка (ЛД)	-0,484**	-0,684**	0,225	-0,209	-0,316*	-0,147
сила (ЛД)	-0,094	-0,220	0,033	-0,332*	0,074	-0,107

Прим.: * – $p < 0,05$ (двусторонняя), ** – $p < 0,01$ (двусторонняя).

к себе от других. При отрицательной корреляции ($p < 0,05$) выраженность черт данного типа привязанности понижается с повышением интереса к собственным мыслям и чувствам, уверенности в собственном интересе для других и наоборот.

Определены корреляционные связи компонентов Я-концепции с субшкалами типов привязанности *избегание* и *беспокойство*: на уровне $p < 0,05$ выявлены отрицательные связи между шкалами *избегание* ($-0,328$), *беспокойство* ($-0,392$) и *самоуверенность*; на уровне $p < 0,01$ определены отрицательные корреляции между шкалами *беспокойство* ($-0,460$) и *самоинтерес*; между шкалами *избегание* ($-0,484$), *беспокойство* ($-0,684$) и *оценка*.

Для типа А значимых корреляций не выявлено. Таким образом, из четырех выделяемых типов привязанности три коррелируют с Я-концепцией. Выявленные корреляции позволили установить, что гипотеза о существовании взаимосвязи Я-концепции с типом привязанности у молодых людей нашла подтверждение лишь частично. Взаимосвязь наблюдается в ненадежно-тревожном, ненадежно-избегающем, ненадежно-дезорганизованном типах. Отсутствие корреляции между Я-концепцией и надежным типом привязанности позволило наметить планы на дальнейшее изучение проблемы. Возможно, отсутствие корреляции связано либо с малым составом выборки, либо с личностными особенностями респондентов с надежным типом, либо с какими-то другими невыявленными особенностями. Это вполне соотносится с теоретическими положениями, описывающими людей с надежным типом привязанности, которые не стремятся к самокопанию и самобичеванию, способны обеспечить собственную безопасность и защиту, сохраняя свою целостность [15; 26].

Заключение

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы:

- использование методики ОСО показало, что в целом выраженными у респондентов оказались *аутосимпатия* (39 человек; 97,5 %), *глобальное самоотношение*

и *самопонимание* (38 человек; 95 %); самыми невыраженными оказались такие признаки, как *ожидание от других* (39 исследуемых; 97,5 %), *отношение других* (37 человек; 92,5 %) и *самоинтерес* (36 человек; 90 %);

- все показатели, анализируемые в методике АД (*оценка, сила, активность*) находятся у респондентов на среднем и низком уровнях;
- исследование компонентов идентичности в ходе проведения методики *Кто Я?* показало большую выраженность *рефлексивного Я* и *социального Я*; менее значимыми для респондентов оказались *ситуативное состояние* и *материальное Я*;
- распределение типов привязанности, полученное в ходе использования методик ECR и RQ, полного совпадения не имело.

Выявление значимых корреляций позволяет утверждать, что наша гипотеза о существовании взаимосвязи Я-концепции с типом привязанности у молодежи нашла подтверждение лишь в типах привязанности В, С, D. Отсутствие корреляции между Я-концепцией и надежным типом привязанности в проведенной нами работе позволило наметить планы на дальнейшие исследования. Полученные результаты не претендуют на исчерпывающее решение данной проблемы, являясь лишь одним из вариантов ее рассмотрения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- James W. *The Principles of Psychology*. Scotts Valley: CreateSpace, 2017, 574.
- Эриксон Э. Х. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 352 с. [Erikson E. H. *Identity: youth and crisis*. Moscow: Flinta, 2006, 352. (In Russ.)]
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 422 с. [Burns R. *Self-concept development and education*. Moscow: Progress, 1986, 422. (In Russ.)]
- Дмитриева О. Б. Теоретические основы изучения самосознания в психологических исследованиях зарубежных ученых. *Научный альманах*. 2021. № 6-2. С. 84–88. [Dmitrieva O. B. Theoretical foundations of studying self-awareness in psychological researches of foreign scientists. *Nauchnyi almanakh*, 2021, (6-2): 84–88.]
- Джеймс У. Психология. М.: Рипол-Классик, 2018. 616 с. [James W. *Psychology*. Moscow: Ripol-Klassik, 2018, 616. (In Russ.)]
- Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2000. 312 с. [Cooley Ch. *Human nature and social order*. Moscow: Ideia-Press, 2000, 312. (In Russ.)]
- Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. М.-Киев: Рефл-Бук; Ваклер, 1997. 320 с. [Rogers C. *Client-centered therapy*. Moscow; Kiev: Refl-Buk, Vakler, 1997, 320. (In Russ.)]

8. Иващенко А. В., Агапов В. С., Барышникова И. В. Я-концепция личности в отечественной психологии. М.: МГСА, 2000. 153 с. [Ivashchenko A. V., Agapov V. S., Baryshnikova I. V. *Self-concept of personality in Russian psychology*. Moscow: MHSA, 2000, 153. (In Russ.)]
9. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл; Академия, 2005. 352 с. [Leontyev A. N. *Activity, consciousness, and personality*. Moscow: Smysl; Akademiia, 2005, 352. (In Russ.)]
10. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 304 с. [Spirkin A. G. *Consciousness and self-awareness*. Moscow: Politizdat, 1972, 304. (In Russ.)]
11. Спиркин А. Г. Основы философии. М.: Политиздат, 1988. 592 с. [Spirkin A. G. *Foundations of philosophy*. Moscow: Politizdat, 1988, 592. (In Russ.)]
12. Кон И. С. Социологическая психология. М.-Воронеж: МПСУ; МОДЭК, 1999. 560 с. [Kon I. S. *Sociological psychology*. Moscow: MPSU; Voronezh: MODEK, 1999, 560. (In Russ.)]
13. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. 43 с. [Leontiev D. A. *Outline of personality psychology*. Moscow: Smysl, 1993, 43. (In Russ.)]
14. Хмелевская О. Е., Яворская М. В. Некоторые аспекты самосознания подростков с делинквентным поведением. *Ученые записки ун-та им. П. Ф. Лесгафта*. 2020. № 6. С. 475–482. [Khmelevskaya O. E., Yavorskaya M. V. Some aspects of the self-consciousness of teenagers with delinquent behavior. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2020, (6): 475–482. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p475-482>
15. Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process. *Journal of Personality & Social Psychology*, 1987, 52(3): 511–524. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.3.511>
16. Zamzur A. N. B. M., Yahya F. Adult attachment and self-concept. *KONSELOR*, 2019, 8(2): 43–46. <https://doi.org/10.24036/0201982104418-0-00>
17. Pietromonaco P. R., Barret L. F. Attachment theory as an organizing framework: a view from different levels of analysis. *Review of General Psychology*, 2000, 4(2): 107–110. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.4.2.107>
18. Bowlby J. *Attachment and Loss. Vol. 1. Attachment*. NY: Basic Books, 1969, 326.
19. Конторович С. Д. Некоторые аспекты образа Матери и их отражение в представлениях россиян. *Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета*. 2010. № 1. С. 101–107. [Kontorovich S. D. Some aspects of the image of the mother and their reflection in the presentation of modern Russian. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2010, (1): 101–107. (In Russ.)]
20. Ainsworth M. D. S., Blehar M. C., Waters E., Wall S. N. *Patterns of attachment: a psychological study of the strange situation*. NY: Psychology Press, 2015, 466. <https://doi.org/10.4324/9780203758045>
21. Ainsworth M. S., Bowlby J. An ethological approach to personality development. *American Psychologist*, 1991, 46(4): 333–341. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.46.4.333>
22. George C., Kaplan N., Main M. *Adult attachment interview protocol*. 2nd ed. Unpublished manuscript, University of California at Berkeley, 1985.
23. Main M., Goldwyn R. *Adult attachment scoring and classification system*. Unpublished manuscript, University of California at Berkeley, 1985.
24. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. СПб.: Питер, 2016. 848 с. [Cialdini R., Kenrick D., Neuberg S. *Social psychology*. St. Petersburg: Piter, 2016, 848. (In Russ.)]
25. Huntsinger E. T., Luecken L. J. Attachment relationships and health behavior: the mediational role of self-esteem. *Psychology and Health*, 2004, 19(4): 515–526. <https://doi.org/10.1080/0887044042000196728>
26. Ross L. R., Spinner B. General and specific attachment representations in adulthood: is there a relationship? *Journal of Social and Personal Relationships*, 2001, 18(6): 747–766. <https://doi.org/10.1177/0265407501186001>
27. Мясисhev В. Н. Психология отношений. Воронеж: МОДЭК, 1998. 368 с. [Miasishchev V. N. *Relationship psychology*. Voronezh: MODEK, 1998, 368. (In Russ.)]
28. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2003. 544 с. [Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogolsha V. M. *Interpersonal communication*. St. Petersburg: Piter, 2003, 544. (In Russ.)]
29. Бриш К. Х. Терапия нарушений привязанности. М.: Когито-Центр, 2014. 316 с. [Brisch K. H. *Treating attachment disorders*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2014, 316. (In Russ.)]
30. Казанцева Т. В. Социально-психологические детерминанты межличностной привязанности: дис... канд. психол. наук. СПб., 2011. 205 с. [Kazantseva T. V. *Socio-psychological determinants of the interpersonal attachment*. Cand. Psychol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2011, 205. (In Russ.)]
31. Сабельникова Н. В. Методы исследования привязанности в процессе возрастного развития в современной зарубежной психологии. *Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2008. № 3. С. 36–47.

- [Sabelnikova N. V. The measurement of attachment across lifespan development in modern European and American psychology. *Vestnik of SPbSU. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, 2008, (3): 36–47. (In Russ.)]
32. Сабельникова Н. В., Каширский Д. В. Опросник привязанности к близким людям. *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97. [Sabelnikova N. V., Kashirsky D. V. Attachment to close people questionnaire. *Psychological Journal*, 2015, 36(4): 84–97. (In Russ.)]
33. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М.: Институт психотерапии, 2002. 488 с. [Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups*. Moscow: Institut psikhoterapii, 2002, 488. (In Russ.)]
34. Пантеев С. Р., Столин В. В. Тест-опросник самооотношения. *Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы*. М.: МГУ, 1988. С. 123–130. [Pantileev S. R., Stolin V. V., Self-attitude questionnaire. *Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostic materials*. Moscow: MSU, 1988, 123–130. (In Russ.)]
35. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006. 166 с. [Rumyantseva T. V. *Psychological counseling: diagnostics of relationships in a couple*. St. Petersburg: Rech, 2006, 166. (In Russ.)]
36. Кузьмин М. Ю., Конопак И. А., Синева О. В. Проблема анализа методики «Двадцать упражнений» М. Куна и Т. Макпартленда при помощи процедуры многомерного шкалирования. *Известия ИГУ. Серия: Психология*. 2015. Т. 11. С. 15–26. [Kuzmin M. Y., Konopak I. A., Sinyova O. V. The analysis of "twenty exercises" method introduced by M. Kuhn and T. Mcpartland through multidimensional scaling. *Izvestiya ISU. Seriya "Psichologiya"*, 2015, 11: 15–26. (In Russ.)]

оригинальная статья

Гендерные различия в соблюдении принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии

Буткевич Алиса Юрьевна

Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи Выборгского района, Россия, Санкт-Петербург

alisa_butkevich@mail.ru

Поступила в редакцию 02.05.2022. Принята после рецензирования 07.07.2022. Принята в печать 29.07.2022.

Аннотация: Актуальность соблюдения принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии обусловлена потребностью в формировании психологически безопасной среды, препятствующей эскалации конфликтов и способствующей их конструктивному разрешению. Цель – изучить распространенность принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии мужчин и женщин. В настоящий момент нет стандартизированных методик, позволяющих исследовать соблюдение принципов медиативных отношений. Исследование в формате социально-психологического опроса с применением авторской анкеты было проведено в июле 2019 – мае 2020 г. На этапе разработки анкеты в качестве экспертов были привлечены 30 человек, имеющих документ о профессиональной подготовке или повышении квалификации в области медиации. В основную выборку вошли 110 человек (55 женщин и 55 мужчин), не имеющих специальной подготовки по медиации. Для обработки и анализа данных использованы дедуктивный контент-анализ и критерий углового преобразования Фишера. Согласно результатам, респонденты в целом склонны к соблюдению принципа нейтральности в повседневных взаимодействиях, исключение составляют взаимодействия в диаде *мужчина – мужчина*, где этот принцип подвержен нарушению с наибольшей вероятностью. Принципы равноправия, нейтральности и добровольности реализуются преимущественно на формальном (декларативном) уровне, при их реализации наблюдаются противоречия между мыслями, чувствами и действиями субъекта взаимодействия. При этом женщины в несколько меньшей степени склонны поддерживать равноправные отношения, чем мужчины. Результаты могут быть использованы в программах развития коммуникативной и конфликтологической компетентности.

Ключевые слова: принципы медиативных отношений, конфиденциальность, нейтральность, добровольность, равноправие, мужчины, женщины, повседневное взаимодействие

Цитирование: Буткевич А. Ю. Гендерные различия в соблюдении принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 482–492. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-482-492>

full article

Gender Differences in the Principles of Mediation Relations

Alisa Yu. Butkevich

Center for Psychological, Pedagogical, Medical, and Social Assistance of Vyborg District, Russia, St. Petersburg

alisa_butkevich@mail.ru

Received 2 May 2022. Accepted after peer review 7 Jul 2022. Accepted for publication 29 Jul 2022.

Abstract: Principles of mediation in everyday communication provide a psychologically safe environment that promotes constructive resolution of conflicts and prevents their escalation. The article describes the principles of mediation relations in the daily interaction of men and women. No standardized methods are available to investigate compliance with the principles of mediation relations. As a result, the research relied on a socio-psychological survey based on a questionnaire developed by the author. The experiment lasted from July 2019 to May 2020. It involved 30 experts qualified in mediation. The main sample included 110 people, 55 women and 55 men, with no special training in mediation criterion. The obtained data were processed using deductive content analysis and the Fisher's criterion ϕ^* . Respondents tended to adhere to the principle of neutrality in everyday interaction, except in man-to-man communication. They implemented the principles of equality, neutrality, and voluntariness at the formal (declarative) level. Their implemented often resulted in contradictions between the thoughts, feelings, and actions. Women were less inclined to maintain equal relations than men. The results of the study can be used in programs for developing communicative and conflictological skills.

Keywords: principles of mediation relations, confidentiality, neutrality, voluntariness, equality, men, women, everyday interaction

Citation: Butkevich A. Yu. Gender Differences in the Principles of Mediation Relations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 482–492. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-482-492>

Введение

Медиативные отношения – это социально-психологические отношения между людьми, выстраиваемые на основании принципов медиации (конфиденциальность, добровольность, нейтральность, равноправие) [1–4]. В современных условиях принципы медиации играют важную роль не только в деятельности специалистов-медиаторов, но и в повседневном взаимодействии людей, не имеющих специальной подготовки в области медиации конфликтов. Необходимость соблюдения принципов медиации в повседневной жизни обусловлена тем, что разрешение конфликтов относится к категории *soft skills* – навыков, необходимых всем членам общества, независимо от их профессии. Это неспециализированные и надпрофессиональные навыки, которые повышают личную эффективность [5]. Несоблюдение принципов медиации может проявляться в разглашении конфиденциальной информации, манипуляции собеседником, предвзятом отношении к нему, ущемлении интересов собеседника. Это приводит к конфликтам, минимизирует личную эффективность в общении, ставит под угрозу результативность совместной деятельности. В связи с этим соблюдение принципов медиативных отношений в повседневном общении способствует повышению качества взаимодействия людей и эффективности совместной деятельности и является одним из факторов формирования психологически безопасной среды, способствующей конструктивному разрешению конфликтов, неизбежно возникающих между людьми в повседневном взаимодействии.

Соблюдение принципов медиации чаще всего рассматривается в исследованиях по юриспруденции и конфликтологии [6; 7]. Исследователи анализируют правовые и неправовые факторы реализации принципов медиации. А. В. Оконецникова изучает социально-психологический аспект соблюдения принципов медиации профессиональными медиаторами, сравнивает принципы медиации с принципами психотерапии [8, с. 131]. Принцип конфиденциальности в повседневном общении заключается в неразглашении информации, полученной в процессе доверительного общения [9]. Принцип нейтральности проявляется в безоценочной позиции, отсутствии интенсивных эмоциональных проявлений, негативных высказываний в адрес собеседника при обсуждении случившихся событий. При разрешении чужих конфликтов третьим лицом принцип нейтральности заключается в том, что собеседник в равной степени поддерживает обе стороны и их стремление в разрешении конфликта, при этом не встает ни на чью сторону, не пытается выяснять вопрос о виновности или невиновности той или иной стороны [1; 10, с. 154; 11, с. 106]. В частности, соблюдение принципа нейтральности может

проявляться в стиле постановки вопросов [12]. Некоторые исследователи раскрывают принцип нейтральности через понятие справедливости [13]. Принцип добровольности подразумевает недопустимость прямого принуждения или скрытых манипуляций собеседником, самостоятельный поиск сторонами конфликта приемлемых решений, самостоятельное принятие сторонами решений на основе взаимного согласия сторон, добровольное выполнение достигнутых соглашений [14–22]. Принцип равноправия сторон предполагает одинаковое право высказывать свои мнения, определять повестку переговоров, оценивать приемлемость предложений [9; 23]. Отдельные авторы при интерпретации принципа равноправия делают акцент на «предоставлении равного пространства для самовыражения и защиты своих интересов в конфликте» [24, с. 85–86].

Соблюдение принципов медиации в повседневном общении лицами, не имеющими профессиональной подготовки медиатора или повышения квалификации по медиации, исследователями не рассматривается, несмотря на то, что навыки разрешения конфликтов относятся к категории надпрофессиональных. Следовательно, способность соблюдать принципы конфиденциальности, нейтральности, добровольности и равноправия в общении необходима любому современному человеку. Несоблюдение принципов медиативных отношений может приводить к росту числа неконструктивных конфликтов, снижению личной эффективности в общении и результативности совместной деятельности. В связи с этим целью нашего исследования стало изучение распространенности принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии мужчин и женщин. В ходе исследования проверялась гипотеза о том, что существуют гендерно обусловленные различия в соблюдении принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии людей.

Методы и материалы

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью проективной методики, разработанной по результатам наших предыдущих исследований, в которых было реализовано анкетирование 30 профессиональных медиаторов [25]. Профессиональные медиаторы – специалисты, прошедшие обучение медиативному подходу, имеющие документ о профессиональной подготовке или повышении квалификации по медиативному подходу [25, с. 367]. Эксперты предложили описание ситуаций, в которых принципы медиации могут быть реализованы в повседневном взаимодействии людей. В основном исследовании респондентам было предложено восемь ситуаций. Каждая ситуация представлена в виде изображений

2–3 собеседников, которые обращаются к главному герою (текст обращения представлен в стимульном материале). Респондентам предлагается сформулировать ответную реакцию главного героя, описав его мысли, эмоции, слова и действия в следующих ситуациях:

1. Предложение рассказать третьим лицам информацию, полученную в ситуации доверительного общения.
2. Признание собеседником собственной вины.
3. Отказ собеседника участвовать при решении каких-либо вопросов в отношениях.
4. Предложение уступить в конфликте.

Каждая ситуация представлена в четырех вариантах: диады *женщина – женщина*, *женщина – мужчина*, *мужчина – женщина*, *мужчина – мужчина*. Респонденту предлагались ситуации, в которых пол главного героя ситуации соответствовал его / ее полу. В исследовании приняли участие 110 респондентов (55 женщин и 55 мужчин 18–55 лет, которые не проходили обучение медиативному подходу). Отбор по профессиональному признаку не осуществлялся. На этапе обработки данных использовался контент-анализ с последующим применением χ^2 -критерия Фишера для оценки различий между выборками мужчин и женщин.

Результаты

В табл. 1–4 представлено описание реакций, приписываемых респондентами главному герою в предложенных ситуациях, характеризующих соблюдение принципов медиации в повседневном взаимодействии людей.

Соблюдение принципа конфиденциальности

Первая ситуация провоцирует главного героя нарушить принцип конфиденциальности. Реакции главного героя, приписанные ему респондентами, обобщены в табл. 1. Анализ статистической значимости различий показал, что респондентки чаще отказываются рассказывать конфиденциальную информацию собеседнице-женщине, чем собеседнику-мужчине ($\chi^2=2,623$; $p=0,01$).

В диаде *женщина – женщина* преобладает реакция *избегание продолжения разговора* ($\chi^2=2,977$; $p=0,01$). Выявлены значимые различия по критерию *негативные эмоции* ($\chi^2=3,953$; $p=0,01$).

Между реакциями в диадах *женщина – женщина* и *мужчина – женщина* выявлены следующие различия: при просьбе собеседницы рассказать конфиденциальную информацию мужчины чаще стремятся понять ее мотивы ($\chi^2=2,63$; $p=0,01$); женщины чаще отказываются рассказывать конфиденциальную информацию ($\chi^2=4,787$; $p=0,01$), избегают продолжения разговора ($\chi^2=4,815$; $p=0,01$).

В диадах *женщина – женщина* и *мужчина – мужчина* установлены различия по следующим параметрам: при просьбе собеседницы рассказать конфиденциальную информацию женщины чаще избегают продолжения разговора ($\chi^2=8,966$; $p=0,01$), чем мужчины. Соблюдение принципа

конфиденциальности сопровождается у женщин более выраженным переживанием негативных эмоций ($\chi^2=5,367$; $p=0,01$), чем у мужчин. Мужчины в большей степени готовы рассказать конфиденциальную информацию собеседнику, чем женщины – собеседнице ($\chi^2=3,825$; $p=0,01$).

В диадах *мужчина – женщина* и *мужчина – мужчина* выявлено несколько значимых различий. Мужчины чаще испытывают негативные эмоции ($\chi^2=3,953$; $p=0,01$) и недоумение ($\chi^2=4,851$; $p=0,01$) в ситуации, когда собеседница просит рассказать конфиденциальную информацию, и избегают продолжения разговора при просьбе собеседницы рассказать конфиденциальную информацию ($\chi^2=4,151$; $p=0,01$).

В диаде *мужчина – мужчина* респонденты стремятся к самостоятельности в решении конфликта ($\chi^2=4,377$; $p=0,01$). В ответ на просьбу собеседника-мужчины респонденты с большей готовностью делятся конфиденциальной информацией ($\chi^2=3,274$; $p=0,01$).

Анализируя реакции главного героя в диадах *женщина – мужчина* и *мужчина – мужчина*, можно отметить, что женщины при просьбе собеседника рассказать конфиденциальную информацию чаще испытывают негативные эмоции, чем мужчины ($\chi^2=4,016$; $p=0,01$). Женщины избегают продолжения разговора ($\chi^2=7,608$; $p=0,01$); мужчины чаще рассказывают конфиденциальную информацию, чем женщины ($\chi^2=6,06$; $p=0,01$).

Кроме того, при сравнении реакций в диадах *женщина – мужчина* и *мужчина – женщина* обнаружено, что при просьбе собеседницы рассказать конфиденциальную информацию женщины избегают продолжения разговора чаще, чем мужчины ($\chi^2=3,458$; $p=0,01$), в то время как мужчины стремятся понять мотивы собеседника ($\chi^2=2,751$; $p=0,01$) и более склонны разглашать конфиденциальную информацию ($\chi^2=2,786$; $p=0,01$).

В целом в диадах *женщина – женщина* и *женщина – мужчина* наиболее распространенной является реакция, основанная на убежденности в необходимости отказаться от передачи информации (65,9 % и 80,7 % респондентов соответственно). Примерно в 10 % случаев мужчины и женщины испытывают сомнение, принимая решение о том, стоит разглашать конфиденциальную информацию или нет. При этом мужчин в два раза чаще, чем женщин, интересуют вопросы, связанные с мотивами собеседника, интересующегося конфиденциальной информацией, и с источником сведений о том, что главный герой владеет этой информацией.

При просьбе собеседника разгласить конфиденциальную информацию 75 % женщин испытывают негативные эмоции. В выборке мужчин наблюдается иная ситуация: при просьбе нарушить конфиденциальность со стороны женщины негативные эмоции испытывают 79 % мужчин. Если такая просьба поступает со стороны мужчины, то негативные эмоции отмечают только 53 % респондентов, в то время как 18 % респондентов указывают на возникновение положительных эмоций.

Табл. 1. Соблюдение принципа конфиденциальности, %

Tab. 1. Compliance with the principle of confidentiality, %

Ситуация 1. Предложение рассказать третьим лицам информацию, полученную в ситуации доверительного общения	Женская выборка		Мужская выборка	
	Общение между женщиной и мужчиной	Общение между двумя женщинами	Общение между мужчиной и женщиной	Общение между двумя мужчинами
<i>Мысли</i>				
Вопрос о причинах, по которым собеседнику нужна конфиденциальная информация	8,5	9	22,2	18,9
Убежденность, что информацию быстро распространили третьи лица	–	–	–	–
Убежденность в необходимости отказаться от передачи информации	65,9	80,7	49,2	58,5
Сомнение, рассказывать или нет	7,8	10,2	7,9	7,5
Убежденность в том, что все так, как должно быть	6,2	–	–	–
Вопрос об источнике распространения информации	11,6	–	20,6	15
<i>Эмоции</i>				
Положительные эмоции (обобщенные)	–	11	3	18
Негативные эмоции (обобщенные)	76	79,4	79	53
Сожаление о случившемся	4	1,6	–	–
Настороженность	10	–	8	–
Удивление	6	–	–	–
Истощение	–	3,2	–	–
Ревность	–	1,6	–	–
Смущение	–	1,6	5	–
Недоумение	–	1,6	5	29
Уверенность	2	–	–	–
Расслабленность	2	–	–	–
<i>Слова</i>				
Оценка ситуации как сложной	33,3	–	–	–
Потребность в поддержке собеседника	66,7	–	–	–
Оскорбление	–	8,7	13,6	6,3
Снижение значимости конфликтной ситуации	–	43,5	50	43,8
Поддержание диалога	–	43,5	31,8	31
Извинения	–	4,3	–	–
Оценка действий собеседника	–	–	4,5	18,8
<i>Действия</i>				
Избегание продолжения разговора	63	72	38,8	13,7
Разглашение конфиденциальной информации	23,5	28	41,8	64,7
Решение проблемы	1,5	–	–	–
Улыбка	6	–	–	–
Бездействие	–	–	14,9	–
Действия, направленные на то, чтобы обидеть собеседницу в ответ на просьбу рассказать конфиденциальную информацию	–	–	1,5	–
Самостоятельное решение конфликта	6	–	3	21,6

Помимо этого, довольно часто отмечаются реакции настороженности у женщин (10 %) и недоумения у мужчин (29 %). На этом фоне женщины в два раза чаще отказываются раскрывать конфиденциальную информацию, чем выражают готовность к ее разглашению (независимо от пола их собеседника), в то время как мужчины, напротив, чаще демонстрируют готовность к тому, чтобы поделиться конфиденциальными сведениями, особенно в ситуации взаимодействия с собеседником-мужчиной. Эти реакции сопровождаются поддержанием беседы, в которой доминирует стремление снизить субъективную значимость возникшей ситуации, что типично для мужчин независимо от пола их собеседника и для женщин во взаимодействии с женщинами. В ситуации общения с собеседником-мужчиной женщины, столкнувшись с просьбой о разглашении конфиденциальной информации, чаще всего обращаются к собеседнику за поддержкой и пониманием.

Таким образом, можно отметить, что женщины более склонны к соблюдению принципа конфиденциальности в повседневном взаимодействии в сравнении с мужчинами, которые в большей степени готовы к его нарушению во взаимодействии с мужчинами, чем с женщинами.

Ситуация, провоцирующая нарушение принципа нейтральности (табл. 2)

Значимые различия в соблюдении принципа нейтральности выявлены между реакциями главного героя в диадах *женщина – мужчина* и *женщина – женщина*. В ситуации признания вины собеседником-мужчиной респондентки чаще мысленно обвиняют собеседника, но не высказывают это вслух ($\varphi^*=3,302$; $p=0,01$), чувствуют настороженность ($\varphi^*=4,327$; $p=0,01$), растерянность ($\varphi^*=2,581$; $p=0,01$).

При сопоставлении диад *женщина – мужчина* и *мужчина – женщина* отмечено, что респонденты-мужчины чаще мысленно одобряют признание вины собеседницей ($\varphi^*=4,243$; $p=0,01$). При этом они чаще испытывают положительные эмоции ($\varphi^*=3,599$; $p=0,01$). Женщины при признании вины мужчиной чаще испытывают настороженность ($\varphi^*=5,204$; $p=0,01$). В своих высказываниях они в большей степени стремятся снизить значимость ситуации в представлении собеседника ($\varphi^*=3,967$; $p=0,01$).

Анализируя реакции, приписываемые главному герою в диадах *женщина – мужчина* и *мужчина – мужчина*, можно отметить следующие значимые различия: респондентки более склонны мысленно обвинять собеседника, но не высказывать это вслух ($\varphi^*=2,383$; $p=0,01$), в то время как респонденты чаще пытаются понять, почему собеседник решил извиниться ($\varphi^*=5,982$; $p=0,01$). В диаде *женщина – мужчина* респондентки чаще испытывают настороженность ($\varphi^*=2,934$; $p=0,01$), негативные эмоции ($\varphi^*=3,677$; $p=0,01$), растерянность ($\varphi^*=2,355$; $p=0,01$) при признании вины собеседником, чем это происходит в диаде *мужчина – мужчина*.

В диадах *женщина – женщина* и *мужчина – женщина* отмечены различия по параметру *нежелание продолжать*

общение, который более выражен у женщин, чем у мужчин ($\varphi^*=3,012$; $p=0,01$). Женщины также в большей степени склонны снижать значимость ситуации ($\varphi^*=2,595$; $p=0,01$). Респонденты-мужчины при признании вины собеседницей испытывают положительные эмоции чаще, чем респонденты-женщины ($\varphi^*=2,85$; $p=0,01$).

В диадах *женщина – женщина* и *мужчина – мужчина* выявлены значимые различия в соблюдении принципа нейтральности. Респондентки мысленно одобряют признание вины собеседницей ($\varphi^*=4,115$; $p=0,05$), но испытывают негативные эмоции ($\varphi^*=2,4$; $p=0,01$). Респонденты-мужчины хотят знать, почему собеседник решил извиниться ($\varphi^*=3,746$; $p=0,05$). При признании вины собеседником они испытывают положительные эмоции ($\varphi^*=2,85$; $p=0,01$).

В диадах *мужчина – женщина* и *мужчина – мужчина* мужчины чаще мысленно одобряют признание вины собеседницей, чем собеседником ($\varphi^*=6,272$; $p=0,05$), в отношении которого им интереснее понять причины, подтолкнувшие его извиниться ($\varphi^*=3,939$; $p=0,01$).

Итак, в ситуации потенциального нарушения принципа нейтральности женщины чаще всего мысленно одобряют признание собеседником вины. Мужчины в значительно большей степени одобряют признание вины со стороны собеседницы-женщины, аналогичные действия собеседника-мужчины довольно часто оказываются для них неожиданными и побуждают к размышлениям о причинах готовности принести извинения. Спектр эмоций, возникающих в этой ситуации у мужчин и женщин, довольно широк, однако обращает на себя внимание тот факт, что респонденты, независимо от пола, в большей степени испытывают недоверие к признанию вины со стороны собеседника-мужчины, нежели женщины, выражающееся в форме настороженности. Наиболее распространенной реакцией, независимо от пола главного героя и его собеседника, является обсуждение случившегося и разрешение конфликта. В целом можно констатировать, что респонденты демонстрируют довольно высокую готовность к соблюдению принципа нейтральности во взаимодействии на фоне внутренних (скрываемых от собеседника) реакций оценочного характера, что может говорить о формальности нейтральной позиции некоторых респондентов.

Особенности реализации принципа добровольности в повседневном взаимодействии (табл. 3)

Статистический анализ позволил установить несколько значимых различий в соблюдении принципа добровольности между подгруппами мужчин и женщин. В диаде *женщина – мужчина* и *женщина – женщина* респондентки чаще выясняют причины отказа в помощи со стороны мужчины ($\varphi^*=2,97$; $p=0,01$), понимают причины его отказа ($\varphi^*=2,977$; $p=0,01$), тогда как при отказе со стороны женщины они более склонны формально принимать информацию к сведению ($\varphi^*=2,977$; $p=0,01$), не проявляя при этом понимания.

Табл. 2. Соблюдение принципа нейтральности, %

Tab. 2. Compliance with the principle of neutrality, %

Ситуация 2. Признание собеседником собственной вины	Женская выборка		Мужская выборка	
	Общение между женщиной и мужчиной	Общение между двумя женщинами	Общение между мужчиной и женщиной	Общение между двумя мужчинами
<i>Мысли</i>				
Убежденность, что признавать вину хорошо	63	76,5	88	48,8
Мысленные обвинения собеседника	30,4	11,8	–	16,3
Убежденность в том, что извинения опоздали	2,2	–	–	–
Вопрос о том, почему собеседник решил извиниться	4,3	11,8	12	34,9
<i>Эмоции</i>				
Настороженность	36,2	11,1	7,5	18
Негативные эмоции (обобщенные)	17	11,1	–	2,7
Растерянность	10,6	2,2	3,8	2,7
Жалость	4,3	–	–	–
Сожаление	–	2,2	3,8	2,7
Принятие	4,3	11,1	6	8
Нежелание продолжать общение	10,6	22,2	7,5	16
Разочарование	–	4,4	–	1,4
Тревога	–	17,8	8,8	–
Удивление	–	2,2	16	7
Чувство неловкости	–	8,9	2,5	–
Боль	–	–	1,3	–
Огорчение	–	–	–	5,4
Положительные эмоции (обобщенные)	4,3	6,7	20	20
Безразличие	–	–	19	15
Чувство превосходства	2,1	–	2,5	–
Уважение	8,5	–	–	–
Неприязнь	2,1	–	1,3	1,4
<i>Слова</i>				
Признание, что виноваты обе стороны	2	7,3	3	2,5
Обсуждение случившегося	45	53	55,3	66
Поддержание доверительного контакта	16,3	12,5	9,7	9
Снижение значимости ситуации	36	27	12,6	22,5
Нежелание прощать	–	–	12,6	–
Убежденность в том, что прощать такое нельзя	–	–	5,8	–
Негативная оценка действий собеседника	–	–	1	–
<i>Действия</i>				
Самостоятельный поиск выхода из сложившейся ситуации	4,3	–	–	–
Принятие решений в отношении дальнейшего взаимодействия	4,3	3,6	–	–
Контроль над ситуацией	4,3	3,6	–	–
Изменение темы разговора	–	3,6	–	–
Разрешение конфликта	87	89	77	100
Действия, направленные на то, чтобы поставить собеседницу на место	–	–	8	–
Поиск компромисса	–	–	15	–

В диадах *женщина – мужчина* и *мужчина – женщина* респондентки в ситуации отказа в помощи чаще понимают причины отказа ($\varphi^*=3,281$; $p=0,01$) и стараются самостоятельно решить проблему ($\varphi^*=2,991$; $p=0,01$), тогда как респонденты-мужчины чаще просто принимают информацию к сведению ($\varphi^*=3,281$; $p=0,01$). При сравнении реакций в диадах *женщина – женщина* и *мужчина – мужчина* установлено, что респондентки более склонны самостоятельно решать проблемы в случае отказа собеседницы помогать ($\varphi^*=2,397$; $p=0,01$), в то время как респонденты-мужчины склонны упрекать собеседника, если тот отказывает в помощи ($\varphi^*=2,519$; $p=0,01$).

Кроме того, при сравнении реакций в диадах *мужчина – женщина* и *мужчина – мужчина* выявлено, что респонденты-мужчины при отказе собеседницы участвовать в решении каких-либо вопросов в большей степени склонны оценивать ее действия, чем в аналогичных ситуациях, партнером в которых выступает собеседник-мужчина ($\varphi^*=3,182$; $p=0,01$).

Таким образом, в ситуации, когда собеседник отказывается им в помощи, респонденты, независимо от пола, осознают

и принимают к сведению этот факт, испытывая при этом преимущественно негативные эмоции, что, вероятно, порождает широкий спектр вербальных и поведенческих реакций, свидетельствующих о нарушении принципа добровольности. В такой ситуации часто возникают упреки, оскорбления, манипулятивное обесценивание возможной помощи и оценочные высказывания иного рода, направленные на побуждение собеседника к выполнению просьбы и / или демонстрирующие внутреннее несогласие главного героя с его отказом. Приблизительно 25 % женщин и около 15 % мужчин готовы обратиться за помощью повторно, несмотря на четко сформулированный отказ. Это дает основания утверждать, что принцип добровольности реализуется в повседневном взаимодействии в недостаточной степени: в ситуации личной заинтересованности в тех или иных действиях со стороны партнера по взаимодействию респонденты, независимо от пола, ориентированы на то, чтобы их интересы были удовлетворены. В противном случае возникает напряжение во взаимодействии, которое в некоторых случаях может приводить к прекращению отношений между людьми.

Табл. 3. Соблюдение принципа добровольности, %

Tab. 3. Compliance with the principle of voluntariness, %

Ситуация 3. Отказ собеседника участвовать при решении каких-либо вопросов в отношениях	Женская выборка		Мужская выборка	
	Общение между женщиной и женщиной	Общение между двумя женщинами	Общение между мужчиной и женщиной	Общение между двумя мужчинами
<i>Мысли</i>				
Понимание причин отказа собеседника помогать	36	17,6	16	16,3
Информация об отказе в помощи принята к сведению	64	82,4	82	79,6
Убежденность в необходимости обратиться за помощью	–	–	2	2
Убежденность, что стоило попытаться получить помощь собеседника	–	–	–	2
<i>Эмоции</i>				
Негативные эмоции	65,5	54,3	61,7	61,3
Сожаление	28,6	32	33,3	33,9
Сомнение	2,4	4,9	–	–
Смущение	3,6	3,7	–	–
Удивление	–	1,2	3,3	3,2
Облегчение	–	2,5	–	–
Одиночество	–	1,2	–	–
Положительные эмоции	–	–	1,7	1,6
<i>Слова</i>				
Выяснение причин отказа помогать	24,2	9	11,9	10,6
Упрек собеседника	15	9	19	23,4
Оскорбление собеседника	12	9	9,5	8,5
Поддержание диалога	12	27,3	14,3	15
Обесценивание ситуации	12	24,2	–	17
Извинения	12	15,2	14,3	13

Ситуация 3. Отказ собеседника участвовать при решении каких-либо вопросов в отношениях	Женская выборка		Мужская выборка	
	Общение между женщиной и мужчиной	Общение между двумя женщинами	Общение между мужчиной и женщиной	Общение между двумя мужчинами
Отказ от помощи собеседника	9	–	–	–
Прощение собеседника	3	3	–	–
Ответный отказ помогать в будущем	–	3	7	2
Оценочные высказывания относительно отказа собеседника помогать	–	–	21,4	6,4
Уговоры собеседника помочь	–	–	2,4	4,3
Действия				
Самостоятельное решение проблемы	37	31	18,2	16,7
Обращение за помощью в решении проблемы к третьим лицам	23,5	31	23,6	24
Завершение общения	16	8,5	–	–
Повторное обращение за помощью в случае отказа	23,5	22,5	14,5	15
Получение помощи	–	7	1,8	–
Поиск выхода из сложившейся ситуации	–	–	1,8	4
Дистанцирование от собеседника	–	–	34,5	32
Странный взгляд	–	–	1,8	2
Бездействие	–	–	1,8	4
Поиск компромисса	–	–	1,8	2

Ситуация, провоцирующая нарушение принципа равноправия (табл. 4)

При анализе выявлены различия в реакциях, приписываемых главному герою, в диадах *женщина – мужчина* и *женщина – женщина*: респондентки при необходимости уступить собеседнице испытывают негативные эмоции ($\varphi^*=6,548$; $p=0,01$), стараются прекратить диалог чаще, чем при взаимодействии в аналогичном ситуационном контексте с мужчиной. При необходимости уступить собеседнику-мужчине респондентки чаще поддерживают с ним диалог ($\varphi^*=2,339$; $p=0,01$).

В диадах *женщина – мужчина* и *мужчина – женщина* установлено, что мужчины в большей степени, чем женщины, стремятся к компромиссу, считая, что в конфликте должны уступить оба ($\varphi^*=4,214$; $p=0,01$), в то время как респондентки ориентированы на налаживание отношений в конфликте.

При сравнительном анализе реакций в диадах *женщина – мужчина* и *мужчина – мужчина* установлено, что респондентки больше стремятся наладить отношения с собеседником мужского пола, чем респонденты ($\varphi^*=7,78$; $p=0,01$), но респондентки в большей степени ориентированы на то, что в конфликте должен уступить мужчина ($\varphi^*=3,239$; $p=0,01$).

В диадах *женщина – женщина* и *мужчина – женщина* выявлены значимые различия по параметру *стремление к прекращению конфликта*, который более выражен у женщин ($\varphi^*=6,187$; $p=0,01$); при этом респондентки чаще испытывают негативные эмоции при необходимости

уступить собеседнице, чем респонденты ($\varphi^*=7,403$; $p=0,01$), которые чаще испытывают равнодушие ($\varphi^*=7,403$; $p=0,01$).

Анализ реакций в диадах *женщина – женщина* и *мужчина – мужчина* показывает, что у женщин более выражено стремление к тому, чтобы уступила собеседница ($\varphi^*=2,835$; $p=0,01$), тогда как мужчины считают, что уступить должны оба или любой из участников конфликта.

Однако при необходимости уступить собеседнику мужчины чаще испытывают негативные эмоции, чем в конфликте с женщиной, о чем свидетельствуют результаты сравнения реакций в диадах *мужчина – женщина* и *мужчина – мужчина* ($\varphi^*=4,271$; $p=0,01$).

В целом в ситуации, провоцирующей нарушение принципа равноправия, респонденты, независимо от пола, чаще всего выражают готовность к разрешению конфликта путем уступок или к достижению компромисса, однако при этом испытывают преимущественно негативные эмоции и мысленно отвергают возможность признания собственного поражения. Это противоречие решается женщинами двумя основными способами: они либо прекращают отношения с партнером, либо стремятся наладить отношения с ним. Мужчины в аналогичной ситуации в большей степени оказываются ориентированными на разрешение конфликта, чем женщины. На основании этих данных можно говорить о формальном соблюдении принципа равноправия, сопровождающегося негативными мыслями, переживаниями и в некоторых случаях действиями, не позволяющими реализовать этот принцип на практике.

Табл. 4. Соблюдение принципа равноправия, %

Tab. 4. Compliance with the principle of equality, %

Ситуация 4. Предложение уступить в конфликте	Женская выборка		Мужская выборка	
	Общение между женщиной и мужчиной	Общение между двумя женщинами	Общение между мужчиной и женщиной	Общение между двумя мужчинами
<i>Мысли</i>				
Отказ уступать	36	28,4	27,8	43
Убежденность в том, что уступить должен собеседник	24	21,6	22,2	7,8
Убежденность в том, что кто-то должен уступить	17,3	16,2	16,7	21,6
Убежденность в том, что собеседник не хочет решать вопрос	4	–	–	–
Убежденность в том, что собеседник хочет настоять на своем	–	–	2,8	–
Убежденность в том, что собеседник не прав	–	–	–	2
Убежденность в том, что это подходящий момент решить конфликт	10,7	14,9	–	–
Убежденность в том, что уступить должны оба	8	18,9	30,5	21,6
Вопрос о причинах идти на уступки самому	–	–	–	3,9
<i>Эмоции</i>				
Сожаление	6	–	–	1,4
Возмущение	6	11	5	–
Положительные эмоции (обобщенные)	3	9	18,3	13,5
Негативные эмоции (обобщенные)	42	75	31,7	60,8
Облегчение	7,2	–	–	–
Равнодушие	6	3	33,3	14,9
Тревога	8,7	–	–	–
Разочарование	4,3	–	3,33	–
Решительность	4,3	–	1,7	–
Сомнение	3	–	3,33	6,8
Чувство несправедливости	3	2	–	–
Чувство азарта	3	–	–	–
Чувство превосходства	–	–	1,7	–
Стыд	3	–	1,7	–
Усталость	0,5	–	–	–
Удивление	–	–	–	1,4
Агрессия	–	–	–	1,4
<i>Слова</i>				
Сообщение о готовности уступить	38,6	50	44	35,7
Поддержание диалога	61,4	48,4	49	57,1
Отказ признавать вину	–	1,6	–	1,8
Отказ конфликтовать, потому что конфликты приводят к негативным последствиям	–	–	3,5	3,6
Снижение значимости конфликтной ситуации	–	–	3,5	–
Признание, что оба не правы	–	–	–	1,8
<i>Действия</i>				
Прекращение диалога	45,5	65	23	26,3
Прекращение конфликта без его разрешения	–	35	1,9	–
Усугубление конфликта	–	–	1,9	–
Разрешение конфликта	–	–	51,9	65,8
Стремление наладить отношения	54,5	–	21,2	7,9

Заключение

Принципы медиативных отношений в повседневном взаимодействии людей соблюдаются в разной степени в зависимости от гендера. Женщины и мужчины в целом склонны соблюдать принцип конфиденциальности. При просьбе собеседника рассказать конфиденциальную информацию респонденты, как правило, отказываются от ее разглашения. Исключение составляет диада *мужчина – мужчина*, где нарушение принципа наиболее вероятно. Женщины и мужчины склонны к соблюдению принципа нейтральности. При признании вины собеседником это проявляется в отсутствии интенсивных эмоциональных реакций, негативных высказываний в адрес собеседника. Однако негативные атрибуции в адрес собеседника и негативный эмоциональный фон указывают на то, что в некоторых случаях соблюдение принципа нейтральности в повседневном взаимодействии носит формальный характер, когда за ним скрываются оценочные суждения в адрес собеседника. Принцип добровольности реализуется в недостаточной степени, что проявляется в ориентации респондентов (как мужчин, так и женщин) преимущественно на достижение собственных целей, независимо от того, совпадают ли они с целями собеседника. Принцип равноправия также реализуется преимущественно формально, его нарушение в несколько большей степени свойственно для женщин, чем для мужчин.

Гипотеза о существовании гендерно обусловленных различий в соблюдении принципов медиативных отношений частично подтвердилась. Гендерно обусловленные различия выявлены, в первую очередь, в отношении соблюдения принципов конфиденциальности и равноправия. Ограничения исследования связаны с относительно небольшим объемом и неравномерностью выборки по возрастному и профессиональному составу. Эти ограничения могут быть учтены в дальнейших исследованиях. Результаты исследования могут использоваться при проектировании программ развития коммуникативной и конфликтологической компетентности мужчин и женщин в контексте решения задач, связанных с формированием *soft skills*. Перспективы исследования связаны с изучением распространенности принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии мужчин и женщин с привлечением более широкого диапазона ситуаций, в которых они могут потенциально проявляться.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Коновалов А. Ю. Медиация в системе образования: обзор опыта разных стран. *Психологическая наука и образование* *www.psyedu.ru*. 2014. Т. 6. № 3. С. 18–30. [Konovalov A. Y. Mediation in the education system: a review of the experience of different countries. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* *www.psyedu.ru*, 2014, 6(3): 18–30. (In Russ.)]
2. Мериманов Ж. Принципы медиации. *Конфликтология*. 2013. № 1. С. 143–150. [Merimanov Zh. Principles of mediation. *Konfliktologiya*, 2013, (1): 143–150. (In Russ.)]
3. Коновалов А. Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений. М.: Судебно-правовая реформа, 2012. 306 с. [Konovalov A. Yu. *School reconciliation service and the restorative culture of relationships: a practical guide*. Moscow: Sudebno-pravovaya reforma, 2012, 306. (In Russ.)]
4. Соколова Н. А. К вопросу о принципах медиации. *Вестник ЧГПУ*. 2016. № 10. С. 74–79. [Sokolova N. A. To the question of the mediation principles. *Bulletin of ChSPU*, 2016, (10): 74–79. (In Russ.)]
5. Сорокопуд Ю. В., Амчиславская Е. Ю., Ярославцева А. В. Soft skills («мягкие навыки») и их роль в подготовке современных специалистов. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 1. С. 194–196. [Sorokopud Yu. V., Amchislavskaya E. Yu., Yaroslavtseva A. V. Soft skills and their role in training modern. *The world of science, culture and education*, 2021, (1): 194–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-186-194-196>
6. Гусев В. Е. О правовых принципах медиации. *Молодой ученый*. 2011. № 12-2. С. 6–8. [Gusev V. E. The legal principles of mediation. *Molodoi uchenyi*, 2011, (12-2): 6–8. (In Russ.)]
7. Федюшкина М. С., Гелиева И. Н. К вопросу о правовых принципах медиации в гражданском процессе. *Молодой ученый*. 2020. № 15. С. 261–263. [Fedjushkina M. S., Gelieva I. N. To the question of legal principles of civil mediation. *Molodoi uchenyi*, 2020, (15): 261–263. (In Russ.)]
8. Оконецникова Л. В. Медиация как метод работы с социально-психологическим конфликтом. *Современные методы практической психологии: II Междунар. летн. психол. шк. УрФУ*. (Екатеринбург, 17–26 августа 2015 г.) Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 129–139. [Okonechnikova L. V. Mediation as a method of dealing with socio-psychological conflict. *Modern methods of practical psychology: Proc. Summ. Psych. Sch. UrFU*, Ekaterinburg, 17–26 Aug 2015. Ekaterinburg: UrFU, 2015, 129–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/978-5-7996-1640-3>
9. Гуриева С. Д. Тактики и стратегии ведения переговоров. СПб.: СПбГУ, 2015. 132 с. [Gurieva S. D. *Negotiation tactics and strategies*. St. Petersburg: SPbSU, 2015, 132. (In Russ.)]

10. Жигулева Л. Ю. Опыт, проблемы и перспективы развития медиации в Оханском муниципальном районе. *Медиация как культура согласия и ресурс развития регионов России*: науч.-практ. конф. (Пермь, 27–28 марта 2012 г.) Пермь, 2012. С. 147–155. [Zhiguleva L. Yu. Experience, problems and prospects of mediation development in Okhansky municipal district. *Mediation as a culture of consent and a resource for the development of russian regions*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Perm, 27–28 Mar 2012. Perm: 2012, 147–155. (In Russ.)]
11. Дубровская Г. Е. Служба примирения как способ урегулирования конфликтов в общеобразовательной среде. *Медиация в современном образовательном пространстве*: I Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 7–8 ноября 2018 г.). М.: ПИ РАО, 2018. С. 102–107. [Dubrovskaya G. E. Reconciliation service as a way to resolve conflicts in the general academic environment. *Mediation in the modern educational space*: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 7–8 Nov 2018. Moscow: PI RAE, 2018, 102–107. (In Russ.)]
12. Пель М. Приглашение к медиации. Практическое руководство о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. М.: МЦУПК, 2009. 400 с. [Pel M. *Referral to mediation: a practical guide for an effective mediation proposal*. Moscow: MTSUPK, 2009, 400. (In Russ.)]
13. Здрок О. Н. Медиация. Мн.: Четыре четверти, 2019. 539 с. [Zdrok O. N. *Mediation*. Minsk: Chetyre chetverti, 2019, 539. (In Russ.)]
14. Аллаhverдова О. В., Карпенко А. Д. Медиация в курсе обучения конфликтологов-посредников. СПб., 2006. 107 с. [Allahverdova O. V., Karpenko A. D. *Mediation in the course of training conflict mediators*. St. Petersburg, 2006, 107. (In Russ.)]
15. Аллаhverдова О. В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. 9. № 4. С. 31–49. [Allahverdova O. V. Mediation is a new communicative practice in conflict resolution. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, 2006, 9(4): 31–49. (In Russ.)]
16. Вишневецкая А. В. Медиация как технология регулирования конфликта. *Медиация. Новый подход к разрешению конфликтов: дайджест*, отв. за вып.: Ю. Б. Нечаева, А. Н. Селищева. Пермь: Ресурс, 2009. С. 10–27. [Vishnevskaya A. V. Mediation as a conflict management technology. *Mediation. A new approach to conflict resolution: digest*, resp.: Nechaeva Ju. B., Selishcheva A. N. Perm: Resurs, 2009, 10–27. (In Russ.)]
17. Керимов Т. Т. Историко-теоретические предпосылки появления понятия «медиации» как функции управления конфликтами. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 63-2. С. 220–223. [Kerimov T. T. The historical and theoretical background to the emergence of the concept of "mediation" as a function of conflict management. *Problems of modern pedagogical education*, 2019, (63-2): 220–223. (In Russ.)]
18. Лазарева О. В. Добровольность как принцип проведения процедуры медиации. *Перспективы становления и развития медиации в регионах*: IV Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 14 декабря 2018 г.) Саратов: Наука, 2019. С. 60–63. [Lazareva O. V. Voluntariness as a principle of mediation procedure. *Prospects for the formation and development of mediation in the regions*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Saratov, 14 Dec 2018. Saratov: Nauka, 2019, 60–63. (In Russ.)]
19. Чумиков А. Н. Переговоры – фасилитация – медиация. М.: Аспект Пресс, 2014. 160 с. [Chumikov A. N. *Negotiations – facilitation – mediation*. Moscow: Aspect Press, 2014, 160. (In Russ.)]
20. Микляева А. В., Румянцева П. В., Туманова Е. Н. Школьная медиация: теоретические и методические основы. М.: СВИБТ, 2016. 144 с. [Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V., Tumanova E. N. *School mediation: theoretical and methodological foundations*. Moscow: SVIVT, 2016, 144. (In Russ.)]
21. Шамликашвили Ц. А. Медиация как междисциплинарная наука и социально значимый институт. *Психологическая наука и образование*. 2014. № 2. С. 5–14. [Shamlikashvili T. A. Mediation as an interdisciplinary science and socially important institute. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2014, (2): 5–14. (In Russ.)]
22. Шамликашвили Ц. А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. М.: МЦУПК, 2017. 77 с. [Shamlikashvili T. A. *Mediation is a modern method of out-of-court dispute resolution*. Moscow: MTSUPK, 2017, 77. (In Russ.)]
23. Sukhova N. V. Mediation process principles. *TyumSU Herald*, 2013, (3): 109–115. (In Russ.)
24. Кролевец М. К. Опыт организации службы школьной медиации в образовательном учреждении. *Всероссийское совещание школьных служб примирения и медиации*, ред. Н. В. Гордийчук. М.: Центр защиты прав и интересов детей, 2020. С. 82–87. [Krolevets M. K. Experience in organizing a school mediation service in an educational institution. *All-Russian meeting of school reconciliation and mediation services*, ed. Gordiychuk N. V. Moscow: Center for the Protection of the Rights and Interests of Children, 2020, 82–87. (In Russ.)]
25. Буткевич А. Ю., Микляева А. В. Формирование медиативной культуры отношений субъектов образовательного процесса как направление профилактики эскалации конфликтов в образовательном учреждении. *Психологическое здоровье и технологии здоровьесбережения в современной образовательной среде*, ред. В. М. Голянич, О. В. Ходаковская, А. Ф. Бондарук. СПб.: НИЦ-АРТ, 2019. С. 362–376. [Butkevich A. Yu., Miklyaeva A. V. Formation of a mediative culture of relations of subjects of the educational process as a direction of prevention of escalation of conflicts in an educational institution. *Psychological health and health care in the modern academic environment*, eds. Golianich V. M., Khodakovskaya O. V., Bondaruk A. F. St. Petersburg: NITs-ART, 2019, 362–376. (In Russ.)]

оригинальная статья

Разработка и психометрический анализ опросника социально-эмоциональной компетентности личности (QSECP)

Вихман Александр Александрович
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Россия, Пермь
<https://orcid.org/0000-0002-5483-1702>

Галюк Наталья Андреевна
Новосибирский государственный педагогический
университет, Россия, Новосибирск
<https://orcid.org/0000-0003-1531-4339>

Горбунова Ирина Викторовна
Уральский государственный педагогический университет,
Россия, Екатеринбург
<https://orcid.org/0000-0002-2185-3219>

Катков Валерий Леонидович
Институт политических коммуникаций, Россия, Пермь
<https://orcid.org/0000-0003-4991-4842>
perm-27@list.ru

Чарный Борис Маркович
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Россия, Пермь
<https://orcid.org/0000-0002-3337-6974>

Поступила в редакцию 21.03.2022. Принята после рецензирования 12.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Проблема компетентности является предметом исследования зарубежной и отечественной психологической, педагогической, социологической литературы. Особое внимание многие авторы уделяют рассмотрению социальной, эмоциональной и социально-эмоциональной компетентностям личности, которые считаются ключевыми для достижения успехов в различных видах деятельности. Если экспериментальные психологические исследования социальной и эмоциональной компетентностей личности обеспечены необходимыми психодиагностическими методиками, то для диагностики социально-эмоциональной компетентности такой инструментарий в настоящее время отсутствует. Статья посвящена проблеме диагностики социально-эмоциональной компетентности. В исследовании отражены результаты разработки и психометрического анализа психодиагностического инструментария, позволяющего экспериментально тестировать социально-эмоциональную компетентность и ее структурные характеристики. В процессе разработки предварительного варианта опросника социально-эмоциональной компетентности личности используется методология Item Response Theory, которая предоставляет возможность оценить опросник с точки зрения тестовых заданий, используемых для проектирования содержания теста. Выбранные 6 направлений структурных характеристик социально-эмоциональной компетентности являются компетенциями, позволяющими измерить и описать эту характеристику личности человека. Исследование уровня сформированности социально-эмоциональной компетентности личности в разрезе шкал опросника позволяет установить, какие структурные характеристики социально-эмоциональной компетентности более выражены и насколько они являются эффективными в жизни и деятельности человека, а какие из них нуждаются в улучшении (корректировке). Дальнейший психометрический анализ позволяет определить валидность и надежность опросника, а также установить основной перечень вопросов, отражающих содержание структурных характеристик социально-эмоциональной компетентности. Результаты могут быть использованы в дальнейших психологических, педагогических и социологических исследованиях актуальных проблем формирования социально-эмоциональной компетентности личности. Опросник необходим для дальнейшего изучения структуры социально-эмоциональной компетентности, механизмов ее формирования и повышения эффективности людей в различных сферах деятельности. Отдельный интерес представляет дальнейшее изучение формирования структуры социально-эмоциональной компетентности в зависимости от содержания различных видов деятельности и индивидуально-психологических особенностей человека.

Ключевые слова: социальная компетентность, эмоциональная компетентность, социально-эмоциональная компетентность, IRT-анализ, психометрический анализ, валидность

Цитирование: Вихман А. А., Галюк Н. А., Горбунова И. В., Катков В. Л., Чарный Б. М. Разработка и психометрический анализ опросника социально-эмоциональной компетентности личности (QSECP). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 493–503. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-493-503>

full article

Development and Psychometric Analysis of a Questionnaire of Social-Emotional Competence of the Personality (QSECP)

Alexander A. Vikhman

Perm state Humanitarian and Pedagogical University, Russia, Perm
<https://orcid.org/0000-0002-5483-1702>

Natalya A. Galyuk

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk
<https://orcid.org/0000-0003-1531-4339>

Irina V. Gorbunova

Ural State Pedagogical University, Russia, Ekaterinburg
<https://orcid.org/0000-0002-2185-3219>

Valery L. Katkov

Institute of Political Communications, Russia, Perm
<https://orcid.org/0000-0003-4991-4842>
perm-27@list.ru

Boris M. Charny

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Russia, Perm
<https://orcid.org/0000-0002-3337-6974>

Received 21 Mar 2022. Accepted after peer review 12 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: Competence is a popular research subject of foreign and domestic psychology, pedagogy, and sociology. Social, emotional, and socio-emotional competences are often considered as key ones. Although they usually associate with success in various spheres of human life, no tool for diagnosing socio-emotional competence has been developed yet. This article describes the problem of diagnosing social and emotional competence. It introduces new psychometric and psychodiagnostic tool that can be used to test socio-emotional competence and its structure. The questionnaire was based on the QSECP Item Response Theory (IRT) methodology that evaluates tests and their efficiency. The psychometric analysis made it possible to determine the validity and reliability of the new questionnaire, as well as to establish the main list of questions that reflect the structure of socio-emotional competence. The questionnaire can be used to study mental, pedagogical, and sociological phenomena of socio-emotional competence, as well as the structure of social and emotional reliability, their formation, professional performance, etc. Further research will feature of socio-emotional competence in various activities and personalities.

Keywords: social competence, emotional competence, socio-emotional competence, Item Response Theory, psychometric analysis, validity

Citation: Vikhman A. A., Galyuk N. A., Gorbunova I. V., Katkov V. L., Charny B. M. Development and Psychometric Analysis of a Questionnaire of Social-Emotional Competence of the Personality (QSECP). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 493–503. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-493-503>

Введение

В психологическом научном дискурсе понятие *компетентность* получило свое распространение во второй половине XX в. [1–3]. В процессе исследования компетентности и ее составляющих были выделены такие ключевые компетентности, как социальная и эмоциональная [4–6]. Их изучение послужило основой для формирования представлений о социально-эмоциональной компетентности [7–9]. Анализ исследований социальной компетентности позволяет установить, что часть ее структурных характеристик составляют компоненты эмоциональной компетентности [10–12], а структура последней включает в том числе и компоненты социальной компетентности [13–15].

Ряд авторов рассматривают социальную, эмоциональную и социально-эмоциональную компетентности как взаимосвязанные, взаимно пересекающиеся, рядоположенные и изоморфные характеристики личности [9–16]. Анализ подходов к исследованию социально-эмоциональной компетентности позволяет установить, что в содержание социально-эмоциональной компетентности включаются

составляющие социальной и эмоциональной компетентностей [8; 9]. И. В. Горбунова при рассмотрении структуры социальной и эмоциональной компетентностей установила, что структурные характеристики и компоненты, составляющие их, взаимосвязаны, частично пересекаются и образуют социально-эмоциональную компетентность [17; 18].

В данной работе под социально-эмоциональной компетентностью будет пониматься интегративная характеристика личности, соответствующая требованиям социума в культурных, деятельностных, информационных, личностных и межличностных взаимоотношениях, позволяющая успешно реализовывать цели и задачи деятельности.

Разработка вопросов социально-эмоциональной компетентности личности является одним из новых направлений в исследованиях компетентности, поэтому встает вопрос о ее диагностике и измерении в экспериментальных исследованиях. Психодиагностические методики для измерения социальной компетентности [19; 20] и эмоциональной компетентности (эмоционального интеллекта) [21; 22],

разработанные в рамках различных психологических концептов, в данном случае не являются валидными для диагностики социально-эмоциональной компетентности. Так, D. C. McClelland высказывает обоснованную критику по отношению к практике применения тестов эмоционального интеллекта для диагностики компетентности. По его мнению, когнитивные способности, в отличие от компетентностей, слишком абстрактны, чтобы прогнозировать успех в реальной и конкретной деятельности [23, р. 12]. Диагностика как социальной, так и эмоциональной компетентностей не может быть использована для диагностики социально-эмоциональной компетентности. Так как это диагностика конкретного варианта компетентности, то нарушаются основные принципы психологического тестирования [24; 25]. Таким образом, в рамках исследования социально-эмоциональной компетентности диагностика социальной и эмоциональной компетентностей (эмоционального интеллекта) по отдельности теряет смысл. В отечественной психологии на сегодняшний день не существует психодиагностических методик и адаптированных зарубежных тестов, позволяющих измерить социально-эмоциональную компетентность. Настоящее исследование посвящено созданию соответствующего психодиагностического инструментария.

Разработка предварительного варианта опросника социально-эмоциональной компетентности

Для разработки опросника социально-эмоциональной компетентности личности был проведен контент-анализ исследований социальной, эмоциональной и социально-эмоциональной компетентностей и выделены компоненты, составляющие эти психологические параметры [17; 18]. На основе взаимосвязи и сходства эти компоненты были объединены в группы (структурные характеристики), составляющие структуру социально-эмоциональной компетентности [17; 18]. Это позволило выделить следующие основные составляющие структуры социально-эмоциональной компетентности (структурные характеристики): культурная, деятельностная, межличностная, личностная, информационная, эмоционально-рефлексивная. Данные структурные характеристики были обозначены как компетенции и положены в основу дальнейшей разработки опросника для диагностики социально-эмоциональной компетентности [26]. Была создана фокус-группа, состоявшая из руководителей общеобразовательных организаций, работников образования, имеющих ученые степени кандидатов педагогических и психологических наук, а также ученых-психологов, в количестве 22 человек [27]. В задачи группы входила проверка и оценка вопросов, отражающих содержание составляющих структуру социально-эмоциональной компетентности характеристик на основе включенных в нее компонентов, выделенных в ряде исследований [17; 18; 26; 28].

На основе компонентов, составляющих структурные характеристики социально-эмоциональной компетентности (компетенции) в рамках принципов, заложенных R. B. Cattell [29] при составлении 16-факторного личностного опросника (16PF), опирающегося на совокупность выделенных им свойств личности, было сформулировано 14–17 вопросов, опирающихся на компоненты каждой выделенной характеристики (компетенции) социально-эмоциональной компетентности.

Количество сформулированных по каждой структурной характеристике социально-эмоциональной компетентности вопросов после анализа фокус-группой на очевидную валидность и валидность по содержанию было сокращено до 12 (по каждой структурной характеристике). Эти вопросы составили основу шкал Опросника социально-эмоциональной компетентности личности (QSECP):

1. **Шкала культурной компетенции.** Отношение человека к обществу, к его культурным ценностям; обладание нормами морали и права, культурой языка и речи, способность их использования в процессе жизни и деятельности, что во многом связано с действующей в обществе иерархией ценностей в знаниях общегуманитарного характера.

2. **Шкала деятельностной компетенции.** Способность рациональной и качественной организации продуктивной профессиональной деятельности человека на основе поставленных целей и задач, соответствующих реальным требованиям, и выбор адекватных приемов и способов достижения необходимых результатов.

3. **Шкала межличностной компетенции.** Способность человека работать в команде, согласовывая свои действия с другими людьми, выстраивать позитивные отношения в процессе взаимодействия, создавать положительную психологическую атмосферу в коллективе, обладать необходимыми навыками межличностного общения.

4. **Шкала личностной компетенции.** Характеризует качества личности человека, проявляющиеся в его способности и готовности к максимально полной реализации своего личностного потенциала, успешному решению широкого круга жизненных и профессиональных задач, продуктивной профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом.

5. **Шкала информационной компетенции.** Способность самостоятельно искать, анализировать, отбирать, обрабатывать и передавать необходимую информацию при помощи различных коммуникативных информационных технологий; принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности.

6. **Шкала эмоционально-рефлексивной компетенции.** Умение человека разбираться в своих эмоциональных переживаниях, контролировать их; понимать эмоциональные состояния других людей; анализировать собственные мотивы, мысли и результаты деятельности.

При формировании шкал опросника QSECP были использованы ранговые шкалы, позволяющие оценить

уровень выраженности соответствующей характеристики: всегда – ранг 1, часто – ранг 2, пятьдесят на пятьдесят – ранг 3, иногда – ранг 4, никогда – ранг 5.

При дальнейшей работе по созданию опросника QSECP была использована методология Item Response Theory (IRT)¹ [20; 30]. Теория тестовых заданий применяется для проектирования, анализа и оценки тестов, опросников и подобных измерительных инструментов. При разработке опросника QSECP IRT-анализ использовался для того, чтобы избавиться от неинформативных вопросов и сохранить вопросы, составляющие его валидную и надежную основу.

Для анализа предварительного варианта опросника QSECP была создана выборка из 102 руководителей муниципальных образовательных организаций Пермского края. После диагностики испытуемых полученные результаты послужили основой для IRT-анализа (проверки на нормальное распределение, корреляционный и факторный анализ) [31] и психометрического анализа (проверки различных видов валидности и надежности).

IRT-анализ: графическая и статистическая обработка предварительного варианта опросника

После диагностики испытуемых по предварительному варианту опросника результаты были подвергнуты психометрическому анализу. Статистический анализ результатов исследования производился с помощью статпакета IBM SPSS Statistics 26 for Mac OS Monterey 12.3 [30].

Были проверены дифференцирующие возможности каждого вопроса путем гистографического исследования [32], что позволило удалить вопросы, имеющие нарушения нормального распределения в виде асимметрии и эксцесса, из содержания опросника и сохранить вопросы, соответствующие параметрам нормального распределения (рис. 1).

После того как из предварительного варианта опросника QSECP были удалены вопросы, имеющие асимметричные или эксцессивные нарушения нормального распределения, все шкалы опросника были проверены на параметры нормального распределения по каждой шкале (табл. 1) с помощью критерия Колмогорова-Смирнова [30].

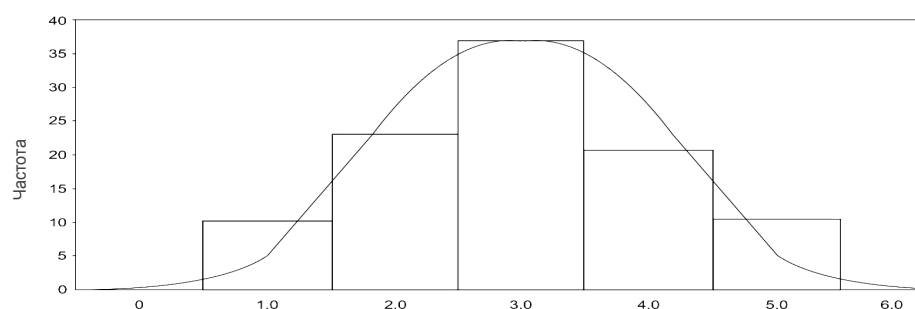

Рис. 1. Гистограмма на материале вопроса шкалы 2: Вопрос 12. В какой мере в процессе деятельности Вы используете опыт других людей? Fig. 1. Scale 2, question 12. To what extent do you use the experience of other people in your activity?

Табл. 1. Параметры нормального распределения шкал опросника QSECP по критерию Колмогорова-Смирнова

Tab. 1. Parameters of the normal distribution of the QSECP questionnaire scales according to the Kolmogorov-Smirnov criterion

Переменные		Шкалы					
		1	2	3	4	5	6
Параметры нормального распределения	Среднее	12,67	15,07	15,31	14,25	13,96	16,48
	Среднее квадр. отклонение	2,491	2,471	2,757	3,406	2,789	3,579
Наибольшие экстремальные расхождения	Абсолютная	0,131	0,116	0,112	0,123	0,111	0,106
	Положительные	0,131	0,088	0,093	0,105	0,082	0,082
	Отрицательные	-0,080	-0,116	-0,112	-0,123	-0,111	-0,106
Статистика критерия		0,131	0,116	0,112	0,123	0,111	0,106
Асимптотическая значимость (двусторонняя) (a, b)		0,000	0,002	0,003	0,001	0,004	0,007

Прим.: количество испытуемых = 102; асимптотический (достигаемый) уровень значимости $p \leq 0,05$; а) проверяемое распределение является нормальным; б) коррекция значимости Лиллиефорса.

¹ Asparouhov T., Muthén B. IRT in Mplus. 2016. URL: <https://www.statmodel.com/download/MplusIRT.pdf> (accessed 21 Feb 2022).

В рамках каждой шкалы с помощью корреляционного анализа [30; 33] был определен уровень взаимосвязи вопросов, составляющих содержание каждой шкалы. Это позволило удалить вопросы, не имеющие значимых корреляционных связей, и сохранить вопросы, связанные друг с другом (табл. 2).

Также для определения уровня взаимосвязи вопросов в шкалах каждая шкала была проверена с помощью факторного анализа [30]. Анализ методом главных компонент позволил получить простейшую факторную структуру (табл. 3). Все вопросы шкалы 2 попали в первый фактор с весами на уровне значимости $p \leq 0,001$, что характеризует высокую конвергентную валидность.

Аналогичным процедурам были подвергнуты все остальные вопросы и шкалы предварительного варианта опросника. IRT-анализ шкал опросника QSECP дает возможность оценить уровень участия каждого вопроса каждой шкалы

в формировании результата измерения характеристик социально-эмоциональной компетентности личности. Это позволяет определить уровень конвенциональности входящих в каждую шкалу вопросов (переменных) опросника. Под конвенциональностью в данном случае понимается уровень согласованности вопросов, отображающих содержание шкалы, что впоследствии должно способствовать повышению валидности и надежности тестовой методики.

IRT-анализ каждой шкалы позволяет изъять вопросы, снижающие уровень конвенциональности шкалы. Также были исключены вопросы, не дифференцирующие испытуемых, не соответствующие правилам нормального распределения, не коррелирующие с другими вопросами шкалы и не попадающие в один фактор максимальной дисперсии при факторном анализе.

В окончательном варианте опросника каждая шкала содержала восемь вопросов.

Табл. 2. Уровень взаимосвязи вопросов шкалы 2 по ранговой корреляции Спирмена

Tab. 2. The level of interrelation of questions of scale 2 according to Spearman's rank correlation

Вопросы	9	10	11	12	13	14	15	16
9	1,000	0,304	0,408	0,048	0,167	0,067	0,141	0,262
10	0,304	1,000	0,198	0,062	0,053	0,149	0,012	0,323
11	0,408	0,198	1,000	-0,065	0,350	0,124	0,262	0,248
12	0,048	0,062	0,065	1,000	0,006	0,120	0,167	0,041
13	0,167	0,053	0,350	0,006	1,000	0,067	0,308	0,266
14	0,067	0,149	0,124	0,120	0,067	1,000	0,227	0,296
15	0,141	0,012	0,262	0,167	0,308	0,227	1,000	0,258
16	0,262	0,323	0,248	0,041	0,266	0,296	0,258	1,000

Прим.: $r=0,165$, $p \leq 0,1$; $r=0,197$, $p \leq 0,05$; $r=0,256$, $p \leq 0,01$; $r=0,324$, $p \leq 0,001$ (критические значения коэффициента корреляции Спирмена).

Табл. 3. Матрица извлеченных компонент шкалы 2

Tab. 3. Matrix of extracted components of scale 2

Вопрос	Фактор		
	1	2	3
9	0,635	-0,253	0,149
10	0,501	-0,639	0,229
11	0,658	0,135	-0,316
12	0,862	0,266	0,084
13	0,527	0,553	-0,261
14	0,426	-0,227	-0,213
15	0,707	0,512	0,196
16	0,671	-0,118	0,110

Психометрический анализ опросника QSECP

С помощью окончательного варианта опросника была диагностирована выборка, состоящая из 144 директоров школ г. Пермь, Пермского района и г. Краснокамск. Опросник был проверен на надежность и валидность. Проверка надежности проводилась методами альфа Кронбаха [30; 34] и расщепления [25; 30; 35] по каждой шкале опросника (табл. 4). Следует отметить, что значения альфы Кронбаха меньше или равные 0,500 считаются недостаточными. Значения больше 0,500 могут быть использованы в качестве оценки внутренней согласованности шкал теста [35].

Оба варианта проверки подтвердили надежность тестовой методики, однако следует отметить, что альфа Кронбаха шкалы 2, шкалы 7 и шкалы 10 находится на уровне формально выше недостаточного.

Окончательный вариант опросника QSECP

Инструкция: Вам будет предложен ряд вопросов, касающихся поведения в различных условиях и ситуациях. Внимательно прочитайте каждый вопрос и оцените, насколько это для Вас характерно: всегда, часто, от случая к случаю, иногда или редко, поставив галочку в соответствующем столбце данного вопроса.

№	Вопрос	Всегда	Часто	От случая к случаю	Иногда	Редко
1	Насколько для Вас важно у каждого человека прежде всего формировать гуманистическое мировоззрение?					
2	В какой мере Вы считаете необходимым сохранение традиций?					
3	В какой степени Вам требуется обращаться к ценностям и опыту предшествующих поколений?					
4	Насколько Вы можете оценить уровень культуры человека, с которым общаетесь впервые?					
5	В какой мере, на Ваш взгляд, необходимо у большинства людей формировать культуру речи?					
6	В какой степени Вы могли бы сформулировать признаки и критерии культуры?					
7	Насколько, на Ваш взгляд, необходимо формирование у каждого человека целостного представления об эпохе, стране и народе?					
8	В какой степени важно при оценке поведения каждого человека ориентироваться на нормы морали и права?					
9	В какой мере Вас устраивают результаты собственной профессиональной деятельности?					
10	Насколько Вы считаете свою деятельность творческой?					
11	Как тщательно Вы анализируете цель и задачи деятельности, прежде чем приступить к исполнению?					
12	В какой мере в процессе деятельности Вы используете опыт других людей?					
13	Насколько детально Вы продумываете приемы и способы деятельности перед ее реализацией?					
14	В какой степени в процессе деятельности у Вас получается выстроить межличностное взаимодействие?					
15	В какой мере Вы используете индивидуальный подход к каждому из участников совместной деятельности?					
16	Насколько у Вас получается согласовывать свои действия с действиями других людей в процессе совместной деятельности?					
17	В какой степени Вам удается выстраивать позитивные отношения с другими людьми в процессе взаимодействия?					
18	Насколько у Вас получается сохранять хорошие отношения с людьми в любой ситуации?					
19	В какой мере Вам удается создать положительную психологическую атмосферу в коллективе?					
20	Насколько положительно Вы воспринимаете критику коллег?					
21	В какой степени успешно у Вас получается решать проблемы, возникающие в коллективе?					

№	Вопрос	Всегда	Часто	От случая к случаю	Иногда	Редко
22	Насколько быстро Вам удастся разрешать конфликты, возникающие в коллективе?					
23	Насколько Ваше мнение является весомым для Ваших коллег?					
24	Всегда ли коллектив полностью соглашается с вашей позицией?					
25	Насколько Вы уверены в себе при общении с незнакомыми людьми?					
26	В какой мере Вы можете оценить свой личностный потенциал?					
27	В какой степени Вы мотивированы на достижение цели в любой ситуации?					
28	Всегда ли Вы бываете уверены в своей позиции?					
29	Насколько Вы инициативны и решительны в сложных ситуациях?					
30	В какой мере Вам свойственна выдержка в критической ситуации?					
31	Вы готовы брать инициативу на себя в любом деле?					
32	В какой степени Вы готовы к переменам в своей жизни?					
33	Насколько успешно Вы справляетесь с большим объемом информации?					
34	Как часто Вы обращаетесь к документам законодательной и нормативной базы в своей деятельности?					
35	В какой мере Вы ориентированы на получение информации от окружающих?					
36	В какой степени Вы владеете компьютерной грамотностью?					
37	Как часто Вы используете Интернет для получения нужной информации?					
38	В какой степени Вы владеете навыками поиска, анализа и отбора информации?					
39	Насколько критично Вы относитесь к получаемой информации?					
40	В какой мере у Вас выражена потребность в самообразовании?					
41	Насколько часто Вы пытаетесь разобраться в причинах своих переживаний?					
42	В какой степени вам удастся контролировать свои эмоции в различных ситуациях?					
43	В какой мере Вы стремитесь разобраться в причинах эмоциональных переживаний других людей?					
44	Как часто Вы жалеете о своих непроизвольных эмоциональных выплесках?					
45	В какой степени Вы осознаете причины удовлетворенности / неудовлетворенности результатами своей деятельности?					
46	В какой мере Вы сопереживаете и сочувствуете переживаниям других людей?					
47	Насколько сильно Вы переживаете свои неудачи?					
48	В какой степени Вы можете прогнозировать эмоциональные реакции других людей?					

Табл. 4. Проверка надежности опросника QSECP методом альфа Кронбаха и расщепления

Tab. 4. Checking the reliability of the QSECP questionnaire by Cronbach's alpha and splitting methods

Шкалы	Количество пунктов	Альфа Кронбаха	Метод расщепления	
			Пропорция расщепления	Корреляция расщепленных форм
1	8	0,762	4/4	0,463
2	8	0,589	4/4	0,341
3	8	0,780	4/4	0,600
4	8	0,810	4/4	0,681
5	8	0,595	4/4	0,363
6	8	0,724	4/4	0,888

Прим.: метод альфы Кронбаха: $\alpha > 0,500$, $p \leq 0,05$; метод расщепления: $r = 0,324$, $p \leq 0,001$ (критические значения коэффициента корреляции Спирмена).

Структурная валидность опросника [25; 36] была проверена с помощью кластерного анализа. Кластерный анализ реализовывался с использованием иерархической модели в графическом варианте (дендрограмма) и метода наибольшей удаленности соседа с интервалом квадрата Евклида [30]. Результаты кластерного анализа (рис. 2) характеризуют все шкалы опросника как соответствующие структурной валидности, о чем свидетельствует разрыв различие / сходство по шкале абсцисс в диапазоне от 0 до 4 единиц. На шкале ординат равноудаленно и в соответствии с различием / сходством расположены отдельно все шкалы опросника.

Структурная валидность опросника [25; 36] также была проверена с помощью факторного анализа методом главных компонент с последующим вращением Варимакс с нормализацией Кайзера (табл. 5). Все шкалы опросника попали со значимыми весами в разные факторы: шкала 1 – в четвертый фактор, шкала 2 – в пятый фактор, шкала 3 – в первый фактор, шкала 4 – в шестой фактор, шкала 5 – во второй фактор, шкала 6 – в третий фактор. Это свидетельствует о том, что все шкалы опросника составляют конструкт

из несвязанных между собой характеристик социально-эмоциональной компетентности, которые измеряют ее различные компетенции.

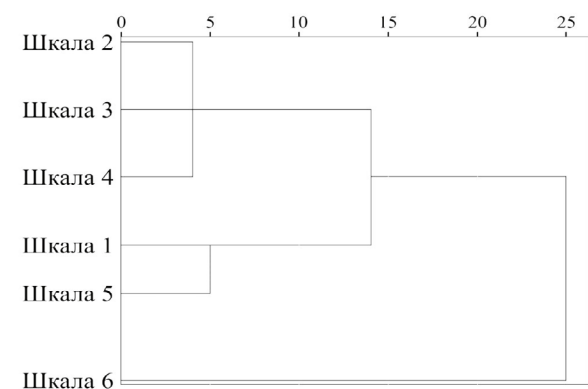
Данные позволяют оценить не только конструктивную валидность: каждая шкала, попав со значимым весом в один фактор, в других факторах присутствует с нерелевантными значениями, что характеризует дивергентную валидность теста. Это свидетельствует о том, что каждая шкала, измеряя одну определенную компетенцию, не измеряет другие компетенции.

Проверка валидности проводилась также с помощью критерия [25; 36], в качестве которого была использована экспертная оценка группы из 24 человек (работники муниципальных органов образования), хорошо знавших и регулярно общавшихся с исследуемыми руководителями общеобразовательных организаций, участвующих в настоящем эксперименте. Экспертам было предложено оценить каждого руководителя общеобразовательной

Табл. 5. Факторный анализ опросника QSECP методом главных компонент с последующим вращением Варимакс с нормализацией Кайзера

Tab. 5. Factor analysis of the QSECP questionnaire by the principal component method followed by Varimax rotation with Kaiser normalization

Шкалы	Факторы после вращения					
	1	2	3	4	5	6
1	0,051	0,170	0,151	0,957	0,137	0,102
2	0,230	0,149	0,100	0,159	0,905	0,265
3	0,941	0,052	0,108	0,051	0,207	0,234
4	0,276	0,195	0,071	0,122	0,280	0,887
5	0,052	0,958	0,092	0,170	0,130	0,159
6	0,098	0,088	0,976	0,143	0,083	0,058

Рис. 2. Дендрограмма различия-сходства шкал опросника QSECP
Fig. 2. Difference-similarity of QSECP questionnaire scales

организации с точки зрения культурной, деятельностной, межличностной, личностной, информационной и эмоционально-рефлексивной компетенций. Перед процедурой оценивания каждому эксперту были предоставлены развернутые характеристики по каждому оцениваемому качеству (определение шкал опросника QSECP). Валидность по критерию была проверена путем корреляции каждой шкалы опросника QSECP с суммарной оценкой экспертов по каждой характеристике каждого руководителя общеобразовательной организации (табл. 6).

Исходя из того, что сформированная социально-эмоциональная компетентность связана с успешностью деятельности, в качестве второго критерия валидизации [25; 36] опросника был выбран суммарный рейтинг общеобразовательных организаций за 2015–2020 гг., возглавляемых руководителями общеобразовательных организаций, участвовавших в исследовании (табл. 6). Все шкалы опросника QSECP соответствуют общим требованиям критериальной валидности.

Табл. 6. Критериальная валидность

Tab. 6. Criterion validity

Шкалы	Экспертная оценка	Рейтинг
1	0,297	0,307
2	0,334	0,288
3	0,321	0,291
4	0,284	0,225
5	0,365	0,266
6	0,223	0,199

Прим.: $r=0,197$, $p \leq 0,05$; $r=0,256$, $p \leq 0,01$; $r=0,324$, $p \leq 0,001$ (критические значения коэффициента корреляции Спирмена).

Заключение

Разработка, психометрический и IRT-анализ опросника QSECP позволяют использовать его для дальнейших исследований социально-эмоциональной компетентности личности. Выбранные 6 направлений структурных характеристик социально-эмоциональной компетентности

являются компетенциями, позволяющими измерить и описать эту характеристику личности человека. Исследование уровня сформированности социально-эмоциональной компетентности личности в разрезе шкал опросника позволяет установить, какие структурные характеристики социально-эмоциональной компетентности более выражены и насколько они являются эффективными в жизни и деятельности человека, а какие из них нуждаются в улучшении (корректировке). Полученные результаты позволят создавать коррекционные программы, ориентированные на повышение уровня социально-эмоциональной компетентности личности. Результаты могут быть использованы в дальнейших психологических, педагогических и социологических исследованиях актуальных проблем формирования социально-эмоциональной компетентности личности. Опросник необходим для дальнейшего изучения структуры социально-эмоциональной компетентности, механизмов ее формирования и повышения эффективности людей в различных сферах деятельности. Отдельный интерес представляет дальнейшее изучение формирования структуры социально-эмоциональной компетентности в зависимости от содержания различных видов деятельности и индивидуально-психологических особенностей человека.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. А. Вихман – концептуализация. Н. А. Галюк – проверка. И. В. Горбунова – исследование. В. Л. Катков – формальный анализ. Б. М. Чарный – администрирование проекта.

Contribution: A. A. Vikhman developed the concept. N. A. Galyuk performed the validation. I. V. Gorbunova did the research. V. L. Katkov conducted the formal analysis. B. M. Charny supervised the project.

Литература / References

1. Равен Д. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002. 396 с. [Raven J. *Competence in modern society. Its identification, development and release*. Moscow: Kogito-center, 2002, 396. (In Russ.)]
2. Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge: M.I.T. Press, 1965, 251.
3. White R. W. Motivation reconsidered: the concept of competence. *Psychological Review*, 1959, 66(5): 279–333. <https://doi.org/10.1037/h0040934>
4. Варецкая Е. В. Технологии медиаобразования и критического мышления как средства развития социальной компетентности учителя начальной школы в последипломном образовательном процессе. *Медиа сфера и медиаобразование: специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве*, под ред. С. В. Венедиктова. Могилев: Институт МВД, 2016. С. 54–63. [Varetskaia E. V. Technologies of media education and critical thinking as a means of developing the social competence of primary school teachers in the postgraduate educational process. *Mediasphere and media education: specifics of interaction in the modern socio-cultural space*, ed. Venediktov S. V. Mogilev: Institute of the MIA, 2016, 54–63. (In Russ.)]

5. Комеда-Лутц М. *Интеллектуальная эмоциональность. Как обращаться со своими чувствами*. Харьков: Гуманитарный центр, 2018. 216 с. [Koemeda-Lutz M. *Intelligent emotionality. How to Deal with Your Feelings*. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2018, 216. (In Russ.)]
6. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence. *Imagination, cognition and personality*, 1990, 9(3): 185–211. <https://dx.doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>
7. Сергиенко Е. А., Марцинковская Т. Д., Изотова Е. И., Лебедева Е. И., Уланова А. Ю., Дубовская Е. М. Социально-эмоциональное развитие детей: теоретические основы. М.: Дрофа, 2019. 245 с. [Sergienko E. A., Martinkovskaia T. D., Izotova E. I., Lebedeva E. I., Ulanova A. Yu., Dubovskaia E. M. *Social and emotional development of children: theoretical bases*. Moscow: Drofa, 2019, 245. (In Russ.)]
8. Collie R. J. The development of social and emotional competence at school: an integrated model. *International Journal of Behavioral Development*, 2020, 44(1): 76–87.
9. Kennedy A. S. Promoting the social competence of each and every child in inclusive early childhood classrooms. *Early Childhood Education*, ed. Farland-Smith D. London: IntechOpen, 2018, 216. <https://doi.org/10.5772/INTECHOPEN.80858>
10. Фатыхова А. Л. Формирование социально-перцептивной компетентности социальных педагогов в процессе обучения в вузе: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005. 332 с. [Fatykhova A. L. *Formation of social-perceptual competence of social educators in the process of studying at a university*. Dr. Ped. Sci. Diss. Moscow, 2005, 332. (In Russ.)]
11. Argyle M. *Social interaction*. London: Methuen, 1969, 504.
12. Ewart C. K., Jorgensen R. S., Suchday S., Chen E., Matthews K. A. Measuring stress resilience and coping in vulnerable youth. The social competence interview. *Psychological Assessment*, 2002, 14(3): 339–352. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.14.3.339>
13. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: Астрель, 2011. 478 с. [Goulman D. *Emotional intelligence*. Moscow: Astrel, 2011, 478. (In Russ.)]
14. Французова О. Е. Эмоциональная компетентность как фактор профессиональной успешности будущих дефектологов. *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*. 2016. Т. 15. № 3. С. 114–117. [Frantsuzova O. E. Emotional competence as factor of professional success of future speech pathologists. *Psychological-Pedagogical Journal "Gaudeamus"*, 2016, 15(3): 114–117. (In Russ.)]
15. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Models of Emotional Intelligence. *Handbook of Intelligence*, ed. Sternberg R. J. Cambridge: University Press, 2000, 396–420.
16. Юсупов И. М., Юсупова Г. В. Успех в карьере: интеллект или эмоциональная компетентность? *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2014. № 3. С. 85–87. [Yusupov I. M., Yusupova G. V. Career success: intellect or emotional competence? *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and psychology*, 2014, (3): 85–87. (In Russ.)]
17. Горбунова И. В. Контент-анализ структуры эмоциональной компетентности. *Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки*. 2021. № 2. С. 238–243. [Gorbunova I. V. Content analysis of structure of emotional competence. *Vestnik PSGPU. Seria № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*, 2021, (2): 238–243. (In Russ.)]
18. Горбунова И. В. Структура социальной компетентности личности, социально-эмоциональная компетентность личности. *Образование личности*. 2021. № 3-4. С. 41–46. [Gorbunova I. V. The structure of social competence of the personality, social-emotional competence of the personality. *Obrazovanie lichnosti*, 2021, (3-4): 41–46. (In Russ.)]
19. Горбунова И. В., Катков В. Л. Структура социально-эмоциональной компетентности человека в контексте развития его личности. *Развитие человека в современном мире*. 2021. № 4. С. 54–67. [Gorbunova I. V., Katkov V. L. Structure of social-emotional competence of the person in the context of development of their personality. *Human development in the modern world*, 2021, (4): 54–67. (In Russ.)]
20. Иванов Д. В., Галюк Н. А. Психологическая мысль в философско-публицистических произведениях российских просветителей начала XIX в. *Системная психология и социология*. 2018. № 4. С. 84–99. [Ivanov D. V., Galyuk N. A. Psychological idea in philosophical and publicistic works of russian educators from the beginning of the xix century. *Systems Psychology and Sociology*, 2018, (4): 84–99. (In Russ.)]
21. Матвеева Л. Г., Тарасова Е. В. Диагностика эмоционального интеллекта на основе процедуры ассессмент-центра. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. 2010. № 4. С. 63–70. [Matveeva L. G., Tarasova E. V. Diagnostics of emotional intelligence on the basis of assessment-center procedure. *Bulletin of the SUSU. Series "Psychology"*, 2010, (4): 63–70. (In Russ.)]
22. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Тест Дж. Майера, П. Саловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT V. 2.0). М.: ИП РАН, 2010. 175 с. [Sergienko E. A., Vetrova I. I. MSCEIT v. 2.0 (*The Mayer–Salovey–Caruzo emotional intelligence test*). Moscow: IP RAS, 2010, 175. (In Russ.)]
23. McClelland D. C. Testing for competence rather than for "intelligence". *American Psychologist*, 1973. 28(1): 1–14. <https://doi.org/10.1037/H0034092>
24. Анастаси А. Психологическое тестирование. М.: Педагогика, 1982. Кн. 2. 295 с. [Anastazi A. *Psychological testing*. Moscow: Pedagogika, 1982, book 2, 295. (In Russ.)]

25. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. Киев: ПАН Лтд, 1994. 284 с. [Cline P. *Reference guide on designing of tests*. Kiev: PAN Ltd, 1994, 284. (In Russ.)]
26. Пушкарева Т. Г. Методики диагностики уровня сформированности социальной компетентности будущих педагогов сельской школы. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 13. С. 135–140. [Pushkareva T. G. Diagnostic techniques for evaluation of formation level of social competence of future teachers of rural schools. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, (13): 135–140. (In Russ.)]
27. Чеховский И. В. Метод фокус-групп: этапы реализации исследования. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2012. № 4. С. 145–155. [Chekhovsky I. V. The focus-group method: stages of the research. *RUDN Journal of Sociology*, 2013, (4): 145–155. (In Russ.)]
28. Гольшева И. А., Сбитнева Е. С. К вопросу о диагностике социальной компетентности у младших школьников. *Молодой ученый*. 2016. № 3. С. 802–805. [Golysheva I. A., Sbitneva E. S. Diagnostics of social competence at younger school students. *Molodoi uchenyi*, 2016, (3): 802–805. (In Russ.)]
29. Cattell R. B. *The Description and measurement of personality*. Oxford: World Book Company, 1994, 602.
30. Пациорковский В. В., Пациорковская В. В. SPSS для социологов. М.: ИСЭПН РАН, 2005. 432 с. [Patsiorkovskiy V. V., Patsiorkovskaia V. V. *SPSS for sociologists: manual*. Moscow: ISEPN RAN, 2005, 432. (In Russ.)]
31. Родионов А. В., Братищенко В. В. Применение IRT-моделей для анализа результатов обучения в рамках компетентностного подхода. *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 4. С. 150–161. [Rodionov A. V., Bratishchenko V. V. Application IRT-model for the analysis training results within the competence approach. *Modern problems of science and education*, 2014, (4): 150–161. (In Russ.)]
32. Никитин Я. Ю. Асимптотическая эффективность непараметрических критериев. М.: Наука, 1995. 238 с. [Nikitin Ia. Yu. *Asimptotic efficiency of nonparametric criteria*. Moscow: Nauka, 1995, 238. (In Russ.)]
33. Гласс Дж., Стенли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. М.: Прогресс, 1976. 495 с. [Glass G., Stanley J. *Statistical methods in pedagogy and psychology*. Moscow: Progress, 1976, 495. (In Russ.)]
34. Cronbach L. J. Coefficient alpha and the internal structure of tests. *Psychometrika*, 1951, 16(3): 297–334. <https://doi.org/10.1007/BF02310555>
35. Cortina J. M. What is coefficient alpha? An examination of theory and practice. *Journal of Applied Psychology*, 1993, 78(1): 98–104.
36. Анастаси А. Психологическое тестирование. М.: Педагогика, 1982. Кн. 1. 318 с. [Anastazi A. *Psychological testing*. Moscow: Pedagogika, 1982, book 1, 318. (In Russ.)]

оригинальная статья

Невоплощенность в Интернете как последствие использования современных информационных технологий и убеждения в самоэффективности (на примере студенчества)

Коптева Наталия Васильевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, Пермь

<http://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

Дорфман Леонид Яковлевич

Пермский государственный институт культуры, Россия, Пермь

<https://orcid.org/0000-0001-8494-5674>

Калугин Алексей Юрьевич

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, Пермь

<https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>kaluginau@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.03.2022. Принята после рецензирования 04.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Особый бестелесный статус, невоплощенность (ментального Я в теле) пользователя Интернета упоминается во множестве исследований, оставаясь практически неизученным в психологическом плане. Между тем многообразие проявлений и следствий соответствующего феномена достаточно полно раскрыто на клиническом материале в концепции британского экзистенциального психолога Р. Лэинга, послужившей основанием теоретического конструкта невоплощенности в Интернете и одноименной диагностической методики. В настоящей статье они сопоставляются с понятием самоэффективности, разработанным в русле социально-когнитивного подхода А. Бандурой и модифицированным его последователями Р. Шварцером и М. Ерусалемом, создателями шкалы общей самоэффективности. Использование последней в исследовании совместно с опросником невоплощенности в Интернете имело целью установление взаимосвязи между аспектами Я (самовосприятием технологического развоплощения и субъективным ощущением своей социальной жизни и дееспособности) у одной из наиболее продвинутых категорий пользователей (студентов вузов) в период формирования их первой целостной формы идентичности. Получены данные, подтверждающие, что переживания молодых людей по поводу искусственного разделения ментального Я и физического тела при использовании Интернета сопровождаются ослаблением убеждений в личной эффективности за его пределами. Выявлена специфика самоидентификации в группах студентов, различающихся выраженностью последствий развоплощения в Интернете и общей самоэффективности.

Ключевые слова: аспекты Я, технологическое развоплощение, невоплощенность в Интернете, общая самоэффективность

Цитирование: Коптева Н. В., Калуин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете как последствие использования современных информационных технологий и убеждения в самоэффективности (на примере студенчества). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 504–516. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-504-516>

full article

Disembodiment of Internet Users as a Consequence of Modern Information Technologies and Self-Efficacy Beliefs in Students

Natalia V. Kopteva

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Russia, Perm

<http://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

Leonid Ya. Dorfman

Perm State Institute of Culture, Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0001-8494-5674>

Alexey Yu. Kalugin

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>kaluginau@yandex.ru

Received 9 Mar 2022. Accepted after peer review 4 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: This article focuses on the concept of disembodied Internet personality. The Internet gives its users a special disembodied status because mental self of the Internet user has no physical manifestation. Although this concept appears in many studies, it remains practically unexplored in psychological terms. However, British existential psychologist R. Laing already described

its varieties and consequences on clinical material. His *The Divided Self: An Existential Study In Sanity And Madness* became a theoretical foundation of virtual disembodiment and a questionnaire of the same name. In this article, R. Laing's ideas were compared with the socio-cognitive concept of self-efficacy, which was developed by A. Bandura and then modified by R. Schwarzer and M. Jerusalem, who also designed the scale of general self-efficacy. This research used both the scale of general self-efficacy and the questionnaire of Internet disembodiment to establish the relationship between various aspects of the Self. The research featured the self-perception of technological disembodiment and the subjective sense of social vitality and capacity in university students during the development of their first integral form of identity. The artificial separation of the mental Self from the physical body in the virtual environment weakened their beliefs in personal efficacy outside the virtual space. Students with different severity of online disembodiment and general self-efficacy appeared to have different self-identification features.

Keywords: aspects of Self, technological disembodiment, disembodiment on the Internet, general self-efficacy

Citation: Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Disembodiment of Internet Users as a Consequence of Modern Information Technologies and Self-Efficacy Beliefs in Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 504–516. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-504-516>

Введение

Вероятно, первым, кто обратил внимание на то, что в эфире мы представляем собой отделенный от тела разум, был выдающийся теоретик медиа М. Маклюэн¹. С тех пор развоплощение (*disembodiment*), цифровое развоплощение (*digital disembodiment*), трансцендирование тела, бестелесность, дематериализация, развеществление, ограниченность физического присутствия, анонимность пользователя современных информационных технологий были неоднократно отмечены психологами, а в отношении идентичности утвердился эпитет *виртуальная* [1–17]. Тем не менее до настоящего времени не предложено теоретического и эмпирического конструкта соответствующего неизбежному и уже по этой причине значимому психологическому последствию применения информационных технологий.

При его создании мы обратились к классической клинической концепции невоплощенности (*unembodiment*) шизоидов, более известной как концепция онтологической неуверенности (*ontological insecurity*), автором которой является британский психолог Р. Лэинг. Свое исследование он предвещает словами: «Вообще говоря, очевидно, что обсуждаемое здесь нами с клинической точки зрения является лишь небольшим примером чего-то, во что глубоко вовлечена человеческая природа и во что мы можем привнести лишь частичное понимание» [18, с. 34]. В книге «Расколотое "Я". Экзистенциальное исследование "нормальности" и безумия», ставшей психологическим бестселлером, Р. Лэинг обозначает разнообразные ракурсы изучения феномена, рассматривает процесс развоплощения и экзистенциальное состояние невоплощенности индивида, иерархию основных элементов, конституирующих его мир, способ бытия-в-мире, структурирование разделенного Я, особенности индивидуальности, личностной автономии и отношений с другими людьми, систему

переживаний, специфические образы экзистенциальной тревоги, соотносимые с онтологической неуверенностью.

В нашем конструкте невоплощенности в Интернете и основанной на нем одноименной диагностической методике (НВИ) лишь отчасти реализованы возможности, которыми располагает концепция Р. Лэинга для понимания порожденного информационной эпохой психологического феномена, радикально меняющего жизнь и опыт современного человека [19; 20]. Дальнейшей разработке понятия технологического развоплощения и соответствующего диагностического инструментария, помимо потенциала концепции, может способствовать их сопоставление с родственными понятиями и их эмпирическими эквивалентами. В ряде предшествующих статей невоплощенность в Интернете с помощью одноименной методики изучалась в контексте смыслоутраты [21], самоотчуждения, отчуждения в разных сферах жизни и формах [22], в связи с последствием нормативного использования Интернета – изменением психологических границ – и интернет-зависимостью [23].

Настоящее исследование касается влияния, которое невоплощенность в Интернете оказывает на убеждения в самоэффективности одной из наиболее активных категорий потребителей технологии – студентов вузов. В статье в теоретическом и эмпирическом планах сравниваются конструкты, разработанные в русле направлений психологии, существенно различающихся своей методологией. Учитывая это, мы используем кросс-теоретический подход к интеграции теорий [24], позволяющий соотносить теории по одному из трех вариантов: система – система, система – подсистема, перекрещивание систем. Условием интегрирования теорий по первому варианту может быть поиск и обнаружение общего у обеих теорий, причем эта новая общность должна быть шире отдельных теорий, т. е. вбирать их в себя. Второй вариант предполагает, что одна из теорий

¹ Выступление Маршалла Маклюэна на семинаре профессора Форсдейла 17.07.1978. Тичерс-Колледж, Университет Колумбии, Нью-Йорк. Режим доступа: <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/> (дата обращения: 20.06.2021).

включает в себя другую как подсистему. Наконец, в рамках третьего варианта каждая теория рассматривается одновременно как самостоятельная система и как подсистема другой теории, тем самым каждая теория имеет свои системные качества и маркеры подсистемы другой теории.

Социально-когнитивная концепция А. Бандуры являет собой трансформацию бихевиоризма, связанную с включением в орбиту его интересов понятий, относящихся к гуманитарной парадигме психологии, в частности, таких как *личность* и *Я*. Эти понятия, объединяющие теории, оказываются шире них. Таким образом, обнаруживается общее между двумя концепциями – экзистенциальной и когнитивной, что позволяет рассматривать интеграцию теорий по типу *система – система*.

Согласно принципу дополнительности, предпринимаемое нами исследование позволит представить психологическую реальность невоплощенности в Интернете более полно, т. к. «теории – это своего рода "гносеологические ножницы", ... чем шире их размах, т. е. чем больше расхождение между соперничающими теориями, тем больше знания они "вырезают"» [25, с. 266].

Конструкт невоплощенности в Интернете

Развоплощение в Интернете обязано своим происхождением в первую очередь самим информационным технологиям. Вопрос об изменениях такого рода был поставлен в исследованиях В. А. Емелина, Е. И. Рассказовой и А. Ш. Тхостова, которые в свою психологическую модель последствий нормативного пользования техническими средствами (компьютером, Интернетом и мобильным телефоном) включили психологическую зависимость от них, расширение и размывание психологических границ, утрату приватности, изменение структуры потребностей, структуры деятельностей, мотивации и навыков [26; 27, с. 56]. Операционализовав модель, они выделили три вида последствий: нарастание психологической зависимости, изменения в сфере потребностей и изменение психологических границ (в качестве системообразующего) [27, с. 60], которое дало название набору диагностических методик, соответствующих разным техническим средствам (МИГ-ТС).

Отметим значительную область пересечения изменения психологических границ и развоплощения как последствий нормативного использования Интернета. Отчуждение тела с необходимостью предполагает нарушение нормального ощущения психологических границ, «так как именно по отношению к нему (поскольку это мое тело) занимает положение и определяется все существующее» [28, с. 10]. Расширение и размывание психологических границ достигается благодаря «отвязке» развоплощенного пользователя от места его физического пребывания, способности ментального Я преодолевать любые расстояния. Однако если расширение и размывание психологических границ означает также их проницаемость, утрату личной

приватности, то развоплощение является фактором, скорее способствующим ее сохранению [23].

Норму развоплощения Я современного человека можно определить исходя из того, что «в бытии-действии виртуальная реальность – только недород бытия, низший горизонт минимальных недо-обналиченных событий; тогда как человек – Нексус, действующая связь между всеми горизонтами. Горизонты имеют порядок, и, наряду с низшим горизонтом, между ними есть высший. И эти простые вещи достаточно ясно говорят, какими же должны быть отношения человека и виртуальной реальности» [29]. Бытию-действию в единстве его горизонтов сопутствуют переживания полноты, изобилия, ценности. Проводником подобного бытия в мир является *витальное воплощенное Я*, которое ощущается как цельное, субстанциональное, реальное, живое, в то время как виртуальному развоплощенному Я с его специфическими переживаниями отводится роль частной, подчиненной ипостаси человека-Нексуса.

Должный порядок горизонтов бытия нарушается по мере того, как предпочтение отдается реальности, создаваемой посредством информационных технологий. Кумулятивный характер этого процесса нашел отражение в эмпирическом конструкте последствий нормативного использования технических средств Е. И. Рассказовой, В. А. Емелина и А. Ш. Тхостова. В частности, в наборе шкал, относящихся к изменению психологических границ методики МИГ-ТС, помимо *расширения границ в общении и рефлексии нарушения границ*, присутствуют шкалы *предпочтение технологий – простота и предпочтение технологий – возможности*, соотносимые с проблемной пользовательской активностью и интернет-зависимостью. Патология выступает как искажение процессов (в данном случае изменения психологических границ), имеющих место при использовании технологий в норме [27].

В нашем конструкте эти искажения предполагают усугубление процесса развоплощения по мере *предпочтения Интернета*, т. е. предпочтения виртуального мира *единственному реально существующему миру*, недорода бытия – богатству бытия-действия. Сопутствующая невоплощенности девитализация Я находит выражение в переживаниях его слабости, недостаточной личностной согласованности и связности, выброшенности из жизни, утрате чувства реальности.

На рис. 1 обозначены статусы Я, соответствующие исходам развоплощения при нормативной и выходящей за пределы нормы пользовательской активности. Поскольку отчетливая граница между ними отсутствует, а «каждый человек, даже самая невоплощенная личность, переживает самого себя как сложным образом связанного со своим телом» [18, с. 60], можно говорить о месте человека в континууме, крайние точки которого соответствуют оптимальному соотношению витального воплощенного и невоплощенного Я, и практически утратившему связь с телом «*homo virtualis*, который стремится замкнуться

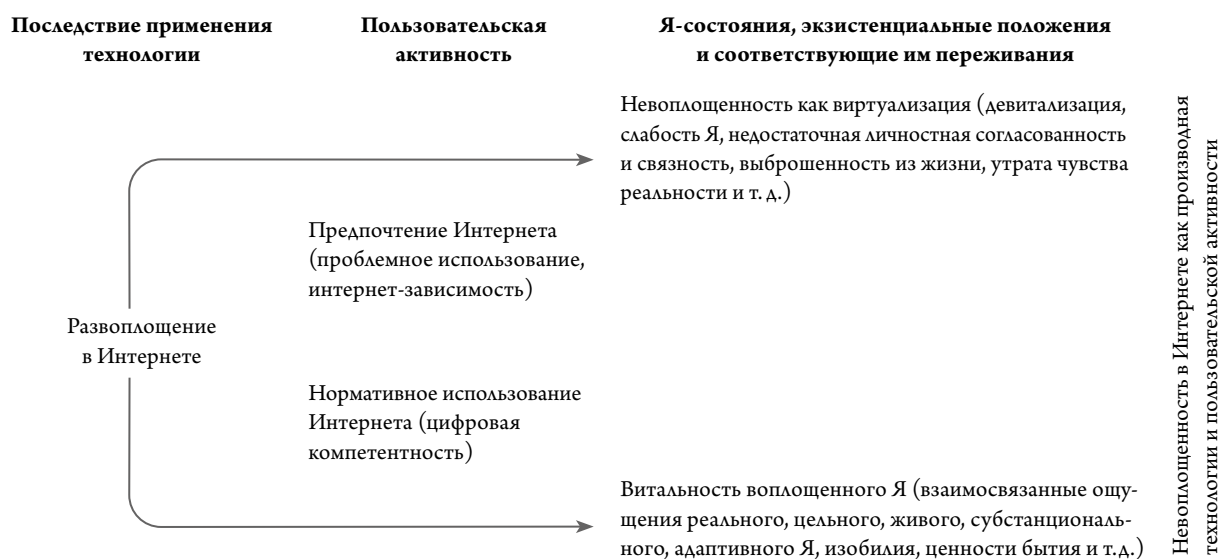

Рис. 1. Конструкт невоплощенности в Интернете
Fig. 1. Construct of disembodiment on the Internet

в горизонте виртуальной реальности, с трудом его покидает и вырабатывает специфические "виртуалистские" стереотипы поведения и деятельности» [29].

Отношение невоплощенности (вариантом которой является виртуализация пользователя информационных технологий) и самооффективности к психологической реальности Я (Self) очевидно уже на уровне исходных англоязычных терминов: *embodid – unembodid self, self-efficacy*.

Самооффективность

Самооффективность – позднее из понятий, введенных А. Бандурой, в фокусе внимания которого изначально находилось поведение. Оно появилось, когда интерес исследователя сместился к личностному опосредствованию поведения [30]. По А. Бандуре Я не является автономной сущностью, концепцией которой человек руководствуется в своем поведении, а выступает как система, состоящая из сознательных когнитивных структур и процессов, соотносимых с поведением и его регуляцией в различных условиях. Подобное толкование следует из теории реципрокного детерминизма (*reciprocal determinism*) А. Бандуры. В ней система Я относится к личности (*person*) – одному из взаимно влияющих друг на друга факторов триады, к которым относятся также поведение (*behavior*) и внешняя среда (*environment*). Я формируется в результате научения, под влиянием среды и уроков, извлекаемых личностью из собственного поведения. В статье *The self system in reciprocal determinism* А. Бандура утверждает: «так как концепции людей, их поведение и их окружение взаимно детерминированы, индивиды не являются ни беспомощными объектами, контролируемые

своим окружением, ни совершенно свободными существами, которые могут делать все, что им вздумается»² [31, р. 356–357]. В то же время самооффективность образует аспект Я системы, задающий внутреннюю логику человеческого поведения, несводимую к влиянию внешней среды.

Невоплощенность в Интернете и самооффективность

А. Бандура акцентировал зависимость убеждений в самооэффективности от вида действий или деятельности, уровня их сложности, условий выполнения и поэтому отдавал предпочтение уточняющей микроаналитической стратегии исследования. Позже в русле социально-когнитивной теории появились разработки, в которых личная эффективность была переосмыслена как глобальное понятие. С. Клонингер, отмечая тот факт, что А. Бандура считал необходимым измерять самооффективность отдельно для каждой конкретной поведенческой сферы, приводит ее исследования иного рода – как широко понятной черты, приложимой ко многим активностям [32, с. 457]. К ним можно отнести разработки Р. Шварцера и М. Ерусалема, исходивших из того, что социальные ситуации порождают ожидания не только частного, но и генерализованного характера, и предложивших инструментарий для измерения общей самооэффективности [33], используемый нами в последующем эмпирическом исследовании.

Предложенный конструкт невоплощенности в Интернете подразумевает систему переживаний пользователя, соответствующих разделенному Я (развоплощенному и витальному, воплощенному). В концепции Р. Лэйнга проблематика воплощенности (ментального Я в теле)

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

и онтологической уверенности (*security*, в русском переводе – также безопасность), являющейся фундаментом любой другой уверенности [18, с. 35], в значительной мере совпадает. Развоплощение негативно отражается на восприятии человеком своего бытия «как отличающегося при обычных условиях от остального мира настолько явно, что его индивидуальность и автономия никогда не ставятся под сомнение» [18, с. 35].

Понимание общей самоэффективности как системы ожиданий человека в отношении своей способности управлять жизнью, менять ее в желаемом направлении созвучно канонам экзистенциальной психологии. К ее тезаурусу принадлежит понятие жизни, которое, впрочем, как «крайне невинное», предпочитали заменять хорошо проработанным понятием бытия [34].

В отличие от А. Бандуры, считавшего физическое состояние человека лишь одним из источников самоэффективности [35], Нил Чешир и Гельмут Томе принимают его за константу любого поведения, любой успешной активности: «Личностная дееспособность, которую Альберт Бандура [36] назвал "самоэффективностью", в клинической области часто считают тесно связанной с чувством личностной безопасности, в котором особое значение принадлежит телу. Эффективное поведение, каким бы ни были его проявления в зависимости от обстоятельств, так или иначе связано со способностью тела нормально функционировать. В свою очередь, ровное, налаженное, ничем не затрудняемое функционирование тела существенно повышает чувство безопасности – имеется в виду уверенность в своем личностном тождестве и в том, что ты отличаешься от других людей» [37, с. 32].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что представленные в настоящем исследовании аспекты системы Я, выделенные в рамках различных психологических подходов, интерпретируются в качестве бытийных феноменов, имеющих отношение к проблематике физического Я. Экзистенциальный концепт невоплощенности в Интернете, однако, обнаруживает последствия «информационно-технической замены удовольствия быть человеком» [38, с. 78], проявляющиеся в переживаниях самооценки, ценности индивидуального бытия. Хотя составляющие концепт когнитивной психологии убеждения, ориентированные на критерии способностей, компетентности, достижений и успеха, относятся преимущественно к бытию социальному, они в той или иной степени подразаывают телесное благополучие.

Невоплощенность в Интернете и самоэффективность в юности

Характеристики Я являются центральными для развития в юности, которая, как утверждал Э. Эриксон, всегда и везде – «это время самоутверждения, когда кажется, что на гребне технологических, экономических или идеологических течений можно приобрести все для юношеской

вitalности» [39, с. 100]. Задачей этого важнейшего периода жизни он считал ресинтезирование всех идентификаций детства и формирование на основе экспериментирования с идентичностью ее первой целостной формы. Опорами развитого чувства идентичности, без которого в «социальных джунглях» человеческого общества невозможно сохранить ощущение жизни, являются Эго, организм и социум. Такое чувство, означающее благополучное разрешение юношеского кризиса идентичности, требует интеграции многочисленных Я-образов по осям времени и ролевого социального пространства. Сегодня, для того чтобы достичь переживания целостности (Я есть Я), молодому человеку необходимо проделать аналогичную работу в отношении своих Я-образов в виртуальной реальности, а также объединить Я офлайн и Я онлайн. Один из крупнейших социологов современности Э. Гидденс в книге «Модернити и самоидентичность» [40], подчеркивая динамизм идентичности, уязвимость, склонность к фрагментации при наличии разнообразия возможных образов для идентификации, тем не менее определяет ее в духе Э. Эриксона через «постоянное чувство непрерывной духовной и телесной личности» [40, p. 55].

Гипотезы исследования

В юности витальное целостное Я, соотносимое с чувством личной самотождественности, самооценки с необходимостью дополняет самоэффективность, основанную на групповой идентичности, «технологической гордости» за обретение своего места в обществе и профессиональной принадлежности [39, с. 114]. Предпринимаемое нами эмпирическое исследование предполагает выявление связи аспектов Я студентов, соотношение которых определяет меру технологического развоплощения, с аспектом Я, отражающим их убеждения относительно своей социальной жизне- и дееспособности, попытку ответа на вопрос о приобретениях и потерях для юношеской витальности, которые несут с собой информационные технологии.

В соответствии с идеей об интеграции теорий невоплощенности в Интернете и самоэффективности по типу *система – система*, общее между ними может быть обнаружено с помощью корреляционного анализа. С учетом полярных аспектов Я, имеющих в конструкте невоплощенности в Интернете, ожидается следующая направленность связи: *невоплощенность в Интернете* и ее частные измерения, *невоплощенность как виртуализация и предпочтение Интернета*, указывающее на особенности пользовательской активности, отрицательно взаимосвязаны с *самоэффективностью*, а *витальное воплощенное Я* – положительно.

По преимуществу бытийные основания невоплощенности в Интернете и социальные – личной эффективности позволяют предположить наличие специфики самоидентификации в группах студентов, различающихся профилем соответствующих интегральных показателей.

Методы и материалы

Участники

Выборку исследования составили 415 студентов гуманитарного профиля обучения в возрасте 17–22 лет ($M=18,63$; $SD=0,88$): 122 юноши, 293 девушки.

Психодиагностический инструментарий

Для оценки невоплощенности в Интернете использовался соответствующий опросник «Невоплощенность в Интернете» [20], включающий три частных шкалы и одну общую (показатель которой составлял разницу суммы двух первых субшкал и третьей субшкалы).

1. *Невоплощенность как виртуализация* раскрывает негативные переживания, связанные с бестелесным состоянием. Невоплощенность предполагает проблематизацию собственного существования, ощущение его иллюзорности. Под сомнение ставится реальность Я, отождествляемого со своими ролями и персонажами в Интернете, отстраненного от тела, поведения, поступков в реальной жизни.
2. *Предпочтение Интернета* обнаруживает привлекательные стороны онлайн-существования, опосредованного общения и положения невоплощенности. К мотивам предпочтения Интернета относятся: безопасность общения и самовыражения, анонимность, компенсаторная функция «жизни на экране». Их действие может привести к состоянию, которое Р. Лэинг вслед за С. Кьеркегором назвал «заколоченностью», ограниченностью существования миром фантазий.
3. *Витальность воплощенного Я* объединяет характеристики, альтернативные невоплощенности. Пункты шкалы указывают на жизнеспособность личности, ее адаптивность, саморегуляцию, управление жизнью офлайн. Она описывает личность, которая «ощущает, что состоит из плоти, крови и костей, что она биологически жизнеспособна и реальна» [18, с. 61]. К характеристикам, присущим воплощенному в теле самообосновывающему Я, относятся: удовлетворенность своим телом (здоровьем, внешностью, качеством сна), сохранность психических функций (памяти как фундамента психического). Некоторые из них по своему смыслу противоположны параметрам, составляющим физический аспект интернет-зависимости. Витальность воплощенного Я может выступать в качестве ресурса, противодействующего развитию невоплощенности при взаимодействии с Интернетом.
4. Общая шкала *Невоплощенность в Интернете* характеризует меру, в которой пользователь ощущает себя нереальным физически и экзистенциально, соответствующую выраженности его ориентации на жизнь в «пространстве позади экрана» технического средства. Низкие показатели могут указывать на то, что развоплощение пользователя посредством информационных технологий включено в воплощенное

бытие за пределами Интернета и подчинено ему. Низкие показатели могут быть также результатом установки на социальную желательность при заполнении опросника.

Конструктивную валидность методики подтвердили результаты анализа главных компонент и конфирматорного факторного анализа на выборке 809 человек в возрасте 17–25 лет ($M=18,7$; $SD=1,0$). Одномоментная надежность шкал составляла от 0,7 до 0,9. Шкалы *витальность воплощенного Я* и *предпочтение Интернета* обнаружили высокий уровень дискриминативности, шкала *невоплощенность как виртуализация* – умеренный. Нашли подтверждение внутренняя и внешняя конвергентная и дискриминантная валидности методики [20].

Для оценки самооффективности использовалась методика «Шкала общей самооффективности» Р. Шварцера, М. Ерусалема в адаптации В. Г. Ромека [41].

Анализ данных

Сырые данные были стандартизированы, переведены в Т-баллы со средним 50 и стандартным отклонением 10. Затем была проверена нормальность распределения на основе анализа асимметрии и эксцесса. Значения асимметрии и эксцесса в пределах ± 1 могут считаться отличными, а ± 2 – приемлемыми [42, р. 114–115].

В соответствии с первой гипотезой изучались взаимосвязи невоплощенности в Интернете с самооффективностью студентов. Для этих целей использовался корреляционный анализ Пирсона.

Для тестирования второй гипотезы выборка была разделена на подгруппы на основании иерархического кластерного анализа (метрика – квадрат евклидовых расстояний, метод объединения – метод Уорда). Переменными, по которым осуществлялось деление выборки на кластеры, были общая шкала невоплощенности в Интернете и самооффективность. Оптимальное количество кластеров определялось с помощью анализа дендрограммы. Затем различия в группах изучались с помощью многомерного и одномерного дисперсионного анализа (множественные сравнения – критерий Тьюки). Взаимосвязи между переменными исследовались с помощью корреляционного анализа.

Анализ данных производился в среде языка программирования R.

Результаты

Проверка допущений к использованию параметрических критериев

Проверка асимметричности распределения тестируемых показателей выявила приемлемый уровень асимметрии для невоплощенности как виртуализации ($As=1,15$) и отличный – для остальных показателей. Эксцесс был отличным для всех переменных. Полученные результаты позволяют использовать параметрические критерии для дальнейшего статистического анализа.

Взаимосвязь невоплощенности в Интернете с самооффективностью студентов

В результате корреляционного анализа по критерию Пирсона (табл. 1) в общей выборке выявлены ожидаемые обратные связи невоплощенности как виртуализации ($r=-0,24$; $p<0,001$), предпочтения Интернета ($r=-0,21$; $p<0,001$) и общего показателя НВИ ($r=-0,41$; $p<0,001$) с показателем самооффективности, а также прямая взаимосвязь между витальностью воплощенного Я и самооффективностью ($r=0,56$; $p<0,001$).

Табл. 1. Взаимосвязь невоплощенности в Интернете с самооффективностью студентов

Tab. 1. The relationship of disembodiment on the Internet with students' self-efficacy

Шкала	Самооффективность	Невоплощенность как виртуализация	Предпочтение Интернета	Витальность воплощенного Я
Невоплощенность как виртуализация	-0,24***	–	–	–
Предпочтение Интернета	-0,21***	0,45***	–	–
Витальность воплощенного Я	0,56***	-0,36***	-0,21***	–
Невоплощенность в Интернете	-0,41***	0,89***	0,70***	-0,63***

Прим.: N=415; *** – $p<0,001$.

Э. Гидденс, развивающий идеи Р. Лэинга, вслед за ним констатирует: «тело не просто "сущность", оно переживается как практический способ совладания с внешними обстоятельствами, ситуациями и событиями» [40, р. 56]. Виртуализация, неостребованность тела в киберпространстве, предпочтение активности онлайн означают ограничение

общей самооффективности студентов, их веры, готовности и реальной способности решать проблемы, достигать свои цели, преодолевать трудности, контролировать ситуации. Полученные данные позволяют заключить, что компетентности, на которых она базируется, принадлежат воплощенной части Я, противостоящей технологическому развоплощению.

Переживания слабости Я, девитализации, утраты реальности, сопутствующие пребыванию в интернет-среде, усугубляются проблемной пользовательской активностью: невоплощенность как виртуализация и предпочтение Интернета взаимосвязаны ($r=0,45$; $p<0,001$). В той мере, в какой виртуализация Я и предпочтение виртуальной реальности теснят воплощенное витальное Я, невоплощенность в Интернете приобретает смысл своего рода инвалидизации пользователя технологии за пределами Сети. Если следовать А. Адлеру [43], подобная тотальная органическая неполноценность усиливает одноименное чувство. В качестве его выражения можно рассматривать ослабление веры молодых людей в личную эффективность, в успех предпринимаемых действий и деятельности, снижение ощущения своей состоятельности по отношению к широкому кругу актуальных социальных офлайн-ситуаций.

В свете второй из гипотез нашего исследования, ввиду различий оснований переживания виртуализации – воплощенности в Интернете и убеждений в самооффективности, можно ожидать, что картина их соотношения в группах будет менее однозначной.

Группы студентов, различающиеся уровнем невоплощенности в Интернете и самооффективностью

Проведенный иерархический кластерный анализ (метрика – квадрат евклидовых дистанций, метод объединения – метод Уорда) и анализ полученной дендрограммы (рис. 2) позволил выделить четыре кластера (рис. 3). В табл. 2 представлены средние значения тестируемых переменных отдельно по кластерам, результаты множественных сравнений по критерию Тьюки и характеристики модели – критерий F и уровень значимости для него.

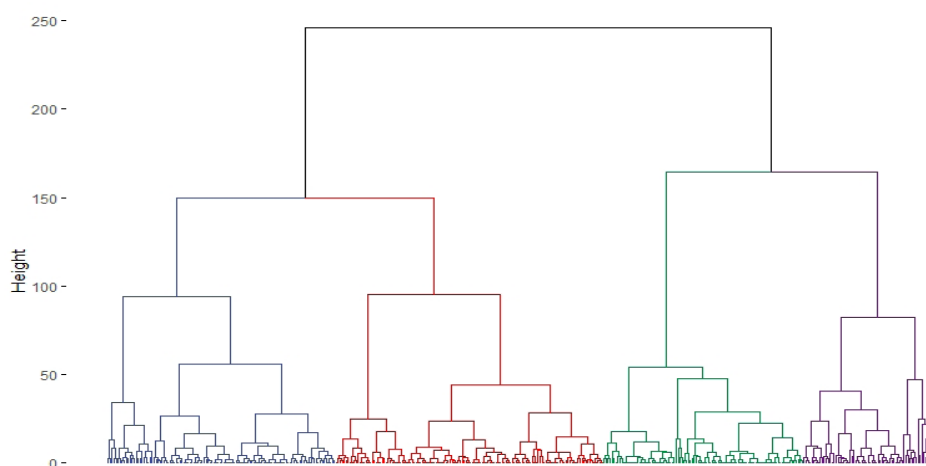

Рис. 2. Дендрограмма кластерного анализа, представляющая четыре группы студентов, которые различаются уровнем невоплощенности в Интернете и самооффективностью
Fig. 2. Cluster analysis: four groups of students with different level of Internet disembodiment and self-efficacy

Как видно из рис. 3 и табл. 2, в выделенных кластерах представлены все возможные сочетания значений переменных, для краткости назовем вошедших в соответствующие кластеры студентов:

- 1) воплощенные эффективные,
- 2) невоплощенные неэффективные,
- 3) умеренно воплощенные неэффективные,
- 4) умеренно невоплощенные эффективные.

Об условности этих наименований свидетельствуют средние показатели невоплощенности в Интернете и самооэффективности в Т-баллах (табл. 2), которые в основном располагаются в диапазоне от 40 до 60. Однако в пределах нашей выборки и с учетом значимости различий между группами они допустимы.

Все четыре обнаруженные группы значимо не различаются по полу и возрасту, это может указывать на отсутствие вклада половозрастных характеристик в различие групп. Представим характеристики групп.

Воплощенные эффективные (кластер 1) – группа по объему несколько превышающая остальные три – 134 человека (32,3 % общей выборки). Показатели, указывающие на позитивное самовосприятие (*витальность воплощенного Я*, самый высокий по сравнению с другими группами, и самооэффективность, более высокий, чем в двух

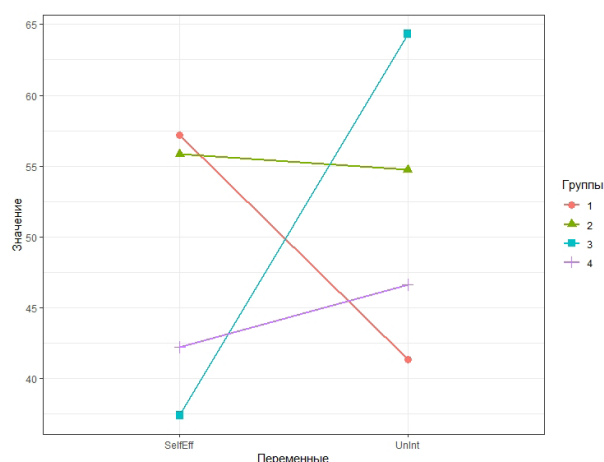

Рис. 3. Средние кластеров по переменным невоплощенности в Интернете и самооэффективности

Fig. 3. Cluster means by variables of disembodiment on the Internet and self-efficacy

группах), располагаются на верхней границе нормы, а свидетельствующие об избыточном развоплощении (*невоплощенность в Интернете, невоплощенность как виртуализация и предпочтение Интернета*) – на нижней.

Табл. 2. Результаты сравнения переменных невоплощенности в Интернете и самооэффективности отдельно по каждому кластеру

Tab. 2. Variables of Internet disembodiment and self-efficacy for each cluster

Переменные	Группы				Множественные сравнения						F-критерий (3, 411)
	1. Воплощенные эффективные	2. Умеренно невоплощенные эффективные	3. Невоплощенные неэффективные	4. Умеренно воплощенные неэффективные	2–1	3–1	4–1	3–2	4–2	4–3	
Объем кластера (N)	134	114	67	100	–	–	–	–	–	–	–
%	32,3	27,5	16,1	24,1	–	–	–	–	–	–	–
Пол	1,7	1,7	1,7	1,8	–	–	–	–	–	–	F=0,68; p=0,563
Возраст	18,7	18,6	18,6	18,6	–	–	–	–	–	–	F=0,22; p=0,881
Самооэффективность	57,2	55,8	37,4	42,2	–	***	***	***	***	***	F=267,21; p<0,001
Невоплощенность как виртуализация	42,7	55,3	62,1	45,1	***	***	*	***	***	***	F=159,06; p<0,001
Предпочтение Интернета	44,5	53,8	59,1	47,1	***	***	–	***	***	***	F=57,64; p<0,001
Витальное Я	57,1	49,4	39,0	48,6	***	***	***	***	–	***	F=78,72; p<0,001
Невоплощенность в Интернете	41,3	54,7	64,3	46,6	***	***	***	***	***	***	F=281,04; p<0,001

Прим.: * – p<0,05; *** – p<0,001; (3, 411) – степени свободы для F-критерия.

С ростом выраженности *витальности воплощенного Я* падает *невоплощенность в Интернете* ($r=-0,59$; $p<0,001$), а *самоэффективность*, напротив, растет ($r=0,41$; $p<0,001$) (табл. 3).

Р. Лэйнг считал воплощенность лишь отправной точкой для становления цельной личностью, а также «предпосылкой иерархии возможностей, отличной от иерархии, открытой для личности, переживающей себя с точки зрения дуализма "я" и тела» [18, с. 63]. Из полученных данных следует, что студенты обсуждаемой группы не только

Табл. 3. Результаты корреляционного анализа отдельно для каждого кластера

Tab. 3. Correlation analysis for each cluster

N	Шкала	Самоэффективность	Невоплощенность как виртуализация	Предпочтение Интернета	Витальность воплощенного Я
Кластер 1	Невоплощенность как виртуализация	-0,1	-	-	-
	Предпочтение Интернета	-0,17*	-0,12	-	-
	Витальность воплощенного Я	0,41***	-0,05	0,11	-
	Невоплощенность в Интернете	-0,44***	0,38***	0,61***	-0,59***
Кластер 2	Невоплощенность как виртуализация	0,1	-	-	-
	Предпочтение Интернета	0,11	0,25**	-	-
	Витальность воплощенного Я	0,37***	0,14	0,34***	-
	Невоплощенность в Интернете	-0,01	0,86***	0,55***	-0,12
Кластер 3	Невоплощенность как виртуализация	-0,07	-	-	-
	Предпочтение Интернета	-0,06	-0,02	-	-
	Витальность воплощенного Я	0,46***	-0,07	-0,18	-
	Невоплощенность в Интернете	-0,26*	0,75***	0,5***	-0,56***
Кластер 4	Невоплощенность как виртуализация	0,02	-	-	-
	Предпочтение Интернета	0,11	-	-	-
	Витальность воплощенного Я	0,08	-0,09	0,09	-
	Невоплощенность в Интернете	0,03	0,63***	0,56***	-0,54***

Прим.: n1=134; n2=114; n3=67; n4=100; * – $p<0,05$; ** – $p<0,01$; *** – $p<0,001$.

обладают такой отправной точкой в период самоопределения, но и реализуют в качестве одной из возможностей, открывающихся для личности, подлинно основанной на своем теле, высокую общую самоэффективность.

Переживания личностного тождества и витальности студентов группы восходят к самовосприятию Я как воплощенного, цельного реального, подлинного, а также генерализованному ожиданию самоэффективности, успешности в широком спектре деятельности. Ощущение самоценности молодых людей в соответствии с внутренними критериями и критериями компетентности, результативности в социуме совпадает. Это благоприятный фактор для юности, к значительным достижениям которой К. Г. Юнг относил становление социальным существом и преобразование своей первоначальной природы так, чтобы она более или менее отвечала этой форме существования, даже если утверждение социальной цели происходит за счет цельности личности [44, с. 193–194].

В условиях дополнения «обычной» социализации цифровой технологическое развоплощение составивших группу молодых людей следует признать нормативным. С этим согласуется относительно низкий показатель *предпочтения Интернета*, указывающий на проблемную пользовательскую активность.

Умеренно воплощенные неэффективные (кластер 4) – довольно значительная по размерам группа студентов – 100 человек (24,1 %). Низкие общий показатель *невоплощенности в Интернете* и частный – *невоплощенность как виртуализация* уступают только предыдущей группе, а *предпочтение Интернета*, которое в этих группах совпадает по уровню, ниже, чем в двух оставшихся. Таким образом, технологическое развоплощение в группе соответствует скорее нормативному использованию Интернета. При этом только в ней показатели методики НВИ и общей самоэффективности не связаны между собой, в том числе показатель *витальность воплощенного Я*, предполагающий ее рост в трех других группах ($r=0,02\div0,11$; $p>0,05$). Отметим также общую тенденцию, которая становится очевидной при рассмотрении отдельных групп и не видна при изучении всей выборки в целом: витальность воплощенного Я, сохраняя положительные связи с самоэффективностью (кроме кластера 4), теряет связи с субшкалами НВИ (кроме кластера 2).

От группы *воплощенных эффективных* обсуждаемую группу отличает не высокий, а средний уровень показателя *витальность воплощенного Я*. Место группы в обозначенном Р. Лэйнгом континууме *воплощенность – невоплощенность* соответствует положению большинства людей, идентифицирующих себя с телом: между позитивным и негативным полюсами здоровья – нездоровья. «Обычный» уровень воплощенности предполагает более или менее серьезную «трещину» в ядре бытия, между ментальным Я и телом, не имеющую прямого отношения к виртуализации в Интернете, как правило, она не рефлексивируется и обнаруживается в дефиците чувствительности к важным сигналам,

которые посылает тело. А. Маслоу и К. Роджерс, мыслившие самость как организмическую по природе, видели основное препятствие на пути к ее актуализации в ориентации на внешние требования. Укорененность в собственном теле не отменяет необходимости утверждения человеком своей воплощенности в бытии посредством создания других опор, осознанного структурирования надежного бытия-в-мире. Вопрос о витальности Я – это вопрос ответственности человека за избранный им способ существования, меру воплощенности, определяемую участием в жизни.

Это может объяснить в самом общем плане, почему в группе, относительно благополучной с точки зрения технологического развоплощения, низкий показатель *самоэффективности*. Более конкретные причины такой оценки студентами своих социальных достижений, очевидно, остались за границами исследования.

Невоплощенные неэффективные (кластер 3) – самая меньшая по размерам группа – 67 человек (16,1 %), с профилем, зеркальным по отношению к профилю первой из рассмотренных групп. Это единственная группа, в которой большинство показателей оказались за пределами нормы, несколько выше 60 (*невоплощенность в Интернете, невоплощенность как виртуализация*) или ниже 40 Т-баллов (*воплощенное, витальное Я и самоэффективность*).

Технологическому развоплощению, более выраженному по сравнению с другими группами, переживанию себя с точки зрения дуализма Я и тела соответствует сужение возможностей, соответствующих целостному Я, к которым можно отнести общую самоэффективность. Облик иной иерархии возможностей, о которой писал Р. Лэйнг, благодаря информационным технологиям существенно меняется. Л. В. Баева обозначает новые решения экзистенциальных проблем в условиях электронной культуры, открывающие возможности преодоления человеком собственной конечности (бытие к смерти), выбора условий онлайн-существования (заброшенность в мир), неограниченных масштабов трансценденции в мир, свободы выбора в Сети: быть или не быть, каким и где быть, принимать или отвергать предлагаемые условия и нормы. Попутно возникающие экзистенциальные вызовы, представленные автором, выглядят не менее впечатляюще. Утрату границ реальности, абсурдность отношений *виртуальный Я и виртуальный Другой*, зависимость от виртуального взаимодействия, виртуальную объективацию, одиночество в Сети, относительность свободы виртуального выбора [45] можно рассматривать в качестве проявлений глобального антропологического кризиса современности, причиной которого является трансформация опыта человека, наделенного исчезающим, диджитал-телом [46].

Самые низкие показатели, указывающие на самоценность в группе, можно связать с разочарованием студентов в электронной версии экзистенции, на приверженность которой может указывать показатель *предпочтение Интернета*, наиболее высокий по сравнению с остальными группами.

Не исключена вероятность, что составившие группу студенты являются интернет-зависимыми.

Выходящее за границы нормы технологическое развоплощение, определенная «слабость» воплощенного витального Я, недостаточное чувство личной эффективности могут расцениваться как свидетельствующие о нехватке ощущения самого себя как бытия в своем праве [18, с. 195], «чувства своей неотъемлемой самости и личной тождественности» [18, с. 32], «надежно заложенного ощущения индивидуальности» [18, с. 112–113]. Подобную возможность предсказывал М. Маклюэн, который говорил, что «Электрический век» вместе с телом лишил людей индивидуальности.

Если во времена, предшествовавшие цифровизации, Р. Лэйнг связывал невоплощенность с индивидуальными особенностями, наличие в популяции обсуждаемой группы позволяет сделать вывод, что дефицит воплощенности как возможное следствие использования технологий, подкрепленное характером пользовательской активности, представляет собой достаточно массовое явление, сопровождающее, в частности, социализацию молодежи.

Умеренно невоплощенные эффективные (кластер 2) – 114 человек (27,5 %). Относительно высокие показатели в группе *невоплощенности как виртуализации, предпочтения Интернета и невоплощенности в Интернете* уступают только предыдущей группе, а высокий показатель *самоэффективности* значимо не отличается от показателя воплощенных эффективных студентов.

Корреляционный анализ в группе выявил ряд уникальных связей. В отличие от других групп, *невоплощенность как виртуализация* положительно коррелирует с *предпочтением Интернета* ($r=0,25$; $p<0,01$). Соответственно переживания невоплощенности усиливаются пользовательской активностью.

Витальное воплощенное Я представлено на среднем уровне и коррелирует не только с *самоэффективностью* ($r=0,37$; $p<0,001$), как в двух других группах, но также, в отличие от всех остальных, значимо связано с *предпочтением Интернета* ($r=0,34$; $p<0,001$). Оценка Я как жизнеспособного и адаптивного, способного овладеть обстоятельствами, справиться с разными ситуациями, диссоциирует с выбором опосредствованного, не требующего прямого контакта, контролируемого анонимного общения, с защитным поведением в Сети.

Характерная только для этой группы косвенная связь проблемного использования технологии с самоэффективностью позволяет применить к ней эпитет *общая* в смысле отношения как к офлайн-, так и онлайн-активностям. С учетом сомнительности преимуществ, которые дает предпочтение Интернета, вера в личностную эффективность, представляющая собой, по мнению А. Бандуры, всего лишь суждение, верное или неверное, в этой сфере представляется не вполне обоснованной. Не исключено, что в сознании пользователей смешивается самовосприятие в разных условиях: бесконечной, но искусственной вселенной Интернета

и в пределах доступного им, ограниченного, но реального мира. Приведенные данные, указывающие на определенную увлеченность защитными возможностями Интернета, могут служить аргументом в пользу склонности студентов группы к интернет-зависимости. В случае собственно зависимости на первый план выступает разочарование, как в группе невоплощенных неэффективных.

Дефицит личностной целостности, связанный с развоплощением в Интернете, проявляется в группе выполняющим защитную роль расхождением оценки собственного Я по внутренним критериям подлинности, ценности, реальности и условной социальной успешности, эффективности. В группе невоплощенных неэффективных с более выраженным расколом Я это противоречие снимается общей негативной идентификацией.

Заключение

Обоснованные в статье общность и различие конструктов невоплощенности в Интернете и самооффективности, относящихся к психологической реальности двух ипостасей Я, технологически дематериализованного и основанного на теле, подтверждена результатами корреляционного анализа в общей выборке. С виртуализацией Я, потенцируемой проблемной пользовательской активностью, подавляется воплощенное витальное Я, ослабевает вера молодых людей в личную эффективность по отношению к широкому кругу актуальных социальных ситуаций.

Выделены группы студентов, различающиеся уровнем невоплощенности в Интернете и общей самооффективностью. Спектр представленных вариантов развоплощения, соотношения витального воплощенного Я и невоплощенности как виртуализации соответствует обозначенному в статье теоретическому конструкту. Особенности групп позволяют заключить:

- уровню технологического развоплощения, выходящему за пределы нормы (возможно, предполагающему интернет-зависимость), соответствует низкая самооэффективность и в целом негативная самоидентификация (16,1 % выборки);

- средний уровень технологического развоплощения (возможно, соотносимый со склонностью к интернет-зависимости) предполагает недостаточную достоверность самооффективности и внутренние противоречия самоидентификации (27,5 % выборки);
- относительно низкий уровень технологического развоплощения, который может быть признан нормативным, не гарантирует высокой самооффективности, являясь скорее отправной точкой движения в этом направлении, достаточно позитивной самоидентификации в бытийном плане не соответствует оценка себя в плане социальной успешности (24,1 % выборки);
- низкий, очевидно, нормативный уровень технологического развоплощения при высоком уровне выраженности воплощенного витального Я предполагает реализацию в качестве возможности, открывающейся для цельной личности, высокую общую самооэффективность, идентификация с точки зрения бытийной самооценности и критериев достижений в социуме совпадает (32,3 % выборки).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07046.

Funding: The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-29-07046.

Литература / References

1. Белинская Е. П. Человек в информационном мире. *Социальная психология в современном мире*, ред. Г. М. Андреева, А. И. Донцов. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 203–220. [Belinskaya E. P. Man in the information world. *Social psychology in the modern world*, eds. Andreeva G. M., Dontsov A. I. Moscow: Aspekt Press, 2002, 203–220. (In Russ.)]
2. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с. [Voiskunsky A. E. *Psychology and the Internet*. Moscow: Akropol, 2010, 439. (In Russ.)]
3. Демильханова А. М. Влияние виртуальной реальности на образ Я (на примере ролевых компьютерных игр): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2009. 24 с. [Demilkhanova A. M. *The effect of virtual reality on the image of Self in role-playing computer games*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Yaroslavl, 2009, 24. (In Russ.)]
4. Емелин В. А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе. *Национальный психологический журнал*. 2016. № 3. С. 86–97. [Emelin V. A. Simulacra and virtualization technologies in information society. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*, 2016, (3): 86–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2016.031>

5. Марарица Л. В., Антонова Н. А., Ерицян К. Ю. Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности. *Петербургский психологический журнал*. 2013. № 5. С. 35–49. [Mararitsa L. V., Antonova N. A., Eritsyen K. Yu. Internet communication: potential threat or resources for a person. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 2013, (5): 35–49. (In Russ.)]
6. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. *Образование и наука*. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124. [Soldatova E. L., Pogorelov D. N. The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem. *The Education and Science Journal*, 2018, 20(5): 105–124. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
7. Чудова Н. В. Особенности образа «Я» «жителя Интернета». *Психологический журнал*. 2002. Т. 23. № 1. С. 44–52. [Chudova N. V. Image of Self in Internet users. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2002, 23(1): 44–52. (In Russ.)]
8. Шабшин И. И. О психологических особенностях общения в Интернете. *Московский психотерапевтический журнал*. 2005. № 1. С. 158–182. [Shabshin I. I. Psychological characteristics of communication on the Internet. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2005, (1): 158–182. (In Russ.)]
9. Bell D. *An introduction to cybercultures*. London-NY: Routledge, 2001, 246.
10. Lawson D. M. C. *Gary Becker and the quest for the theory of everything*. University of Notre Dame, 2004.
11. Marwick A. E. *Selling your self: online identity in the age of a commodified internet*. Diss. University of Washington, 2005, 188.
12. Munn L. *Digital Disembodiment*. Master's thesis, Auckland University of Technology, 2014.
13. Reid E., Deaux K. Relationship between social and personal identities: segregation or integration? *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996, 71(6): 1084–1091. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.6.1084>
14. Rheingold H. *The virtual community: homesteading on the electronic frontier*. Reading, MA: Addison Wesley, 1993, 325.
15. Suler J. R. Identity management in cyberspace. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*, 2002, 4(4): 455–459.
16. Turkle S. *The second self: computers and the human spirit (twentieth anniversary edition)*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2005, 387.
17. Turkle S. *Life on the screen: identity in the age of the Internet*. NY: Simon & Schuster, 1995, 247.
18. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я». Экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия. Феноменология переживания и Райская птичка. М.: ИОИ, 2017. 350 с. [Laing R. D. *The divided self: an existential study in sanity and madness*. Moscow: IOI, 2017, 350. (In Russ.)]
19. Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 1: теоретические основания и конструкт. *Клиническая и специальная психология*. 2021. Т. 10. № 3. С. 31–48. [Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Unembodiment on the Internet. Part 1: Theoretical basis and construct. *Clinical Psychology and Special Education*, 2021, 10(3): 31–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100303>
20. Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 2. Психометрическая проверка инструментария. *Клиническая и специальная психология*. 2021. Т. 10. № 4. С. 205–233. [Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Unembodiment in the Internet. Part 2. Psychometric verification of the questionnaire. *Clinical Psychology and Special Education*, 2021, 10(4): 205–233. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100410>
21. Коптева Н. В. Невоплощенность в Интернете как предиктор смыслоутраты (на примере студенчества). *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020. Т. 8. № 4. [Kopteva N. V. Unembodiment on the Internet as a predictor of the loss of meaning (a study of university students). *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020, 4(8). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/62PSMN420.pdf> (accessed 15 Feb 2022).
22. Коптева Н. В. Невоплощенность в интернете как новая форма технологического самоотчуждения (на примере студентов гуманитарных вузов). *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2021. Т. 31. № 2. С. 160–169. [Kopteva N. V. Disembodiment on the Internet as a new form of technological self-alienation (based on the study of students of humanitarian institutes of higher education). *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, 31(2): 160–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-2-160-169>
23. Коптева Н. В. Невоплощенность и изменение психологических границ как последствия нормативного использования информационных технологий. Сообщение 1. *Научно-педагогическое обозрение*. 2021. № 4. С. 221–228. [Kopteva N. V. Disembodiment and changes of psychological borders as the effects of normative use of information technologies. Message 1. *Pedagogical Review*, 2021, (4): 221–228. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-4-221-228>
24. Дорфман Л. Я., Калугин А. Ю. Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: ИП РАН, 2021. 279 с. [Dorfman L. Ya., Kalugin A. Yu. *Individual-intellectual integration of a person*. Moscow: IP RAS, 2021, 279. (In Russ.)] https://doi.org/10.38098/mng_21_0438
25. Юревич А. В. Психология и методология. М.: ИП РАН, 2005. 312 с. [Yurevich A. V. *Psychology and methodology*. Moscow: IP RAS, 2005, 312. (In Russ.)]

26. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Разработка и апробация методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС). *Психологические исследования*. 2012. № 2. [Emelin V. A., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. Development and validation of the technique for measurement of changes of psychological boundaries while using technical devices (TPB-TD). *Psychological Studies*, 2012, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v5i22.782>
27. Рассказова Е. И., Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. М.: Акрополь, 2015. 115 с. [Rasskazova E. I., Emelin V. A., Tkhostov A. Sh. *Diagnostics of psychological effects of the impact of information technologies on a person: a teaching guide for psychology students*. Moscow: Akropol, 2015, 115. (In Russ.)]
28. Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 159 с. [Marcel G. *Being and having*. Novocherkassk: Saguna, 1994, 159. (In Russ.)]
29. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. *Вопросы философии*. 1997. № 6. С. 53–68. [Horujy S. S. Gender or pre-gender? Notes on the ontology of the virtual. *Voprosy Filosofii*, 1997, (6): 53–68. (In Russ.)]
30. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, 1977, 84(2): 191–215. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.84.2.191>
31. Bandura A. The self system in reciprocal determinism. *American Psychologist*, 1978, 33(4): 344–358. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.33.4.344>
32. Клонингер С. Теории личности: познание человека. 3-е изд. СПб: Питер, 2003. 720 с. [Cloninger S. *Theories of personality: understanding persons*. 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 720. (In Russ.)]
33. Schwarzer R., Jerusalem M. *Measurement of perceived self-efficacy: psychometric scales for cross-cultural research*. Berlin: Freie Universitat, 1993, 45.
34. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1999. 300 с. [Binswanger L. *Being-in-the-world*. Moscow: KSP+; St. Petersburg: Yuventa, 1999, 300. (In Russ.)]
35. Bandura A. Exercise of personal and collective efficacy in changing societies. *Self-efficacy in changing societies*, ed. Bandura A. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, 1–45. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511527692.003>
36. Bandura A. Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist*, 1982, 37(2): 122–147. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.37.2.122>
37. Чешир Н., Томе Г. Реабилитация Я. *Московский психотерапевтический журнал*. 1996. № 4. С. 23–37. [Cheshire N., Thomae H. Rehabilitation of Self. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 1996, (4): 23–37. (In Russ.)]
38. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет; КДУ, 2009. 257 с. [Baudrillard J. *The transparency of evil*. Moscow: Dobrosvet; KDU, 2009, 257. (In Russ.)]
39. Эриксон Э. Философские сюжеты Эрика Эриксона: переводы работ американского психоаналитика. М.: Канон+, 2017. 416 с. [Erikson E. *Erik Erikson's philosophical plots: translated works*. Moscow: Kanon+, 2017, 416. (In Russ.)]
40. Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991, 256.
41. Ромек В., Шварцер Р., Ерусалем М. Русская версия шкалы общей самооэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*. 1996. № 7. С. 71–77. [Romek W. G., Schwarzer R., Jerusalem M. Russian version of the general self-efficacy scale by R. Schwarzer and M. Jerusalem. *Inostrannaia psikhologiya*, 1996, (7): 71–77. (In Russ.)]
42. George D., Mallery P. *IBM SPSS statistics. 23 step by step: a simple guide and reference*. NY: Routledge, 2016, 386.
43. Адлер А. Индивидуальная психология. СПб.: Питер, 2017. 256 с. [Adler A. *Individual psychology*. St. Petersburg: Piter, 2017, 256. (In Russ.)]
44. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс; Универс, 1993. 336 с. [Jung C. G. *Problems of the soul of our time*. Moscow: Progress; Univers, 1993, 336. (In Russ.)]
45. Баева Л. В. Экзистенциальные риски информационной эпохи. *Информационное общество*. 2013. № 3. С. 18–27. [Bayeva L. V. Existential risks of the information age. *Information Society*, 2013, (3): 18–27. (In Russ.)]
46. Зинченко В. П., Подорога В. А. О человеческой душе и плоти: из выступлений на научно-практической конференции в МосГУ «Междисциплинарные проблемы психологии телесности» (октябрь 2004 г.). *Знание. Понимание. Умение*. 2005. № 1. С. 34–43. [Zinchenko V. P., Podoroga V. A. Human soul and flesh: Proceedings of the scientific-practical conference "Interdisciplinary Issues of the Psychology of Corporeality" (October 2004) at the Moscow University for the Humanities. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2005, (1): 34–43. (In Russ.)]

оригинальная статья

Групповая схема-терапия в снижении стресса родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ

Ким Константин Анатольевич
Дальневосточный федеральный университет, Россия,
Владивосток
<https://orcid.org/0000-0003-4336-1300>
scicon@yandex.ru

Кадыров Руслан Васитович
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, Владивосток
<https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Поступила в редакцию 02.03.2022. Принята после рецензирования 04.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Родительский стресс – это негативная реакция в отношении себя и ребенка, возникающая при оценке уровня загруженности родительской ролью. Результаты исследований родительского стресса показывают, что уровень воспринимаемого стресса у родителей, воспитывающих ребенка с инвалидностью, выше, чем у родителей здоровых детей. Схема-терапия является эффективным психотерапевтическим направлением, созданным для работы с лицами, в отношении которых методы когнитивно-поведенческой терапии оказываются слабоэффективными. Цель – обобщить и систематизировать работы зарубежных и отечественных исследователей, направленных на выяснение возможности применения групповой схема-терапии для работы со стрессом у родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ. Основными материалами для исследования послужили статьи зарубежных и отечественных ученых об исследованиях родительского стресса и направлениях его коррекции, а также статьи о методах групповой терапии и схема-терапии. Основным методом исследования стал сравнительный анализ литературных источников с последующим синтезом выявленной информации. Проведен анализ популярных психотерапевтических направлений (когнитивно-поведенческая психотерапия; мультисистемная терапия; терапия, ориентированная на решение проблем), из которого был сделан вывод, что большое внимание в этих направлениях уделяется освоению конкретных навыков по уходу за ребенком, работе с поведением и мыслями. При этом популярные психотерапевтические направления делают недостаточный акцент на эмоциональное состояние родителя. Теория и практика схема-терапии имеют обширную доказательную базу своей эффективности в работе с родительским стрессом. Помимо обучения родителей навыкам ухода и воспитания, схема-терапия включает в себя обучение навыкам, позволяющим конструктивно удовлетворять свои эмоциональные потребности, тем самым уменьшая родительский стресс. Разработка психотерапевтической программы, базирующейся на теории и практике схема-терапии, позволит уменьшить уровень стресса родителей, воспитывающих детей с ОВЗ.

Ключевые слова: клиническая психология, родительский стресс, групповая терапия, дети с ОВЗ, схема-терапия, эмоциональные потребности, схемы, схема-режимы

Цитирование: Ким К. А., Кадыров Р. В. Групповая схема-терапия в снижении стресса родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 517–524. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-517-524>

full article

Group Schema Therapy for Reducing Parenting Stress in Families with Children with Disabilities

Konstantin A. Kim
Far Eastern Federal University, Russia, Vladivostok
<https://orcid.org/0000-0003-4336-1300>
scicon@yandex.ru

Ruslan V. Kadyrov
Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok
<https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Received 2 Mar 2022. Accepted after peer review 12 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: Parents experience stress that manifests itself as a negative reaction to the situation when the demands of being a parent exceed the expectations of oneself as a parent. Stress level in parents of children with disabilities is significantly higher than in standard families. Schema therapy is an effective psychological intervention for managing this stress. The paper reviews foreign and Russian publications on schema therapy for parents of children with special needs. The comparative analysis showed that schema-therapy approach might have higher efficacy in managing this type of stress than other popular psychotherapeutic approaches, e.g., CBT, MCT, PST, etc. These approaches often focus on teaching specific parenting skills

or changing parents' behavior and attitude but leave behind their emotional well-being. Schema therapy develops effective parenting skills and behavioral practices while teaching emotion management strategies. A comprehensive schema therapy program may reduce stress in parents of children with disabilities.

Keywords: clinical psychology, parenting stress, group therapy, children with disabilities, schema-therapy, basic emotional needs, schema, modes

Citation: Kim K. A., Kadyrov R. V. Group Schema Therapy for Reducing Parenting Stress in Families with Children with Disabilities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 517–524. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-517-524>

Введение

Все родители, независимо от того, имеют их дети инвалидность или нет, испытывают стресс [1; 2]. Родительский стресс – это негативные чувства, возникающие тогда, когда требования, связанные с ролью родителя, превышают существующие ресурсы для совладания с ними. Такой стресс свойственен всем родителям, несмотря на их социально-экономическое положение, уровень образования и наличие социальной поддержки [3]. Р. Абинин определяет родительский стресс как негативную реакцию в отношении себя и ребенка, возникающую при оценке уровня загруженности родительской ролью. Также родительский стресс рассматривают как отсутствие баланса между восприятием требований родительства и восприятием существующих ресурсов для решения задач родительства [4]. В то же время результаты большинства исследований свидетельствуют о том, что родители, воспитывающие детей с инвалидностью, испытывают стресс, тяжесть которого зависит от диагноза, тяжести симптомов и наличия поведенческих нарушений [5; 6]. Уровень воспринимаемого стресса у родителей, воспитывающих ребенка с инвалидностью, выше, чем у родителей здоровых детей [2; 7].

В настоящее время существует множество программ по сопровождению родителей, воспитывающих детей с инвалидностью. Преимущественно они построены на теориях когнитивно-поведенческой психотерапии (СВТ), системной семейной терапии, мультисистемой терапии (МСТ) и др. Целью этих программ является укрепление отношений между родителем и ребенком. Они сфокусированы на навыках коррекции поведения ребенка, регуляции его эмоций, что в свою очередь уменьшает родительский стресс. Однако данные программы уделяют недостаточное внимание эмоциональному состоянию родителя и родительскому стрессу [8]. При этом они недостаточно активно переводятся на русский язык и, соответственно, слабо распространены на территории РФ. Возникает острая необходимость в понимании того, какой метод психотерапии и построенная на его основе программа будет наиболее эффективна для работы с родительским стрессом. Изучение состояния этого вопроса не только среди отечественных источников, но и зарубежных позволит составить более полную картину, способствующую оказанию эффективной помощи родителям, воспитывающим ребенка с ОВЗ.

Схема-терапия, теория и практика которой сфокусирована не только на работе с мыслями и поведением, но и эмоциями, может быть полезна в обучении родителей приемам и навыкам удовлетворения собственных эмоциональных потребностей и регуляции негативных эмоций, что также может привести к снижению родительского стресса.

Цель теоретического обзора – обобщить и систематизировать работы зарубежных и отечественных исследователей, направленные на выяснение возможности применения схема-терапии для работы со стрессом у родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ. Основными материалами для исследования послужили статьи зарубежных и отечественных ученых об исследованиях родительского стресса и направлениях его коррекции, а также статьи о методах групповой терапии и схема-терапии. Основным методом исследования стал сравнительный анализ литературных источников с последующим синтезом выявленной информации.

Психотерапевтические направления оказания психологической помощи родителям, воспитывающим детей с ОВЗ

На данный момент существуют исследования, рассматривающие психологическую помощь родителям как один из подходов к лечению ребенка [9]. Ряд исследований сосредоточен на психологическом образовании и обучении родителей уходу за ребенком, страдающим каким-либо заболеванием [10]. Другие исследования рассматривают поддержку родителей непрофессиональными медицинскими работниками как эффективный способ повышения стрессоустойчивости первых [11].

Одним из самых распространенных способов поддержки родителей, воспитывающих ребенка с инвалидностью, является групповая психотерапия. Групповая психотерапия родителей фокусируется на разных задачах: уменьшение эмоционального стресса, изменение дисфункциональных убеждений относительно ребенка и родительства, коррекция деструктивного поведения родителя, уменьшение психосоматических симптомов стресса.

Как правило, психотерапия включает в себя просвещение (психообразование) родителя относительно его проблемы с точки зрения психологии. Также важным этапом является выстраивание доверительных отношений между

психотерапевтом и родителем. Этап диагностики необходим для изучения состояния родителя. Затем, в зависимости от целей терапии, проводится работа над тревожностью, депрессией, поведенческими проблемами или взаимоотношениями родителя. На данном этапе в зависимости от выбранного психотерапевтического направления специалист использует различные техники. Этапы в большинстве своем являются общими, но могут варьироваться в зависимости от психотерапевтического направления, используемого специалистом. Психотерапия родителей может проходить как в индивидуальном, так и в групповом варианте. Существует множество психотерапевтических направлений, используемых для терапии родителей, воспитывающих детей с инвалидностью. Среди них доминируют методы когнитивного и когнитивно-поведенческого направления, но также часто используется психодинамическое направление, различные вариации семейной терапии и терапии пар [12].

Теория когнитивно-поведенческого подхода невероятно обширна и в ее основе лежит ряд фундаментальных идей. Во-первых, поведение является социально и исторически обусловленным [13]. Во-вторых, поведение регулируется мышлением [14]. В-третьих, большая часть поведения разворачивается вне осознанного контроля человеком [15]. В-четвертых, на мышление влияют автоматические негативные мысли [16] и иррациональные убеждения [17], запускающие негативные эмоции и приводящие к дисфункциональному поведению. Когнитивная терапия включает в себя целый ряд стратегий, направленных на изменение неадаптивных мыслей и поведения с целью уменьшения симптомов стресса, в том числе и родительского.

Другие методы, такие как терапия решением проблем (PST) [18], ориентируются на модели проблемной ориентации. Проблемная ориентация – набор относительно устойчивых когнитивных схем (верований, убеждений) насчет жизненных проблем и способности с ними справляться. Авторы PST выделили два основных варианта проблемной ориентации: позитивную и негативную. Позитивная проблемная ориентация отражает склонность личности расценивать проблемы как испытания или вызовы, иметь обоснованный оптимизм насчет возможности решения проблем, иметь реалистично сильно чувство самоэффективности в отношении своих способностей к решению и т. д. Негативная, напротив, подразумевает склонность человека к оценке проблемы как угрозы и трагедии; ожидания, что проблемы окажутся нерешаемыми и т. д. Когнитивно-поведенческие стратегии, используемые в PST, включают следующие шаги: определение проблемы, поиск вариантов решения проблемы, оценка вариантов, их реализация и, наконец, анализ результатов. PST эффективна при депрессии, тревожности и связанных со стрессом синдромах.

Также в работе с родительским стрессом обширно используется семейная терапия. Она основана на теории семейных систем [19], которая подчеркивает роль семейного контекста в эмоциональном функционировании

человека. Интервенции, как правило, сосредоточены на изменении паттернов взаимодействия между членами семьи и включают в себя стратегическую семейную терапию.

Мультисистемная терапия (MST) – это интенсивное семейное и общинное вмешательство, основанное на психологической теории экологических систем У. Бронфенбренера и теории семейных систем [20]. MST ориентируется на пациента, его семью и более широкие системы, такие как школа, работа или медицинская команда. MST включает в себя широкий спектр научно обоснованных методов вмешательства, ориентированных на индивидуальные потребности пациента и семьи [21], включая когнитивно-поведенческие подходы, обучение родителей и семейную терапию.

Программы по групповой психотерапии родителей, воспитывающих ребенка с инвалидностью, безусловно являются крайне эффективными. Но большой акцент в этих программах сделан на освоение конкретных навыков по уходу за ребенком, на работе с поведением и мыслями. Само собой, навыки и поведение родителя являются важными мишенями для групповой терапии, однако эти программы уделяют недостаточное внимание эмоциональному состоянию родителя [8; 22].

Стоит также отметить, что на высокий уровень стресса влияет не только отсутствие навыков ухода и воспитания у родителей, но и поведенческие нарушения, связанные с органическим поражением головного мозга у ребенка [23]. Например, существуют исследования, свидетельствующие, что одним из важнейших факторов родительского стресса является степень двигательных нарушений у ребенка с ДЦП. Чем эта степень выше, тем больший стресс испытывают родители [24]. Навыки по уходу и воспитанию ребенка с ДЦП не могут компенсировать двигательные нарушения, т. к. они обусловлены органическим поражением двигательных центров коры головного мозга. Из чего можно сделать вывод, что эффективность психотерапевтических направлений, опирающихся на обучение родителей навыкам ухода и воспитания ребенка, ограничена. Поэтому важной задачей для теории и практики психотерапии является создание программ, акцентирующих свое внимание как на навыках, поведении и мыслях родителя, так и на работе с эмоциями.

Актуальность применения групповой схема-терапии к родителям, воспитывающим детей с двигательными нарушениями

Изначально схема-терапия была разработана Джеффри Янгом для лечения расстройств личности. Данная терапия предназначена для работы с лицами, в отношении которых оказываются слабоэффективными методы когнитивно-поведенческой терапии [25]. Она базируется на интегративном подходе и включает в себя когнитивные, эмоционально-ориентированные, экспериенциальные и поведенческие техники, направленные на изменения паттернов поведения. В дальнейшем была разработана групповая версия схема-терапии [26].

В последнее десятилетие схема-терапия набирает все большую популярность [27]. Эффективность схема-терапии оценивается во множестве исследований, существует эмпирическое подтверждение эффективности схема-терапии [28; 29]. Проводятся исследования схема-терапии в работе с пограничным расстройством личности, социальной тревожностью, нарциссизмом, избегающим расстройством личности, употреблением психоактивных веществ [30]. Имеются обширные исследования работы схема-терапии с нарушением пищевого поведения [31]. Схема-терапия демонстрирует свою эффективность в работе с ПТСР [32], хронической депрессией [33] и агорафобией [34]. К тому же расширяется доказательная база экономической эффективности схема-терапии [28]. В ряде сравнительных исследований схема-терапия показала свое преимущество по сравнению с терапией, ориентированной на перенос (психодинамический подход) [35] и клиент-центрированной терапией [36].

Есть большое количество исследований, посвященных групповой схема-терапии. Имеются данные об эффективности групповой схема-терапии для пожилых пациентов с расстройствами настроения [37], в работе с избегающим расстройством личности [38] и нервной анорексией [39]. Схема-терапия использует более широкий инструментарий для работы с родителями, чем распространенные программы, ориентированные на изменение поведения родителя по отношению к ребенку и обучение родителя навыкам ухода и воспитания [40]. Схема-терапия направлена не только на развитие родительских навыков, но и на обучение родителей удовлетворению своих эмоциональных потребностей и регулированию уровня стресса. Причем эффективность данного подхода наблюдается как в развитых, так и в развивающихся странах [41].

Родители, прошедшие курс схема-терапии, сообщали об улучшении коммуникации между ними и ребенком [42]. Также они отмечали, что их реакции на нарушения поведения ребенком были менее болезненными и их (родителей) стресс был ниже [43]. Родители стали более позитивно воспринимать своего ребенка, что положительно сказалось на уровне их стресса.

Важно отметить, что программа по групповой схема-терапии для родителей показала свою экономическую эффективность по профилактике расстройств поведения и личности. [44]. Модель схема-терапии является интегративной, она частично совпадает с другими психотерапевтическими моделями, такими как когнитивная и психодинамическая психотерапия, теория объектных отношений и гештальт-терапия.

Одной из важных концепций в схема-терапии является модель базовых эмоциональных потребностей. Они выступают как основа жизненного опыта и ключевой фактор поведения человека. Неудовлетворенные эмоциональные потребности родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ, приводят к фрустрации, что в свою очередь усиливает

переживаемый ими стресс. Схема-терапия выделяет пять базовых эмоциональных потребностей:

1. Надежная привязанность к другим людям (безопасность, стабильность, забота и принятие). С самого рождения и на протяжении всей жизни человек нуждается в надежной привязанности к значимым людям. Нам крайне важно быть уверенными, что отношения, в которых мы находимся не несут нам угрозы и являются безопасными и надежными. Нам также очень важно, чтобы нас любили, несмотря на недостатки и проблемы, с которыми мы сталкиваемся.
2. Самостоятельность, компетентность и независимость. Эти потребности обусловлены тем, что нам крайне важно уметь действовать самостоятельно и эффективно, уметь добиваться поставленных целей и влиять на свою жизнь согласно своим интересам.
3. Свобода выражения своих потребностей и эмоций. Мы все испытываем потребность высказать свое мнение, выразить, что мы чувствуем, что нам хочется и что нам нужно. При этом данная потребность не подразумевает незамедлительного удовлетворения. Важна сама возможность высказать свои желания и чувства.
4. Спонтанность и игра. Игра является не только важной потребностью, но и одним из ведущих механизмов в развитии ребенка. Через игру он познает мир и осваивает множество навыков. Потребность остается актуальной и во взрослой жизни и выражается в наличии хобби, занятий творчеством или спортом. Также у взрослых эта потребность может удовлетворяться через юмор и флирт.
5. Реалистичные границы и самоконтроль. Данная потребность выражается в том, что нам необходимы структурированные отношения, которые развиваются по определенным правилам. Нам важно понимать, что допустимо в отношениях, а что нет. Важным является необходимость соблюдения этих правил всеми участниками отношений.

С позиции схема-терапии эти потребности являются универсальными. Они есть у всех людей, но степень выраженности каждой потребности зависит от индивидуальных особенностей человека. По мнению Дж. Ф. Луи и др. [43], эмоциональные потребности обладают следующими характеристиками:

- 1) их удовлетворение или неудовлетворение приводит к улучшению или ухудшению состояния человека, причем это касается не только психики, но и функционирования головного мозга, тела, а также благополучия семейных отношений;
- 2) каждая из 5 базовых эмоциональных потребностей вносит свой вклад в общее состояние человека;
- 3) основные эмоциональные потребности актуальны в любой культуре и обществе, т. е. эмоциональные потребности универсальны и присущи всем людям [41].

По данным множества специалистов, при неудовлетворении эмоциональных потребностей у людей начинают проявляться психопатологические симптомы (в т. ч. симптомы стресса) [40]. Если базовые эмоциональные потребности не удовлетворяются, то у человека формируются схемы. Схемы являются устойчивыми структурами (наподобие черт характера) и имеют следующие характеристики:

1. Состоят из мыслей, эмоций, телесных ощущений и негативных воспоминаний.
2. Затрагивают отношения с окружающими людьми и с самим собой.
3. Как правило, формируются в детстве, но продолжают развиваться в дальнейшей жизни человека.
4. В значительной степени дисфункциональны.

Все схемы можно разделить на 5 больших доменов: нарушение связи и отвержение, нарушение автономности и эффективности, нарушение границ, направленность на других, сверхбдительность и подавление эмоций. Каждый домен соответствует неудовлетворенной эмоциональной потребности.

Схемы не всегда активны и большую часть времени находятся в латентном состоянии. Активация схемы происходит в ситуациях, к которым человек эмоционально чувствителен. Схема-режимы являются временным состоянием, которое возникает в момент активации схемы. Схема-режимы могут быть адаптивными и неадаптивными, т. е. могут «выключить» схему, а могут усугубить эмоциональное состояние человека. Проявление схема-режимов носит индивидуальный характер. Иными словами, при активации одной и той же схемы у разных людей схема-режимы будут отличаться. Можно сказать, что схема-режимы являются стилем проявления схемы.

На данный момент выделяют четыре группы схема-режимов:

1. Детские режимы включаются в момент неудовлетворения эмоциональных потребностей. Являются врожденными и не в последнюю очередь обусловлены темпераментом человека.
2. Дисфункциональные копировочные режимы являются стратегиями защиты от активированных схем. Характер их проявления зависит от активной схемы.
3. Дисфункциональные критикующие режимы. Данные режимы содержат интернализированное отношение родителей (и иных значимых взрослых) к человеку в его детстве. В момент активации критикующих режимов человек начинает оценивать себя и свои поступки так, как оценивали его поведение значимые взрослые в прошлом. Причем эта оценка негативная.
4. Здоровые режимы связаны с позитивным восприятием себя, адаптивными мыслями и поведением, которые в свою очередь позволяют человеку удовлетворить свои эмоциональные потребности.

Главной целью групповой схема-терапии является обучение родителей эффективному удовлетворению своих эмоциональных потребностей и смене схем.

Схема-терапия включает в себя работу со схема-режимами. Дисфункциональные детские режимы поддерживаются и утешаются. Дисфункциональные критикующие режимы подавляются. Дисфункциональные копировочные режимы анализируются с точки зрения их пользы и недостатков и заменяются более здоровыми стратегиями удовлетворения эмоциональных потребностей.

Для достижения вышеописанных целей и задач в схема-терапии используется широкий набор экспериенциальных, когнитивных, поведенческих техник, а также техник, направленных на эмоциональную саморегуляцию. Все эти техники призваны не только повысить эффективность взаимодействия между родителем и ребенком с ОВЗ, но и снизить уровень родительского стресса путем обучения последних эффективно удовлетворять свои эмоциональные потребности.

Для формирования хорошего терапевтического альянса в схематерапии используется принцип замещающего родительства. Замещающее родительство – это когда специалист, сохраняя профессиональные границы, создает активные, заботливые отношения, похожие на детско-родительские. Такие отношения помогают участникам группы получить новый эмоциональный опыт, почувствовать себя более безопасно с другими людьми. Так, шаг за шагом валидируя переживания, получая утешение и поддержку, участники группы сначала учатся доверять специалисту, после чего переносят этот опыт в свою жизнь. Чем более успешно родитель устанавливает отношения за пределами группы, тем менее он нуждается в специалисте. Обучая родителя добиваться адекватного удовлетворения собственных эмоциональных потребностей, специалист становится для него моделью здорового взрослого. Это значительно снижает уровень стресса родителя, воспитывающего ребенка с ОВЗ, и позволяет ему эффективнее взаимодействовать со своим ребенком.

Таким образом, ключевыми преимуществами групповой схема-терапии для родителей являются:

1. Акцент на эмоциональные потребности и важность их удовлетворения.
2. Использование широкого спектра когнитивных, поведенческих и эмоционально-ориентированных техник.
3. Более обширная теория и практика терапевтических отношений как инструмента позитивных изменений в терапии.
4. Работа с родителями не только на когнитивном и поведенческом, но и на эмоциональном уровне.

Заключение

Несмотря на разнообразие программ помощи родителям, они сфокусированы на освоение родителями навыков ухода, воспитания и эффективной коммуникации с ребенком, но недостаточно сфокусированы на эмоциональном состоянии родителя. Вышеперечисленные навыки могут уменьшить проявление эмоциональных и поведенческих нарушений ребенка с ОВЗ, но не могут полностью повлиять

на симптоматику, вызванную органическим поражением головного мозга ребенка. Иными словами, даже обладая хорошими знаниями об уходе и воспитании ребенка с ОВЗ, родители не смогут избежать стресса, обусловленного поведенческими нарушениями ребенка, причиной которых является органическое поражение головного мозга. Из этого можно сделать вывод, что в работе с родителями, воспитывающими детей с ОВЗ, стоит делать акцент на их эмоциональном состоянии. Улучшить эмоциональное состояние родителей (а конкретнее – уменьшить родительский стресс) поможет обучение навыкам конструктивного удовлетворения собственных эмоциональных потребностей. Это окажет положительный эффект как на уровень родительского стресса, так и на уровень стресса ребенка с ОВЗ.

Теория и практика схема-терапии имеет обширную доказательную базу своей эффективности в работе с родительским стрессом. В то время как большинство популярных психотерапевтических программ сфокусированы на обучение родителей навыками ухода и воспитания ребенка с ОВЗ, схема-терапия также включает в себя обучение родителей навыкам, позволяющим конструктивно удовлетворять свои эмоциональные потребности, тем самым положительно

влияя на свое эмоциональное состояние. Разработка психотерапевтической программы, базирующейся на теории и практике схема-терапии, позволит уменьшить уровень стресса родителей, воспитывающих детей с ОВЗ.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: К. А. Ким – обзор и описание теоретического материала исследования; анализ и изложение полученных данных. Р. В. Кадыров – корректировка теоретического обзора научных работ; валидация полученных теоретических данных.

Contribution: K. A. Kim organized and coordinated the research, developed the concept, selected the diagnostic tools, and summed up the results of the statistical analysis. R. V. Kadyrov corrected the review and improved the obtained theoretical data.

Литература / References

1. Hartley S. L., Barker E. T., Seltzer M. M., Floyd F., Greenberg J., Orsmond G., Bolt D. The relative risk and timing of divorce in families of children with an autism spectrum disorder. *Journal of Family Psychology*, 2010, 24(4): 449–457. <https://doi.org/10.1037/a0019847>
2. Barroso N. E., Mendez L., Graziano P. A. Parenting stress through the lens of different clinical groups: a systematic review & meta-analysis. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2018, 46(3): 449–461. <https://doi.org/10.1007/s10802-017-0313-6>
3. Савенышева С. С., Аникина В. О., Мельдо Э. В. Факторы родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста: анализ зарубежных исследований. *Современная зарубежная психология*. 2019. Т. 8. № 4. С. 38–48. [Savenysheva S. S., Anikina V. O., Meldo E. V. Factors of parenting stress in mothers of young and preschool children: an analysis of foreign studies. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019, 8(4): 38–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080404>
4. Abidin R. R. *Parenting Stress Index*. 3rd ed. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1995, 76.
5. Samadi S. A., McConkey R., Bunting B. Parental wellbeing of Iranian families with children who have developmental disabilities. *Research in Developmental Disabilities*, 2014, 35(7): 1639–1647. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2014.04.001>
6. Rodriguez G., Hartley S. L., Bolt D. M. Transactional relations between parenting stress and child autism symptoms and behavior problems. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2019, 49(4-5): 1887–1898. <https://doi.org/10.1007/s10803-018-3845-x>
7. Hoffman C. D., Sweeney D. P., Hodge D., Lopez-Wagner M. C., Looney L. Parenting stress and closeness: mothers of typically developing children and mothers of children with autism. *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*, 2009, 24(3): 178–187. <https://doi.org/10.1177/1088357609338715>
8. Lee J. H. Effectiveness of group art therapy for mothers of children with disabilities. *The Arts in Psychotherapy*, 2021, 73: 101–754. <https://doi.org/10.1016/j.aip.2020.101754>
9. Palermo T. M. Impact of recurrent and chronic pain on child and family daily functioning: a critical review of the literature. *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics*, 2000, 21(1): 58–69. <https://doi.org/10.1097/00004703-200002000-00011>
10. Savage E., Beirne P. V., Chroinin N. M., Duff A., Fitzgerald T., Farrell D. Self-management education for cystic fibrosis. *Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2011, (7). <https://doi.org/10.1002/14651858.CD007641.pub2>
11. Lewin S., Munabi-Babigumira S., Glenton C., Daniels K., Bosch-Capblanch X., van Wyk B. E., Odgaard-Jensen J., Johansen M., Aja G. N., Zwarenstein M., Scheel I. B. Lay health workers in primary and community health care for maternal and child health and the management of infectious diseases. *Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2010, (3). <https://doi.org/10.1002/14651858.CD004015.pub3>

12. Law E., Fisher E., Eccleston C., Palermo T. M. Psychological interventions for parents of children and adolescents with chronic illness. *Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2019, (3). <https://doi.org/10.1002/14651858.CD009660.pub4>
13. Skinner B. F. *Science and human behaviour*. NY: The Macmillan Company, 1953, 461.
14. Bandura A. Human agency in social cognitive theory. *The American psychologist*, 1989, 44(9): 1175–1184. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.44.9.1175>
15. Bargh J. A., Morsella E. The Unconscious Mind. *Perspectives on Psychological Science*, 2008, 3(1): 73–79. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2008.00064.x>
16. Beck A. T., Rush A. J., Shaw B. F., Emery G. *Cognitive Therapy of Depression*. NY: Guilford Press, 1979, 425.
17. Ellis A. *Reason and Emotion in Psychotherapy*. NY: Stuart, 1962, 479.
18. D'Zurilla T. J., Goldfried M. R. Problem solving and behavior modification. *Journal of abnormal psychology*, 1971, 78(1): 107–126. <https://doi.org/10.1037/h0031360>
19. Haley J. *Problem-solving therapy*. San Francisco: Jossey-Bass, 1976, 275.
20. Minuchin S. *Families & family therapy*. Cambridge: Harvard University, 1974, 280.
21. Henggeler S. W., Lee T. Multisystemic treatment of serious clinical problems. *Evidence-based Psychotherapies for Children and Adolescents*, eds. Weisz J. R., Kazdin A. E. NY: Guilford, 2003, 301–24.
22. Ergüner-Tekinalp B., Akkök F. The effects of a coping skills training program on the coping skills, hopelessness, and stress levels of mothers of children with autism. *International Journal for the Advancement of Counselling*, 2004, 26(3): 257–269. <https://doi.org/10.1023/B:ADCO.0000035529.92256.0d>
23. Von Klitzing K., Döhnert M., Kroll M., Grube M. Mental Disorders in Early Childhood. *Deutsches Arzteblatt international*, 2015, 112: 375–386. <https://doi.org/10.3238/arztebl.2015.0375>
24. Sipal R. F., Schuengel C., Voorman J. M., van Eck M., Becher J. G. Course of behaviour problems of children with cerebral palsy: the role of parental stress and support. *Child: care, health and development*, 2010, 36(1): 74–84. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2214.2009.01004.x>
25. Young J. E., Klosko J. S., Weishaar M. E. *Schema therapy: a practitioner's guide*. NY: Guilford Press, 2003, 436.
26. Farrell J. M., Shaw I. A. *Group schema therapy for borderline personality disorder: a step-by-step treatment manual with patient workbook*. West Sussex: Wiley-Blackwell, 2012, 328.
27. Taylor C. D. J., Bee P., Haddock G. Does schema therapy change schemas and symptoms? A systematic review across mental health disorders. *Psychology and Psychotherapy Theory Research and Practice*, 2017, 90(3): 456–479. <https://doi.org/10.1111/papt.12112>
28. Nadort M., van Dyck R., Smit J. H., Giesen-Bloo J., Eikelenboom M., Wensing M., Spinhoven P., Dirksen C., Bleecke J., van Milligen B., van Vreeswijk M., Arntz A. Three preparatory studies for promoting implementation of outpatient schema therapy for borderline personality disorder in general mental health care. *Behaviour Research and Therapy*, 2009, 47(11): 938–945. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2009.07.004>
29. Reiss N., Lieb K., Arntz A., Shaw I. A., Farrell J. Responding to the treatment challenge of patients with severe BPD: results of three pilot studies of inpatient schema therapy. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 2014, 42(3): 355–367. <https://doi.org/10.1017/S1352465813000027>
30. Taylor C. D. J., Harper S. F. Early maladaptive schema, social functioning and distress in psychosis: a preliminary investigation. *Clinical Psychologist*, 2017, 21(2): 135–142. <https://doi.org/10.1111/cp.12082>
31. Waller G., Kennerley H., Ohanian V. Schema-focused cognitive-behavioral therapy for eating disorders. *Cognitive schemas and core beliefs in psychological problems: a scientist-practitioner guide*, eds. Riso L. P., du Toit P. L., Stein D. J., Young J. E. American Psychological Association, 2007, 139–175. <https://doi.org/10.1037/11561-007>
32. Cockram D. M., Drummond P. D., Lee C. W. Role and treatment of early maladaptive schemas in Vietnam veterans with PTSD. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 2010, 17(3): 165–182. <https://doi.org/10.1002/cpp.690>
33. Malogiannis I. A., Arntz A., Spyropoulou A., Tsartsara E., Aggeli A., Karveli S., Vlavianou M., Pehlivanidis A., Papadimitriou G. N., Zervas I. Schema therapy for patients with chronic depression: a single case series study. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, 2014, 45(3): 319–329. <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2014.02.003>
34. Hoffart A., Versland S., Sexton H. Self-understanding, empathy, guided discovery, and schema belief in schema-focused cognitive therapy of personality problems: a process–outcome study. *Cognitive Therapy and Research*, 2002, 26(2): 199–219. <https://doi.org/10.1023/A:1014521819858>
35. Giesen-Bloo J., van Dyck R., Spinhoven P., Tilburg W., Dirksen C., Asselt T., Kremers I. P., Nadort M., Arntz A. Outpatient psychotherapy for borderline personality disorder: randomized trial of schema-focused therapy vs transference-focused psychotherapy. *Archives of general psychiatry*, 2006, 63(6): 649–658. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.63.6.649>

36. Bamelis L. L. M., Evers S. M. A. A., Spinhoven P., Arntz A. Results of a multicenter randomized controlled trial of the clinical effectiveness of schema therapy for personality disorders. *American Journal of Psychiatry*, 2014, 171(3): 305–322. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2013.12040518>
37. Videler A. C., van Royen R., Heijnen-Kohl S. M. J., Rossi G. M. P., van Alphen S. P. J., van der Feltz-Cornelis C. Adapting schema therapy for personality disorders in older adults. *International Journal of Cognitive Therapy*, 2017, 10(1): 62–78. <https://doi.org/10.1521/ijct.2017.10.1.62>
38. Skewes S., Samson R. A., Simpson S. G., van Vreeswijk M. F. Short-term group schema therapy for mixed personality disorders: a pilot study. *Frontiers in Psychology*, 2015, 5. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01592>
39. Simpson S. G., Morrow E., van Vreeswijk M. F., Reid C. Group schema therapy for eating disorders: a pilot study. *Frontiers in Psychology*, 2010, 1. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2010.00182>
40. Kopf-Beck J., Zimmermann P., Egli S., Rein M., Kappelmann N., Fietz J., Tamm J., Rek K., Lucae S., Brem A. K., Sämann P., Schilbach L., Keck M. E. *Schema therapy versus cognitive behavioral therapy versus individual supportive therapy for depression in an inpatient and day clinic setting: study protocol of the OPTIMA-RCT*. BMC psychiatry, 2020, 20. <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02880-x>
41. Louis J. P., Wood A. M., Lockwood G. Development and validation of the Positive Parenting Schema Inventory (PPSI) to complement the Young Parenting Inventory (YPI) for schema therapy (ST). *Assessment*, 2020, 27(4): 766–786. <https://doi.org/10.1177/1073191118798464>
42. Williamson V., Creswell C., Fearon P., Hiller R. M., Walker J., Halligan S. L. The role of parenting behaviors in childhood post-traumatic stress disorder: a meta-analytic review. *Clinical Psychology Review*, 2017, 53: 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2017.01.005>
43. Louis J. P., Ortiz V., Barlas J., Lee J. S., Lockwood G., Chong W. F., Louis K. M., Sim P. The Good Enough Parenting early intervention schema therapy-based program: participant experience. *PloS one*, 2021, 16(1). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0243508>
44. Yap M. B. H., Morgan A. J., Cairns K., Jorm A. F., Hetrick S. E., Merry S. Parents in prevention: a meta-analysis of randomized controlled trials of parenting interventions to prevent internalizing problems in children from birth to age 18. *Clinical Psychology Review*, 2016, 50: 138–158. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2016.10.003>

оригинальная статья

Особенности проявления виктимности подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья

Микляева Анастасия Владимировна
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Кайипбекова Испаният Устархановна
Нижевартовский государственный университет, Россия,
Нижевартовск
<https://orcid.org/0000-0001-6446-6852>
ispalpatin@gmail.com

Поступила в редакцию 28.05.2022. Принята после рецензирования 24.06.2022. Принята в печать 04.07.2022.

Аннотация: Цель – определить особенности проявления виктимности подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья. Анализ работ, посвященных психологическим особенностям народов Центральной Азии и Закавказья, позволил установить их общие черты – семейственность, патриархальность и т. д., но не специфику виктимного поведения подростков. Методы: Методика исследования склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова), Опросник ролевой виктимности (М. А. Одинцова), методы вариационной статистики, корреляционный анализ. Выборка – 122 подростка, обучающихся в школах ХМАО-Югры, из семей мигрантов: 60 – Закавказья, 62 – Центральной Азии. Подростки стран Закавказья более склонны к агрессивному, саморазрушающему и самоповреждающему поведению, Центральной Азии – к некритичному и реализованному типу виктимного поведения. Для подростков из стран Закавказья характерна реализация игровой роли жертвы, для подростков из Центральной Азии – социальной роли жертвы. Для виктимного профиля подростков из Закавказья характерна прямая взаимосвязь между склонностью к реализации игровой роли жертвы и активному виктимному поведению; прямая взаимосвязь между склонностью к реализации игровой роли жертвы и агрессивному типу виктимного поведения; обратная взаимосвязь между социальной ролевой виктимностью и пассивным типом виктимного поведения. У подростков из Центральной Азии обнаружена статистическая значимость взаимосвязей между социальной ролью жертвы и пассивным типом виктимности; кроме того, выявлена обратная взаимосвязь между социальной ролью жертвы и склонностью к активному типу виктимного поведения.

Ключевые слова: виктимность, ролевая виктимность, социальная роль жертвы, игровая роль жертвы, подростки из семей мигрантов

Цитирование: Микляева А. В., Кайипбекова И. У. Особенности проявления виктимности подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 525–532. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-525-532>

full article

Victimization in Young Migrants from Central Asia and Transcaucasia

Anastasia V. Miklyaeva
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Russia, St. Petersburg
<https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Ispaniyat U. Kaiipbekova
Nizhnevartovsk State University, Russia, Nizhnevartovsk
<https://orcid.org/0000-0001-6446-6852>
ispalpatin@gmail.com

Received 28 May 2022. Accepted after peer review 24 Jun 2022. Accepted for publication 4 Jul 2022.

Abstract: The present research featured the psychological characteristics of the young people who migrated from Transcaucasia and Central Asia. These two groups proved to share such aspects as nepotism and patriarchy, but the specifics of victim behavior were different. The psychodiagnostics tools included O. O. Andronnikova's methodology for victim behavior propensity and M. A. Odintsova's questionnaire of role victimization. The study sample consisted of 122 teenagers from families that came to Russia from Transcaucasia (60 people) and Central Asia (62 people). All the respondents studied in schools of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (Yugra). Teenagers from Transcaucasia were more prone to aggressive, self-destructive, and self-harming behavior, while those from Central Asia were more prone to uncritical and realized type of victim behavior. Teenagers from Transcaucasia assumed the play role of a victim, while students from Central Asia assumed the social role of the victim. The victim profile of teenage migrants from Transcaucasia was characterized by a direct relationship between the propensity to realize the victim play role and active victim behavior; a direct relationship between the propensity to realize the victim play role and aggressive type of victimization the inverse relationship between social victimization role and passive type of victim

behavior. Teenagers from Central Asia demonstrated the statistical significance of the relationship between the social role of the victim and the passive type of victimization. In addition, the study revealed an inverse relationship between the social role of the victim and the propensity for an active type of victim behavior.

Keywords: victimhood, role victimhood, victim's social role, victim's playing role, teenagers from migrant families

Citation: Miklyaeva A. V., Kaiipbekova I. U. Victimization in Young Migrants from Central Asia and Transcaucasia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 525–532. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-525-532>

Введение

В настоящее время образовательное пространство российских школ включает в себя представителей различных культур и этносов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г.¹, на территории РФ проживает более 190 народов. Необходимость постоянного взаимодействия носителей разных культур, традиций, стереотипов поведения, ценностей порождает риски возникновения конфликтных ситуаций, насилия, травли, отмены, в результате чего одна из сторон неизбежно будет являться жертвой. Так как необходимость адаптации требует от детей из семей мигрантов мобилизации значительных ресурсов для решения повседневных задач, преодоление конфликтных ситуаций и дополнительного давления может привести к изоляции, замкнутости, избеганию взаимодействия со сверстниками и, как следствие, виктимизации.

Проблема особенно актуальна у подростков, поскольку для них характерно изменение акцентов во взаимоотношениях с внешним миром, формирование системы ценностей, развитие рефлексии. Большое значение для подростка имеет качество взаимоотношений со сверстниками. В процессе общения он учится различным формам взаимодействия, учится анализировать свои и чужие поступки, контролировать эмоции [1]. Т. В. Снегирева и О. И. Блинецова отмечают, что именно в подростковом возрасте личностную значимость приобретает общение со сверстниками и необходимость выстраивания отношений с ними. Меняется содержание ведущей деятельности подростка – познавательные интересы сменяются мотивами социальной вовлеченности. В данный возрастной период ребенку предстоит разрешить коренное противоречие, заключающееся в необходимости быть признанным при отсутствии знаний и средств для достижения данной цели [2]. Психическое развитие ребенка во многом определяется социальной ситуацией развития [3], которая у подростков из семей мигрантов и обычных семей имеет значительные различия, что связано с тем, что подростки из семей мигрантов находятся в новой, незнакомой, чужой культуре [4].

Существенным вопросом остается изучение психологических особенностей подростков из семей мигрантов в новой культурной среде через рассмотрение и анализ специфики

развития подростка. Возникновение таких новообразований, как чувство взрослости [4], развитие самосознания и Эго-идентичности [5], потребность в самосовершенствовании в значимой деятельности, предполагает, что подросток должен быть вовлечен в отношения с социумом, со сверстниками. Благоприятное психическое развитие в подростковом возрасте напрямую связано с возможностью установления контактов и активным включением в социальную жизнь в новой культурной среде. В данной ситуации подростки из семей мигрантов часто сталкиваются со сложным выбором: стремясь сохранить наследие собственной культуры и самобытности, подросток ощущает необходимость наладить связь и стать частью новой, другой культуры. Учитывая особенности многонациональной России, зачастую связи необходимо налаживать не с одной, а со многими культурами [6].

А. Л. Венгер и Ю. М. Десятникова выделили синдромы трудностей вхождения подростков мигрантов в новую культуру. В основу исследования лег анализ поведения и личностных особенностей подростков мигрантов из стран бывшего СССР, проживающих в Израиле. Трудности выражаются в замкнутости, семейной и групповой изоляции, социальной дезориентации, возникающей из-за неадекватного понимания социальных норм, в результате чего попытки интеграции в поликультурную образовательную среду оборачивается неудачей [7].

Особенности этнической социализации подростков связаны с повышением значимости мнения референтных групп сверстников. Так, при наличии противоречия между ценностями семьи и социума подростки из стран Азии, проживающие в Великобритании, были ориентированы главным образом на молодежную субкультуру как дополнительную сферу идентичности. Нахождение в полиэтнической среде способствует более ранней, чем обычно, актуализации самоопределения в этнической идентичности [6].

Несмотря на то, что дети и подростки становятся мигрантами не по собственной воле, по выражению Э. Эриксона, дети мигрантов становятся «культурными родителями» своих биологических родителей в новом обществе. Так как дети и подростки перенимают культурное наследие новой страны через учителей и воспитателей, т. е. через взрослых, которые

¹ О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.). Доклад. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html (дата обращения: 11.05.2022).

не являются соплеменниками, именно дети быстрее погружаются в новую культуру и перенимают ее особенности и нормы, транслируя их впоследствии своим родителям [8].

Новая культура может восприниматься подростком как иные горизонты возможностей, лечь в основу созревания, выступая в качестве развивающей среды, или может восприниматься как враждебная и наполненная ограничениями, отрицательно сказываясь на психологическом состоянии. Траектория развития подростка в новых социокультурных условиях может быть крайне вариативной [6].

А. В. Мудрик отмечает, что в результате противоречий, возникающих в процессе социализации, происходит нарушение адаптации и усиливается отстраненность, что потенциально способствует превращению личности подростка-мигранта в жертву [9]. Изучая особенности виктимного поведения и факторы, обуславливающие его происхождение, исследователи отмечают различие формирования данного поведения в разных возрастах. Первостепенное значение при анализе онтогенетического развития ребенка придается особенностям семейного воспитания, наличию психотравм, специфике его взаимоотношений с родителями, учителями и сверстниками [10; 11].

О. О. Андронникова отмечает особую роль подросткового возраста как начального этапа возникновения многих форм виктимности. Особенности семейных отношений, окружения сверстников, индивидуальные психофизиологические особенности, коммуникативные навыки подростка выступают в виде специфических факторов, содержательно наполняющих форму виктимного поведения [12].

У детей из семей мигрантов стресс, вызванный миграцией, может приводить к нарушению становления когнитивных процессов, социализации, межличностных отношений, самооценки. Исследователи подмечают глубокие изменения в видении мира, себя и своего будущего даже у совсем маленьких детей из семей мигрантов [8].

В нашем предыдущем исследовании было отмечено, что подростки из семей мигрантов, сталкиваясь с препятствиями, склонны к импульсивным, эмоциональным реакциям. Под влиянием эмоций подростки теряют способность к критическому анализу ситуации, поиску нестандартных решений, утрачивают самообладание, принимают решения, о которых впоследствии жалеют. По прошествии времени подростки способны к более объективному анализу произошедшего, способны признавать ошибки, отмечать альтернативные способы решения трудной ситуации [13].

Важной составляющей и итогом благополучной социализации подростка-мигранта выступает социальная адаптация, проявляющаяся в трех важных сферах: деятельности, общении и сознании. Но зачастую на процесс адаптации влияют не только личностные особенности подростка, но и особенности принимающей стороны [14].

Существует множество факторов, которые могут стать препятствием для успешной адаптации: дискриминация, языковые барьеры, различия в системах ценностей и т.д. Авторы теории сегментной ассимиляции указывают на то, что ассимиляция происходит различным образом в разных группах мигрантов. Ассимиляция может пройти очень травматично или быстро и вполне успешно. По мнению исследователей, успешность ассимиляции зависит как от личных качеств человека, так и от условий окружающей его среды [14].

Следует отметить, что население России состоит из более 190 этнических групп. То есть только те народы, для которых Россия является родиной, уже создают значительное культурное и языковое разнообразие [15]. При этом мигранты, проживающие в стране (азербайджанцы, армяне, таджики, узбеки, украинцы, белорусы и т.д.), зачастую имеют различную культурную дистанцию по отношению к принимающему населению. К примеру, она значительно больше для мигрантов из Центральной Азии и Закавказья в связи с различиями в культуре, языке, обычаях. Кроме того, мигранты, прибывшие из Азербайджана, Армении, Таджикистана, Узбекистана и т.д., воспринимаются как единая группа наравне с внутренними мигрантами с Северного Кавказа (дагестанцами, чеченцами, ингушами и т.д.), в то время как мигранты из Украины, Белоруссии относятся принимающей стороной к другой группе [16]. Другими словами, для значительной части населения все мигранты из Центральной Азии и Закавказья предстают в едином образе абстрактного мигранта, без учета специфических различий между данными группами [17]. А. Montreuil, R. Y. Bourhis в своем исследовании указывали на то, что население принимающей страны имеет определенные предрассудки в отношении мигрантов, объединяя их в большие группы и игнорируя специфические особенности, характеризующие каждый отдельный этнос [18].

Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко и Дж. Берри установили, что вероятность взаимных конфликтов между мигрантами и принимающей стороной увеличивается в случае, если мигранты вынуждены выбирать между полноправным членством в принимающем обществе и возможностью поддерживать связь с родной культурой. Напротив, имея возможность поддерживать двойную связь, т.е. иметь контакты с представителями обеих культур, мигранты проявляют большее желание включаться в межкультурные связи. Для мигранта критически важно иметь возможность обозначать свою этническую и культурную принадлежность (в языке, одежде, праздниках, соблюдении обычаев и традиций и т.д.) [15].

Согласно докладу о миграции в мире 2020 г.², в 2019 г. на территории РФ проживало чуть менее 5 млн мигрантов, родившихся в Центральной Азии, и около 5,5 млн мигрантов

² Доклад о миграции в мире 2020. Женева, Швейцария: Международная организация по миграции. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 11.05.2022).

из стран Закавказья. Выходцы из Украины и Белоруссии также составляют большое число мигрантов на территории РФ, тем не менее, в связи с тем что культуры данных стран во многом близки как между собой, так и с культурой РФ, их адаптация проходит менее сложно.

В культурах народов Закавказья и Центральной Азии по сей день господствует патриархат, превозношение мужчины как продолжателя рода. Для культур Кавказа характерна радикальность, аффективное, чрезмерное реагирование на происходящее, демонстрация чувств. Для них свойственно прибегание к силовым, радикальным способам решения конфликтов, культ силы имеет огромное значение [19].

Для азербайджанцев характерна ориентация на мнение общины, семьи. Семья как ресурс для них превышает ценности государственности и национального самоопределения. Сами азербайджанцы считают своими главными качествами терпеливость, терпимость, толерантность. Отмечается их способность быстро адаптироваться к новым условиям, даже если они являются неблагоприятными. При этом, приспосабливаясь к жизни в разных странах, присвоению чужеродных инноваций, азербайджанцы столетиями сохраняют собственную ментальность [20].

Г. И. Морева и Г. М. Курдогян установили такие особенности армян, как чуткое отношение к близкому, заботливость, готовность прийти на помощь, обнаруживается взаимозависимость членов армянской общины друг от друга, большое значение придается достижению чувства безопасности, соблюдению внутригрупповой иерархии [21]. Г. А. Погосян описывает основы, составляющие фундамент самосознания армянского народа: выживание и жертвенность [22].

Узбеки терпеливы к тяготам, чутки в оценке окружающих, в значительной мере ориентируются на мнение семьи, склонны следовать традициям общины даже за пределами родной страны. Сдержанны в проявлении чувств, но в то же время доброжелательны и открыты. Склонность избегать яркого проявления чувств может трактоваться как замкнутость и стеснительность, необщительность. В какой-то мере узбеки действительно склонны к настороженному отношению к представителям других культур, особенно к выходцам из Закавказья и Северного Кавказа [23].

М. М. Мишина и К. А. Воробьева отмечают, что у респондентов из Узбекистана обнаружена большая склонность к социально-желательным ответам в сравнении с россиянами. Это может быть обусловлено спецификой культуры, ценностей, стандартов поведения. Кроме того, у узбекских подростков преобладает стратегия избегания проблемных ситуаций [24].

Таджики обладают такими качествами, как коллективизм, традиционализм, ориентация на общественное мнение, гуманизм, терпимость, почитание семьи и ее традиций, культура стыда перед общиной за нарушение ее порядков (нангу номус). Коллективизм является не просто предпочтительным, а обязательным. Проявления индивидуализма не приветствуются, т. к. могут привести к нарушению установленного порядка [25].

Обзор исследований, определяющих психологические особенности народов Центральной Азии и Закавказья, позволил установить, что большую часть составляют этнографические, религиозные, философские и социально-направленные работы. Они сфокусированы на общих чертах национального характера. Тем не менее из них можно сделать вывод, что существуют как общие для данных народов черты – ориентация на семью и общину, коллективизм, традиционализм и патриархальность, – так и отличительные. Кавказцы склонны преувеличивать и акцентировать свои эмоции, решать вопросы силой, азиаты же сдержанны и склонны к избеганию прямых конфликтов. Таким образом, имеющиеся исследования не позволяют установить специфику виктимного поведения подростков стран Закавказья и Центральной Азии.

Методы и материалы

На основании анализа законодательства Российской Федерации, зарубежной и отечественной социальной практики, психологических исследований по проблемам образования и адаптации детей иностранных граждан нами были определены критерий и показатель идентификации семей мигрантов, которые были положены в основу определения выборки испытуемых – наличие гражданства Российской Федерации.

Выборку исследования составили 122 подростка, обучающихся в школах ХМАО-Югра из семей мигрантов: Азербайджана (48 человек), Армении (12), Таджикистана (24), Узбекистана (38).

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе при помощи методики «Исследование склонности к виктимному поведению» [26] выявлялась степень выраженности склонности подростков из семей мигрантов к следующим видам виктимного поведения:

- агрессивный виктимный (агрессивный тип потерпевшего);
- самоповреждающий и саморазрушающий (активный тип потерпевшего);
- гиперсоциальный (инициативный тип потерпевшего);
- зависимый и беспомощный (пассивный тип потерпевшего);
- некритичный (некритичный тип потерпевшего);
- реализованная виктимность.

На втором этапе использовался опросник «Тип ролевой виктимности» М. А. Одинцовой, Н. П. Радиковой, позволяющий определить склонность личности к игровому и / или социальному типу жертвенного поведения [27].

Полученные эмпирические данные анализировались с использованием методов вариационной статистики, в ходе обработки результатов исследования использовались непараметрические статистические методы: коэффициент корреляции рангов Спирмена, χ^2 Пирсона [28]. Выбор непараметрических методов обусловлен отклонением эмпирического распределения от теоретически нормального.

Результаты

Изучение особенностей проявления виктимности у подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья при помощи χ^2 Пирсона (табл. 1) позволяет установить, что существуют достоверно значимые различия в склонности к определенным типам виктимного поведения у подростков из Закавказья и Центральной Азии ($\chi^2=12,4$; $p<0,05$).

Полученные результаты позволяют утверждать, что подростки из Закавказья более склонны к созданию конфликтных ситуаций, к вербальным и физическим провокациям. Склонность к реализации агрессивного виктимного поведения может привести к нарушению общепринятых норм, ценностей.

Саморазрушающее и самоповреждающее поведение (активный тип потерпевшего) предполагает жертвенность, которую личность провоцирует своей непосредственной активностью, и может выражаться как в причинении вреда себе посредством принятия необдуманных решений, так и в привлечении для этого другого лица через подстрекание, провокацию (как обдуманную, так и неосознанную). Такие подростки плохо осознают свои действия, испытывают сложности в прогнозировании их возможных последствий.

На следующем этапе работы были проанализированы особенности ролевой виктимности у подростков из семей мигрантов стран Закавказья и Центральной Азии (рис.). Для подростков из Закавказья наиболее характерно проявление игровой роли жертвы (аутовиктимный тип жертвы).

Высокий уровень игровой роли жертвы говорит о готовности подростков при возникновении трудностей прибегать к помощи внешних ресурсов. Такие подростки непрерывно нуждаются в поддержке окружающих, ради чего готовы прибегать к манипуляциям, обману, преувеличению своих страданий и т. д. Также данные подростки склонны к инфантильности, бегству от ответственности, демонстративным страданиям. Для подростков Центральной Азии более характерно проявление социальной роли жертвы (виктимный тип личности). Такие подростки чувствуют себя

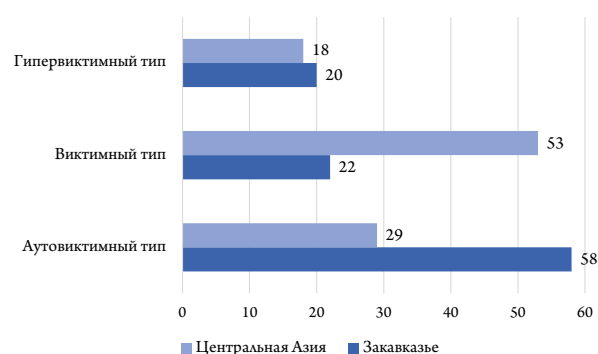

Рис. Распределение подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья по типам ролевой виктимности, %
Fig. Teenage migrants from Central Asia and Transcaucasia: types of victimization role, %

аутсайдерами, склонны к следованию установкам, стереотипам, навязанным извне. Данное свойство лишает подростков способности самостоятельно избавиться от роли жертвы, т. к. они уверены, что их активность не оказывает влияния на окружающую их действительность. Кроме того, ощущение собственной изолированности и статус отвергаемого провоцируют чувство неполноценности и приводят к еще большей отстраненности и изоляции.

Рассчитанное эмпирическое значение ($\chi^2_{\text{эмп}}=14,2$) (табл. 2) превышает минимальное критическое значение ($\chi^2_{\text{крит}}=6,0$). Полученные данные дают основание говорить о наличии достоверных различий ($p=0,001$) в проявлении склонности к ролевой виктимности подростков из семей мигрантов стран Закавказья и Центральной Азии. Подростки из Закавказья склонны к следованию игровой роли жертвы, а подростки из стран Центральной Азии – к реализации социальной роли жертвы.

На следующем этапе работы был проведен анализ взаимосвязей показателей виктимности и ролевой виктимности у подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья (табл. 3).

Табл. 1. Распределение подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья по типам виктимного поведения

Tab. 1. Teenage migrants from Central Asia and Transcaucasia: types of victim behavior

Тип виктимного поведения	Закавказье		Центральная Азия		Общее число
	Абсолютное число	Относительное число	Абсолютное число	Относительное число	
Агрессивный	45	30	8	23	53
Активный	26	16	3	13	29
Инициативный	14	15	13	12	27
Пассивный	31	32	27	26	58
Некритичный	17	31	38	24	55
Реализованная виктимность	12	22	27	17	39
Итого	145 (56%)		116 (44%)		261 (100%)

Прим.: итогов превышает численность выборки, т.к. у одного и того же подростка может обнаружиться более одного типа виктимного поведения.

Табл. 2. Распределение подростков из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья по типам ролевой виктимности

Tab. 2. Teenage migrants from Central Asia and Transcaucasia: types of victimization role

Типы виктимной личности	Закавказье		Центральная Азия		Общее число
	Абсолютное число	Относительное число	Абсолютное число	Относительное число	
Аутовиктимный тип	35	26	18	27	53
Виктимный тип	13	23	33	23	46
Гипервиктимный тип	12	11	11	12	23
Итого	60 (49%)		62 (51%)		122 (100%)

Табл. 3. Взаимосвязь показателей виктимности и ролевой виктимности подростков из семей мигрантов стран Закавказья и Центральной Азии

Tab. 3. Teenage migrants from Central Asia and Transcaucasia: victimization indicators vs. victimization role

Тип виктимного поведения	Агрессивный тип		Активный тип		Инициативный тип		Пассивный тип		Некритичный тип		Реализованная виктимность	
Ролевая виктимность	3	СА	3	СА	3	СА	3	СА	3	СА	3	СА
Социальная роль (виктимный тип)	0,11	0,10	0,15	0,12	0,18	0,22*	-0,24*	0,01	0,17	0,27*	0,01	0,13
Игровая роль (аутовиктимный тип)	0,26*	-0,17	0,22*	-0,22*	0,07	-0,10	-0,06	0,24*	0,06	0,01	0,03	0,18
Общая виктимность (гипервиктимный тип)	0,04	0,03	0,10	0,07	0,16	0,04	0,07	0,11	0,18	0,09	0,19	0,02

Прим.: * – $p=0,05$; 3 – Закавказье; СА – Центральная Азия.

Для виктимного профиля подростков из Закавказья характерно наличие статистически достоверных прямых взаимосвязей между склонностью к реализации игровой роли жертвы и активному ($r_x=0,22$, $p=0,05$) и агрессивному ($r_x=0,26$, $p=0,05$) типам виктимного поведения. Также обнаружена статистически значимая взаимосвязь между социальной ролевой виктимностью и пассивным типом виктимного поведения ($r_x=-0,24$, $p=0,05$). Особенности проявления виктимного поведения у подростков из Закавказья являются склонность к демонстративности, манипулятивности, перекалыванию ответственности, агрессивности. Данное поведение подростки гармонично вписывают в ситуации взаимодействия, добиваясь своего. Личности с таким профилем склонны идентифицировать себя с жертвой и опираться на внешние ресурсы для решения своих проблем через обман, манипулирование, агрессивное поведение. Несмотря на специфичность игровой роли жертвы, ее проигрывание способствует быстрой адаптации, т. к. подростки, реализующие ее, имеют экстернальный локус контроля, проявляют пластичность и способны определить, каким образом получить выгоду, могут убедить окружающих в том, что нуждаются в помощи и поддержке.

У подростков из Центральной Азии обнаружена статистическая значимость взаимосвязей между проявлением социальной роли жертвы и пассивным типом виктимности ($r_x=0,24$, $p=0,05$). Кроме того, выявлена обратная взаимосвязь между социальной ролью жертвы и склонностью к активному типу виктимного поведения ($r_x=-0,22$, $p=0,05$). Подростки из Центральной Азии следуют

предписанному статусу жертвы, играют роль отвергаемых, проявляют пассивность в борьбе с данным статусом. Они отказываются от решительных действий по освобождению от этого статуса в связи с тем, что мир видится враждебным, отталкивающим. Низкая самооценка, обидчивость, склонность к самобичеванию, ригидность усугубляют положение данных подростков, укореняя их жертвенное положение. Подростки виктимного типа сложно адаптируются в обществе, часто неверно трактуют происходящее.

Заключение

Принимающее население часто воспринимает мигрантов как единую группу с общими культурными, психологическими, языковыми особенностями без учета специфических различий между данными группами. Мигранты Центральной Азии и Закавказья имеют более значительную культурную дистанцию по отношению к принимающему населению в сравнении с мигрантами из Белоруссии, Украины, Молдавии. Подростки из семей мигрантов стран Центральной Азии и Закавказья сталкиваются с большим количеством предрассудков и оказываются перед выбором: полноправное членство в принимающем обществе или возможность поддерживать связь с родной культурой. В то же время именно поддерживая двойную связь, вовлекаясь в отношения с представителями обеих культур, мигранты имеют большие шансы к успешной социокультурной адаптации. Для мигранта настолько же важно иметь возможность обозначать свою этническую и культурную принадлежность, как и познавать и вовлекаться в новую для себя среду.

Общими для культур Закавказья и Центральной Азии являются господство патриархата, значимость мнения общины и семьи. Но для культуры Кавказа характерна радикальность, аффективное, чрезмерное реагирование на происходящее, яркое проявление эмоций, силовые способы решения конфликтов, культ силы. Для культур Центральной Азии свойственны умеренность, сглаживание конфликтов, сдержанность в эмоциональных проявлениях. Подростки из Азербайджана и Армении в большей степени, чем подростки из Таджикистана и Узбекистана, склонны к агрессивному и самоповреждающему виктимному поведению, т. е. подростки из Закавказья более склонны к созданию конфликтных ситуаций, к вербальным и физическим провокациям, принятию импульсивных решений.

Установлено наличие достоверных различий в проявлении склонности к ролевой виктимности подростков из семей мигрантов стран Закавказья и Центральной Азии: первые склонны к следованию игровой роли жертвы, вторые – к реализации социальной роли жертвы. К особенностям проявления виктимного поведения подростков из Закавказья относятся склонность к демонстративности, манипулятивности, перекладыванию ответственности, агрессивности. Подростки, реализующие игровую роль жертвы, отличаются высокой адаптивностью, экстернальный локус контроля помогает им устанавливать

контакты и убеждать окружающих оказывать им помощь и поддержку. Подростки из Центральной Азии в большей степени склонны следовать предписанной социумом роли жертвы, они чувствуют себя отвергаемыми обществом, обладают низкой самооценкой, не проявляют активности в борьбе со статусом жертвы. Обидчивость, ригидность, пассивность усугубляют положение данных подростков. Тем не менее они отзывчивы, не склонны к манипулированию, зачастую излишне честны, склонны к справедливости.

Результаты исследования целесообразно учитывать при подготовке программ профилактики и коррекции виктимного поведения и дезадаптации подростков из семей мигрантов.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Обухова Л. Ф. Возрастная психология. М.: Юрайт, 2019. 460 с. [Obuhova L. F. *Age-related psychology*. Moscow: Iurait, 2019, 460. (In Russ.)]
2. Снегирева Т. В., Близнцова О. И. Возрастной аспект формирования способности к целеполаганию в контексте компетентностного подхода. *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2015. № 2. С. 63–81. [Snegireva T. V., Bliznetsova O. I. Considering age aspect when developing goal-setting ability in the context of competence approach. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2015, (2): 63–81. (In Russ.)]
3. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе. *Проблемы формирования личности: избранные психологические труды*. М.; Воронеж: МПСУ; МОДЭК, 2001. 352 с. [Bozhovich L. I. Stages of personality formation in ontogenesis. *Problems of personality formation: selected psychological works*. Moscow; Voronezh: MPSU; MODEK, 2021, 352. (In Russ.)]
4. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с. [Elkonin D. B. *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika, 1989, 560. (In Russ.)]
5. Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, Университетская книга, 1996. 592 с. [Erikson E. G. *Childhood and Society*. Saint Petersburg: Lenato, AST, Universitetskaia kniga, 1996, 592. (In Russ.)]
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, Акад. проект, 1999. 320 с. [Stefanenko T. G. *Ethnopsychology*. Moscow: IP RAS; Akad. proekt 1999, 320. (In Russ.)]
7. Венгер А. Л., Десятникова Ю. М. Групповая работа со старшеклассниками, направленная на их адаптацию к новым социальным условиям. *Вопросы психологии*. 1995. № 1. С. 25–33. [Venger A. L., Desiatnikova Yu. M. Group work with high school students aimed at their adaptation to new social conditions. *Voprosy Psichologii*, 1995, (1): 25–33. (In Russ.)]
8. Di Nicola V. F. Beyond Babel: family therapy as cultural translation. *International Journal of Family Psychiatry*, 1986, 7(2): 179–191.
9. Мудрик А. В. Социальная педагогика. М.: Академия, 2013. 240 с. [Mudrik A. V. *Social pedagogy*. Moscow: Academy, 2013, 240. (In Russ.)]
10. Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 607 с. [Stoliarenko A. M. *Extreme psychopedagogy*. Moscow: YUNITI-DANA, 2002, 607. (In Russ.)]
11. Андронникова О. О. Феномен социально-психологической депривации личности как основа виктимизации. *Сибирский педагогический журнал*. 2015. № 4. С. 130–135. [Andronnikova O. O. The phenomenon of social and psychological deprivation of the person as the basis of victimization. *Siberian Pedagogical Journal*, 2015, (4): 130–135. (In Russ.)]

12. Андронникова О. О. Психологическая модель генезиса индивидуальной виктимизации: детский, подростковый и юношеский возраст. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2019. № 2. С. 55–64. [Andronnikova O. O. Psychological model of the genesis of individual victimization: childhood, adolescence and youth. *The Herzen University Conference on Psychology in Education*, 2019, (2): 55–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-6>
13. Кайипбекова И. У., Гагай В. В. Жизнестойкость как основание преодоления трудных жизненных ситуаций подростками из семей мигрантов. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. Т. 9. № 2. [Kaiipbekova I. U., Gagay V. V. Hardiness as the basis for overcoming difficult life situations by adolescents from migrant families. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2021, 9(2). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/33PSMN221.pdf> (accessed 11 May 2022).
14. Portes A., Zhou M. The new second generation: segmented assimilation and its variants. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 1993, 530(1): 74–96.
15. Лебедева Н. М., Татарко А. Н., Берри Дж. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте. *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N., Berry J. Social and psychological basis of multiculturalism: testing of intercultural interaction hypotheses in the Russian context. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, 37(2): 92–104. (In Russ.)]
16. Hagendoorn L., Drogendijk R., Tumanov S., Hraba J. Inter-ethnic preferences and ethnic hierarchies in the former Soviet Union. *International Journal of Intercultural Relations*, 1998, 22(4): 483–503. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(98\)00020-0](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(98)00020-0)
17. Дубров Д. И. Идеологии межгрупповых отношений и генерализованные предубеждения россиян в отношении мигрантов. *Социальная психология личности и акмеология: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 19–20 октября 2017 г.)*. М.: Пепо, 2017. С. 72–78. [Dubrov D. I. Ideologies of intergroup relations and generalized prejudice towards migrants by Russian population. *Social psychology of personality and acmeology: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Saratov, 19–20 Oct 2017*, 72–78. (In Russ.)]
18. Montreuil A., Bourhis R. Y. Majority acculturation orientations toward "valued" and "devalued" immigrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2001, 32(6): 698–719. <https://doi.org/10.1177/0022022101032006004>
19. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с. [Soldatova G. U. *Psychology of interethnic tension*. Moscow: Smysl, 1998, 386. (In Russ.)]
20. Гулиев Г. Архетипичные азери: лики менталитета. Баку: Ени несил, 2002. 354 с. [Guliyev G. *Archetypal Azeri: faces of mentality*. Baku: Eni nesil, 2002, 354. (In Russ.)]
21. Морева Г. И., Курдоглыан Г. М. Особенности национального самосознания армян, проживающих в России и в Армении. *Социальная психология и общество*. 2019. Т. 10. № 3. С. 67–84. [Moreva G. I., Kurdoglyan G. M. Peculiarities of national identity of Armenians living in Russia and Armenia. *Social'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2019, 10(3): 67–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2019100305>
22. Погосян Г. А. Армянское общество в трансформации. Ереван: Лусабац, 2003. 459 с. [Pogosian G. A. *Armenian society in transformation*. Yerevan: Lusabats, 2003, 460. (In Russ.)]
23. Назаров А., Аvezов О. Формирование узбекского этноса. *РЕМ: Psychology. Educology. Medicine*. 2014. № 2. С. 119–124. [Nazarov A., Avezov O. Formation of the Uzbek ethnos. *REM: Psychology. Education. Medicine*, 2014, (2): 119–124. (In Russ.)]
24. Мишина М. М., Воробьева К. А. Психологические особенности подростков, склонных к девиантному поведению: на примере российских и узбекских подростков. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2020. № 4. С. 117–139. [Mishina M. M., Vorobyeva K. A. Psychological characteristics of teenagers prone to deviant behavior. On the example of Russian and Uzbek teenagers. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2020, (4): 117–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-4-117-139>
25. Урунова Х. У. Особенности таджикского менталитета как объект социально-философского анализа. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук*. 2015. № 3. С. 42–47. [Urunova H. U. The peculiarities of Tajik mentality as an object of social-philosophical analysis. *Bulletin of Tajik state university of Law, Business and Policy. Series of Humanitarian Sciences*, 2015, (3): 42–47. (In Russ.)]
26. Андронникова О. О. Методика исследования склонности к виктимному поведению. *ОБЖ: Основы безопасности жизни*. 2014. № 7. С. 34–40. [Andronnikova O. O. Methodology for the study of propensity to victim behavior. *FLS. Fundamentals of Life Safety*, 2014, (7): 34–40. (In Russ.)]
27. Одинцова М. А. Типы поведения жертвы: диагностика ролевой виктимности. Самара: Бахрах-М, 2013. 160 с. [Odintsova M. A. *Types of victim behavior: diagnostics of victimization role*. Samara: Bakhrah-M, 2013, 160. (In Russ.)]
28. Благинин А. А., Торчило В. В. Математические методы в психологии и педагогике. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2006. 84 с. [Blaginin A. A., Torchilo V. V. *Mathematical methods in psychology and pedagogy*. St. Petersburg: LSU named after A. S. Pushkin, 2006, 84. (In Russ.)]

оригинальная статья

Особенности понятийного мышления как фактор психологической готовности младших школьников к переходу в среднее образовательное звено

Санжаева Римма Дугаровна

Бурятский государственный университет имени Доржи
Банзарова, Россия, Улан-Удэ

Миронова Татьяна Львовна

Бурятский государственный университет имени Доржи
Банзарова, Россия, Улан-Удэ

Шапкин Никита Сергеевич

Бурятский государственный университет имени Доржи
Банзарова, Россия, Улан-Удэ

<https://orcid.org/0000-0003-0863-4369>

shapkin.88@list.ru

Гунзунова Бальжима Анатольевна

Бурятский государственный университет имени Доржи
Банзарова, Россия, Улан-Удэ

Галсанова Долгор Раднанимаевна

Бурятский государственный университет имени Доржи
Банзарова, Россия, Улан-Удэ

Поступила в редакцию 25.04.2022. Принята после рецензирования 27.06.2022. Принята в печать 04.07.2022.

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки наиболее эффективных способов формирования психологической готовности к процессу перехода из начальной школы в общее среднее звено. Статья посвящена анализу понятийного мышления как фактора психологической готовности младших школьников к переходу в среднее образовательное звено. Предполагается, что понятийное мышление может выступать фактором психологической готовности к переходу. Цель – выявить взаимосвязи между психологической готовностью и понятийным мышлением. Выделены элементы связи между двумя феноменами. Понятийное мышление является ключевым фактором для освоения учебных знаний и учебной программы, а также для формирования метапредметных компетенций, что выступает в качестве одного из критериев психологической готовности к образовательной деятельности. Психологическая готовность рассматривается с разных сторон, в том числе и с точки зрения адаптации к особенностям учебного процесса. Представлен анализ трудностей, с которыми учащиеся сталкиваются в процессе обучения; проанализированы необходимые компетенции, которые должны формироваться в процессе обучения; особенности и новообразования, необходимые для обучения в средней школе. Подготовлен список рекомендаций для успешного формирования психологической готовности к переходу из начальной школы в среднюю: сделать акцент в образовательном процессе на развитие способностей, в частности понятийного мышления (данная задача может быть реализована через применение специальных дополнительных программ, решение логических задач, работу по пособиям А. Зака); проанализировать структуру учебных предметов, добавить в них логические, понятийные связи, т. к. для школьника важно изначально строить целостную, однородную картину мира, подчиненную причинно-следственным законам (в некоторых курсах предмета *Окружающий мир* таких связей не наблюдается, и поэтому возникают сложности с освоением материала); диагностировать понятийное мышление педагогов с целью помощи в организации образовательного процесса и его построения по понятийному принципу. Полученные результаты можно использовать для широкого спектра педагогических и психологических задач сопровождения и модернизации процесса обучения.

Ключевые слова: мышление, понятие, общее образование, младшие подростки, психологическая готовность, эффективность обучения

Цитирование: Санжаева Р. Д., Миронова Т. Л., Шапкин Н. С., Гунзунова Б. А., Галсанова Д. Р. Особенности понятийного мышления как фактор психологической готовности младших школьников к переходу в среднее образовательное звено. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 533–540. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-533-540>

full article

Conceptual Thinking as Part of Psychological Readiness of Younger Schoolchildren for Secondary School

Rimma D. Sanzhaeva
Dorji Banzarov Buryat State University, Russia, Ulan-Ude

Balzhima A. Gunzunova
Dorji Banzarov Buryat State University, Russia, Ulan-Ude

Tatiana L. Mironova
Dorji Banzarov Buryat State University, Russia, Ulan-Ude

Dolgor R. Galsanova
Dorji Banzarov Buryat State University, Russia, Ulan-Ude

Nikita S. Shapkin
Dorji Banzarov Buryat State University, Russia, Ulan-Ude
<https://orcid.org/0000-0003-0863-4369>
shapkin.88@list.ru

Received 25 Apr 2022. Accepted after peer review 27 Jun 2022. Accepted for publication 4 Jul 2022.

Abstract: Psychological readiness for secondary school requires new development tools. The article focuses on conceptual thinking as a factor in the psychological readiness of younger schoolchildren for secondary school. The research objective was to identify the effect of conceptual thinking on psychological readiness for secondary education. Conceptual thinking is a key factor for the development of academic knowledge, as well as for the formation of meta-subject competencies. In fact, it is regarded as a criterion for psychological readiness for academic activities in general. The article focuses on psychological readiness from different angles, e.g., as adaptation to the peculiarities of the academic process. It describes the difficulties that students face in the learning process, as well as analyzes the necessary competencies and neoplasms necessary for secondary school. The authors developed recommendations for effective psychological readiness. The results obtained can be used for pedagogical and psychological support.

Keywords: thinking, concept, general education, younger adolescents, psychological readiness, learning efficiency

Citation: Sanzhaeva R. D., Mironova T. L., Shapkin N. S., Gunzunova B. A., Galsanova D. R. Conceptual Thinking as Part of Psychological Readiness of Younger Schoolchildren for Secondary School. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 533–540. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-533-540>

Введение

В современном мире сохраняются общие, базовые проблемы педагогической психологии, но в связи с глобализацией мировых процессов, цифровизацией и гаджетизацией происходит увеличение масштаба их влияния. Некоторые факторы становятся имплицитными и в связи с этим требуют специальных исследований.

Момент перехода школьника из четвертого класса в пятый всегда являлся одним из самых сложных в процессе школьного образования. Школьник должен завершить первый важный этап своего обучения – начальное образование – и начать новый этап – основное общее образование. Данный переход сопровождается рядом учебных, интеллектуальных, психологических трудностей, которые были исследованы в работах многих авторов. Так, А. В. Деянова и Л. Г. Юрченко исследуют особенности мотивации учащихся при переходе [1], Н. В. Иванова и др. рассматривают причины тревожности, связанные с переходом в пятый класс [2]. Широко вопрос перехода рассматривают Е. А. Меньшикова [3], С. М. Хапачева и др. [4].

Важно отметить, что ребенок, четыре года изучавший базовые предметы по программе начального образования с одним учителем, при переходе в среднюю школу

оказывается дезадаптированным, ему сложно освоиться в новой учебной среде. Необходимость изучать новые предметы, в основе которых стоят фундаментальные науки, создает дополнительные сложности в процессе адаптации. Как правило, эти трудности проходят в латентном периоде в пятом и шестом классах, а в седьмом классе, когда по данным курсам накоплено значительное количество учебных пробелов, это становится для ребенка поводом считать себя неуспешным в учебной деятельности и перевести свое внимание на другие виды деятельности.

В данной связи актуальным является вопрос психологической готовности к переходу из начальной школы в среднюю. Психологическая готовность – это сложное психическое явление, которое имеет множество подходов к своему определению. Также необходимо обратить внимание на формирование понятийного мышления как фактора психологической готовности к переходу. Понятийное мышление занимает ключевую роль в структуре мышления обучающегося субъекта, его формирование должно быть одной из задач школьного обучения. Важно определить, имеются ли значимые взаимосвязи между сформированным понятийным мышлением и психологической готовностью,

т.к. готовность – широкое понятие, включающее в себя различные психологические характеристики. В данной статье раскрываются особенности понятийного мышления как фактора психологической готовности, выявлены необходимые области изучения данного вопроса, обозначены актуальные вопросы исследования и показаны некоторые варианты их решения.

В статье представлен анализ исследования понятийного мышления как фактора психологической готовности к переходу в среднюю школу с целью выяснить основные особенности, точки схождения и развития, проблемы, сложившиеся к настоящему времени; обратить внимание на перспективы использования технологий развития понятийного мышления в образовательном процессе для повышения качества образования и успешности перехода в среднее звено обучения. Проведен обзор как отечественных, так и зарубежных научных трудов, охватывающих различные подходы и взгляды на особенности понятийного мышления, психологической готовности и их роль в формировании личности обучающегося. Анализ проводился по трем критериям:

1. Источники анализировались на предмет нахождения общих связей между психологией понятийного мышления и психологической готовностью школьников в процессе обучения.
2. Рассматривались взгляды авторов на технологии развития понятийного мышления и формирование психологической готовности к процессу обучения.
3. Выявлялись особенности и взаимосвязи сформированности психических процессов с непосредственной образовательной действительностью, учебным планом и теми компетенциями, которые должны освоить учащиеся. Такой анализ позволил не только выявить современное состояние изученности данной проблемы, но и сформировать представление о дальнейших направлениях исследования и применения полученной информации к модернизации учебного процесса.

Понятие *психологическая готовность*

Современный школьник встречается с внутренним конфликтом на уровне мотивации, т.к. ему хочется хорошо учиться, но при этом он видит легкие способы получать хорошие оценки и формально реализовывать свою изначальную цель без дополнительных трудозатрат. В этой связи формируется разочарование в процессе образования. Оно воспринимается как что-то, не требующее усилий, что можно получить легко и без трудозатрат. Лишь немногие школьники способны совершить переход к внутренней мотивации и действительно разобраться в учебных предметах при освоении школьного курса. Безусловно, данные проблемы являются решаемыми, если ребенок психологически готов и понимает механизмы их преодоления.

В отечественной психологии понятие *готовность* впервые было предложено Л. С. Выготским и рассматривалось как готовность детей к школьному обучению.

В психологическом словаре готовность трактуется как установка, направленная на выполнение того или иного действия. Такая установка предполагает наличие определенных знаний, умений, навыков; готовность к противодействию возникающим в процессе выполнения действий препятствиям; приписывание какого-либо личностного смысла выполняемому действию [5]. Н. Д. Левитов, А. А. Ухтомский, В. Н. Пушкин и Л. С. Нерсисян в своих трудах дают различные определения психологической готовности. В понятие готовности входит не только психологическое содержание, но и другие компоненты, например, физическая подготовленность и психофизиологическое состояние, а также лежащие вне человека факторы, такие как оснащение, ресурсы, время. Для нашего дальнейшего исследования важно оставить только психологические компоненты. К психологической готовности относят индивидуально-психологические свойства и качества, важные с точки зрения предмета готовности; необходимые знания, умения и навыки, способности; а также все многообразие форм отношений к предмету готовности – установки, ценности, смыслы. В широком смысле к ней могут относиться практически все известные психологические конструкции. Важно выделить те качества предмета готовности, которые необходимы для качественного перехода в пятый класс.

Рассматривая психологическую готовность ребенка к переходу с начального звена в среднюю школу, следует отметить, что в нее будут входить как личностные характеристики, так и интеллектуальные способности. Важно, чтобы ребенок был организован, исполнитель, имел хороший уровень активности, при этом тревожность и эмоциональность не должны выходить за критические значения. Личностные особенности влияют на обучение, потому что от психологического состояния ребенка, уровня его стресса во многом зависит успешность его деятельности. Но на личностные особенности могут оказывать влияние и интеллектуальные способности, т.к. известно, что учащиеся со слабыми интеллектуальными способностями часто испытывают стресс при выполнении учебных заданий, а значит не могут спокойно и полноценно учиться.

В этом плане психологическая готовность должна соотноситься с понятием психологического здоровья как состояния благополучия, уверенности в собственных силах и способности преодолевать обычные жизненные стрессы. Если же учеба становится запредельной трудностью, с которой ребенок не может справиться без помощи, то такой ребенок не готов к учебной деятельности и требует полноценной помощи и сопровождения в учебном процессе.

Н. Д. Левитов определял готовность как пригодность или непригодность человека к выполнению данной работы, наличие или недостаток у него способностей, необходимых для данной работы [6]. Психологическую готовность к переходу в среднее звено школы также можно рассмотреть как готовность к деятельности, в данном случае учебной. Учебная деятельность характеризуется необходимостью осваивать новые знания, умения и навыки;

формировать универсальные учебные действия. К этому следует отнести не только те виды деятельности, через которые ребенок проходит в процессе своего развития (игровая, учебная, общественно-значимая, профессионально-учебная), но и интеллектуальную деятельность. Так как ребенок ежедневно занимается науками, осваивает различные научные понятия, учится видеть связи между ними, то он должен быть психологически готов к этой деятельности ежедневно.

Факторы, мешающие эффективному образовательному процессу

На современных детей действует множество отвлекающих факторов, которые действовали и ранее, но сейчас усилились. Условия цифровизации и гаджетизации добавляют дополнительный стресс для ребенка, т. к. в его сознании постоянно имеется установка на гаджет-деятельность: желание проверить приходящее сообщение, зайти в игру на телефоне, а в случаях трудностей с пониманием учебных предметов – обратиться к Интернету, не прилагая усилий к самостоятельному пониманию материала [7]. Помимо внешних отвлекающих факторов на ребенка действуют и внутренние, такие как недостаток учебного внимания и учебной памяти, недостатки в развитии мышления, общая медлительность или, наоборот, гиперактивность.

Рассмотрим подробнее факторы, мешающие эффективному образовательному процессу. Современные школьники осваивают лишь небольшой процент школьных знаний на долговременной основе, большая часть информации проходит через промежуточную память и не остается в ней надолго. Учебный план и постоянные переходы к новым темам не позволяют обобщить и закрепить ранее изученный материал. В таких условиях общее образование является не целостным, а фрагментарным. При таком подходе успешно реализуются многие метапредметные компетенции, такие как умение использовать различные источники информации и быстро адаптироваться в меняющейся среде, но многие другие компетенции остаются нереализованными.

Задача значительного повышения уровня сохранения полученной в процессе обучения информации является важнейшей для современной педагогической психологии [7]. В условиях усложнения среды, цифровизации и технологизации важнейшими кадрами становятся не те, кто может изобретать новые технологии, а те, кто эффективно может осваивать, использовать и внедрять уже имеющиеся. Практика эффективного использования технологий начинается со школы, потому что освоение научных знаний, их эффективная реализация и построение на их базе картины мира и являются основой для полноценной интеграции молодого человека в современный мир. Страх перед технологиями, непонимание процессов, происходящих в мире, – это проблема не только школьников, но и современного общества. Зачастую школьники оказываются более адаптированы к текущим условиям, но не могут объяснить для себя, зачем им нужны образовательные технологии старого образца.

Важно обозначить черты учащихся 10–11 лет. Согласно возрастной периодизации Д. Б. Эльконина, это соответствует переходу из младшего школьного возраста в подростковый. Исходя из деятельностного подхода, мы можем обнаружить, что происходит важный, переломный период в жизни ребенка. С учебной деятельности, которая была наиболее актуальна в период с 6 до 10 лет, акцент смещается на общественно-значимую деятельность, которая будет превалировать с 10 до 15 лет, вплоть до перехода к учебно-профессиональной деятельности [8].

Следует отметить ряд особенностей, характеризующих учебную и общественно-значимую деятельность на данных этапах. Для учебной деятельности характерно формирование теоретического сознания и мышления; развитие способностей к логическим операциям (рефлексии, анализу, синтезу, мысленному планированию); формирование потребностей и мотивов учения. Важны такие виды общественной деятельности, как трудовая, учебная, общественно-организационная, спортивная, художественная и др. Важным новообразованием на данном этапе является умение строить общение в разных коллективах с учетом принятых в них норм, умение оценивать возможности собственного «я», т. е. формирование практического сознания [9]. Современные дети часто оказываются не готовы к данному переходу, у них не происходит полноценного перехода с игровой (характерной для 3–6 лет) на учебную деятельность, и все остальные переходы происходят с опозданием.

Понятийное мышление

При переходе в среднее школьное звено ребенок сталкивается с трудностями, описанными в трудах многих авторов [10; 11]. Самые основные из них – это необходимость взаимодействия со сверстниками, взрослыми, учителями-предметниками; появление новых предметов, в основе которых лежат фундаментальные науки; необходимость формировать долговременные знания без повторения центрального ядра предмета, за исключением математики и русского языка.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, период с 5 по 9 класс считается этапом основного общего образования и, безусловно, данный промежуток является центральным и базовым во всем школьном обучении. На начальном этапе главной задачей является освоение базовых умений и навыков: научиться читать, писать, считать и получить базовые представления о мире. В старшей школе учащиеся целиком посвящены подготовке к выпускным экзаменам, а весь основной научный базис школьного образования формируется именно в период среднего школьного звена.

В пятом классе в учебной программе появляются такие предметы, как биология, география и история, – предметы, в базе которых находятся фундаментальные естественные и гуманитарные науки. Данные дисциплины будут изучаться до конца школы, а знания по ним будут закономерным образом трансформироваться и усложняться. Так, программа

по биологии несет в себе основу для понимания физики и химии в старших классах. В программе по биологии даются базовые понятия о телах и веществах. Также изучение наук позволяет построить научную картину мира с позиции разных наук. Однако, как отмечают ученые, у школьников наблюдаются трудности с накоплением знаний и формированием целостных представлений. Так, по результатам исследования остаточных знаний по биологии, проведенного Н. С. Шапкиным и Р. В. Кушковым на базе Центра образовательных технологий Memo education, среди 33 учащихся 5–9 классов средний балл составил 26,1 из 100 возможных [8], что свидетельствует о низком качестве остаточных знаний и отсутствии сформированных базовых понятий.

Понятийный принцип освоения программы предполагает создание структуры предмета, понимания внутренних взаимосвязей между понятиями. В начальной школе, согласно А. С. Выготскому, у ребенка преобладают процессы восприятия и памяти, и лишь на базе правильно сформированных общих положений у ребенка начинает формироваться теоретическое мышление. Ребенок не совершает этот переход сам, он знакомится с уже известными в науке положениями и улавливает принцип организации знаний. Со временем у него формируется навык выполнения действий по аналогии. Поэтому в начальной школе очень важны учебные программы, особенно по таким предметам, как математика, русский язык и окружающий мир.

На базе данных дисциплин формируются такие метапредметные компетенции, как умение принимать и сохранять цели учебной деятельности, планировать, контролировать и оценивать собственные учебные действия в соответствии с поставленной задачей. Формируются навыки смыслового чтения текстов разных стилей и жанров, ученик овладевает логическими действиями сравнения, анализа, синтеза, обобщения по родовым признакам, установления аналогий и причинно-следственных связей, построения рассуждений, отнесения к известным понятиям, базовым предметным и межпредметным понятиям, отражающим существенные связи и отношения между объектами и процессами. Реализация данных компетенций невозможна без формирования теоретического мышления.

Именно понятийное мышление является тем инструментом, с помощью которого ребенок постигает науку. Понятийное мышление – это вид мышления, который использует объективные категориальные обобщения, основывается на общетеоретических принципах науки, а не ситуативных, функциональных, эмоциональных или других обобщениях, которые использует ребенок. Формирование понятийного мышления происходит в результате регулярного, ежедневного занятия науками, что отмечал еще Л. С. Выготский [12].

Как вид познавательной деятельности, понятийное мышление рассматривается в контексте его неразрывности с процессом обучения [13]. Выделяются трудности, с которыми сталкиваются учащиеся на пути формирования понятийного

мышления [14]. Важно отметить, что помимо личностных особенностей самого учащегося, которые могут стать тормозящими факторами для развития, имеет значение и та программа, по которой он занимается. В трудах Л. А. Ясюковой можно найти множество подтверждений того, что сегодня понятийное мышление развивается у учащихся медленно, случайно или только в тех школах, где дети занимаются по специальным программам [15; 16].

Безусловно, здесь мы можем говорить о понятийном мышлении как об инструменте для полноценного понимания математики, русского языка, биологии, географии, истории и других предметов. Как правило, именно усвоение базиса таких предметов, как биология, география и история, становится основой для формирования мышления. Математика и русский язык становятся дисциплинами, ориентированными на выполнение конкретных учебных операций, по которым учащиеся осваивают правила и способы действия, но не понимают внутренних закономерностей, лежащих в их основе. Если же ребенок понимает, как устроен мир с позиции биологии, географии, истории, то мы можем говорить о формировании у него научной картины мира и сформированности мышления более высокого уровня.

Так как в основе любой науки лежит понятийный принцип, в каждой науке есть некое центральное ядро, куда входят базовые понятия науки и основные структурные связи между понятиями. Л. С. Выготский называл построение такой структуры *понятийной пирамидой* [12]. Когда обучение строится по такому принципу, ребенок видит основную суть предмета и увязывает все новые темы с предыдущими. Логика освоения дисциплины становится причинно-следственной, и важнейшим фактором здесь является понятийное мышление.

В современной образовательной среде принцип укрупнения знаний, повторения базовых тем, формирования понятийного ядра встречаются редко. Чаще всего он используется в изучении математики и русского языка, т. к. именно по этим дисциплинам больше всего часов и базовые темы в них крепко связаны с последующими. Во всех остальных дисциплинах такого регулярного повторения не происходит. Общая структура формируется и обозначается лишь в первой четверти, дальше идет лишь последовательное изучение новых тем. Связать все с общей логикой повествования могут лишь учащиеся с хорошей памятью и хорошо развитым понятийным мышлением.

Понятийное мышление может выступать важнейшим фактором готовности школьника к переходу в среднее звено. Если понятийное мышление формируется в начальной школе, то это говорит о становлении интеллекта нового уровня и психологической готовности ребенка к процессу обучения. Школьник с таким мышлением будет адаптирован к изменившимся условиям среды, т. к. наличие понятийного мышления тесно связано с социальным интеллектом [16]. Учебные трудности могут быть самостоятельно преодолены ребенком, а связи между изучаемым материалом

будут находиться автоматически. Именно наличие такого мышления является основополагающим фактором наличия психологической готовности к обучению и последующей учебной успешности.

Обучение должно носить преемственный характер, новые знания должны опираться на уже освоенные [17], в том числе и в процессе перехода из начального звена в среднее, поскольку данный принцип напрямую влияет на адаптацию в образовательной среде и успешность реализации новых компетенций уже для основного общего образования. Мы можем проследить взаимосвязь между вышеотмеченными компетенциями и новыми, метапредметными компетенциями для основного общего образования. Многие компетенции закономерно повторяют компетенции для начального образования, но некоторые планомерно усложняются и для своего усложнения требуют базу из сформированных начальных навыков [18; 19]. Например, умение определять понятия – это более сложная логическая операция, чем овладение базовыми понятиями, данными в уже готовом виде. Для самостоятельного определения понятия ученик должен знать правила определения, видеть родовидовую принадлежность понятия [20]. Такие компетенции, как умение создавать обобщения, устанавливать аналогии, классифицировать, самостоятельно выбирать основания и критерии для классификации, устанавливать причинно-следственные связи, строить логическое рассуждение, умозаключение (индуктивное, дедуктивное и по аналогии) и делать выводы, предъявляют серьезные требования к развитию мышления учащихся и для реализации должны иметь под собой хорошую базу начальных навыков.

В структуре понятийного мышления можно выделить три компонента, которые по своей сути соотносятся с выделенными учебными компетенциями [12]. Понятийно-интуитивное мышление отвечает за способность видеть существенный признак в предлагаемом материале, понимать общий смысл текстового и речевого сообщения, напрямую влияет на осмысленность процесса чтения. За общие аналитические способности отвечает понятийно-логическое мышление. Именно данный вид мышления отвечает за способности к освоению логических операций, умение понимать смысл правила и формулы, а также правильно их применять. Понятийно-категориальное мышление отвечает за общую способность к классификации и категоризации информации, умение строить понятийные пирамиды, видеть и создавать структуру изучаемого материала. Именно эти три компонента вместе образуют полноценную структуру понятийного мышления, которое и позволяет успешно и эффективно учиться, а впоследствии заниматься науками.

Заключение

Понятийное мышление может выступать фактором психологической готовности к переходу младших школьников в среднее образовательное звено. Именно благодаря

особенностям развитого понятийного мышления школьники смогут успешно осваивать материалы различных наук, вникать в их суть, создавать полноценные понятийные пирамиды, которые обеспечат им надежное, долговременное понимание материала.

Исходя из полученных результатов, мы можем предложить следующие рекомендации:

- Сделать акцент в образовательном процессе на развитие способностей, в частности понятийного мышления. Данная задача может быть реализована через применение специальных дополнительных программ, решение логических задач, работу по пособиям А. Зака.
- Проанализировать структуру учебных предметов, добавить в них логические, понятийные связи, т.к. для школьника важно изначально строить целостную, однородную картину мира, подчиненную причинно-следственным законам. В некоторых курсах предмета *Окружающий мир* таких связей не наблюдается, и поэтому возникают сложности с освоением материала.
- Диагностировать понятийное мышление педагогов с целью помощи в организации образовательного процесса и его построения по понятийному принципу.

Результаты, полученные в ходе нашего исследования, можно применить для совершенствования образовательного процесса. Сделав больший акцент на развитии понятийного мышления в начальной школе, учащихся можно будет подготовить к переходу в среднее звено и минимизировать многие учебные трудности. Ребенок со сформированным понятийным мышлением будет психологически готов обучаться, приобретать знания и получать полноценное общее образование.

Исследования в этом направлении имеют актуальность, данную тему нужно углублять и расширять, выявляя различные аспекты психологической готовности. Также необходимо практическое подтверждение взаимосвязи понятийного мышления и психологической готовности. Так как настоящее исследование носит теоретический характер, его данные имеют ряд ограничений. Последующие исследования могут включать в себя проведение диагностики когнитивной сферы учащихся 4 и 5 классов, выявление уровня их понятийного мышления, оценку качественных взаимосвязей с уровнем психологической готовности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Деянова А. В., Юрченко Л. Г. Особенности мотивации учеников начальных классов при переходе в среднее школьное звено. *Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Славянск-на-Кубани, 12–16 сентября 2016 г.)*. Славянск-на-Кубани: Филиал ФГБОУ ВПО КубГУ, 2014. С. 249–252. [Deyanova A. V., Yurchenko L. G. Motivation of primary school students during the transition to secondary school. *Resources of the region: cultural and historical development in the context of science and education: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Slavyansk-on-Kuban, 12–16 Sep 2016*. Slavyansk-on-Kuban: Branch of KubSU, 2014, 249–252. (In Russ.)]
2. Иванова Н. В., Кокорева Н. Е., Севастьянова А. Д. Значимые для школьников причины тревожности относительно перехода в пятый класс. *Мир педагогики и психологии*. 2021. № 7. С. 50–59. [Ivanova N. V., Kokoreva N. E., Sevastyanova A. D. Significant reasons for students' anxiety about the transition to the fifth grade. *Mir pedagogiki i psikhologii*, 2021, (7): 50–59. (In Russ.)]
3. Меньшикова Е. А. Психологическая готовность детей к обучению как предпосылка развития активной познавательной позиции младших школьников. *Евразийский союз ученых*. 2014. № 7-6. С. 122–124. [Menshikova E. A. Psychological readiness of children for learning as a prerequisite for the development of an active cognitive position of younger schoolchildren. *Eurasian Union of Scientists*, 2014, (7-6): 122–124. (In Russ.)]
4. Хапачева С. М., Хапачева Ф. Т., Жажева Д. Д., Жажева С. А. Особенности адаптации обучаемых в период перехода из начальных классов в среднее звено. *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2019. № 45. С. 16–19. [Hapacheva S. M., Hapacheva F. T., Zhazheva D. D., Zhazheva S. A. Adaptation of students during the transition from primary school to secondary school. *Sborniki konferentsii NITS Sotsiosfera*, 2019, (45): 16–19. (In Russ.)]
5. Санжаева Р. Д. Готовность и психологические механизмы ее формирования. Улан-Удэ: БГУ, 2017. 208 с. [Sanzhaeva R. D. *Readiness and psychological mechanisms of its formation*. Ulan-Ude: BSU, 2017, 208. (In Russ.)]
6. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 424 с. [Levitov N. D. *Mental states of a person*. Moscow: Prosveshchenie, 1964, 424. (In Russ.)]
7. Елшанский С. П. Когнитивная неэффективность школьного обучения в условиях цифровизации. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 79. С. 130–152. [Elshansky S. P. Cognitive inefficiency of school education in the context of digitalization. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (79): 130–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/79/8>
8. Шапкин Н. С., Кушкоев Р. В. Компоненты, отвечающие за общую способность к получению образования. *Современная школа России. Вопросы модернизации*. 2021. № 9-1. С. 174–177. [Shapkin N. S., Kushkoev R. V. Components responsible for general education. *Sovremennaya shkola Rossii. Voprosy modernizatsii*, 2021, (9-1): 174–177. (In Russ.)]
9. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996. 544 с. [Davydov V. V. *The theory of developmental learning*. Moscow: Intor, 1996, 544. (In Russ.)]
10. Королькова Ж. И., Черенкова Н. В. Переход учащихся четвертых классов к обучению в основном звене школы. *Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: актуальные проблемы образовательного процесса в гетерогенных организациях: VIII Междунар. научн.-практ. конф. (Рязань, 6–8 октября 2016 г.)*. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2016. С. 72–76. [Korolkova Zh. I., Cherenkova N. V. The transition of fourth grade students to education in the main school. *Pedagogy and psychology as a resource for the development of modern society: actual problems of the educational process in heterogeneous organizations: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ryazan, 6–8 Oct 2016*. Ryazan: RSU, 2016, 72–76. (In Russ.)]
11. Платонова О. Г. Преемственность в обучении обучающихся 5-х классов при переходе из начальной в основную школу. *Преемственность в образовании*. 2019. № 23. С. 310–314. [Platonova O. G. Continuity in teaching fifth grade students during the transition from primary to secondary school. *Preemstvennost v obrazovanii*, 2019, (23): 310–314. (In Russ.)]
12. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: АСТ, 2009. 671 с. [Vygotsky L. S. *Educational Psychology*. Moscow: AST, 2009, 671. (In Russ.)]
13. Юдина Н. В. Понятийное мышление как разновидность познавательной деятельности. *Вестник ОГПУ*. 2006. № 3. С. 112–117. [Yudina N. V. Conceptual thinking as a kind of cognitive activity. *Vestnik OGPU*, 2006, (3): 112–117. (In Russ.)]
14. Чиханова Е. В., Новикова А. Н. Проблемы развития понятийного мышления обучающихся и пути их преодоления. *Актуальные проблемы военной педагогики и психологии в системе военных образовательных организаций: мат-лы межведомственной науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2019 г.)* 2-е изд., испр. и доп. СПб: Астерион, 2020. 416–423. [Chikhanova E. V., Novikova A. N. Problems of the development of conceptual thinking of students and ways to overcome them. *Relevant issues of military pedagogy and psychology in the system of military educational organizations: Proc. Interdepartmental Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, November 14–15, 2019, 2nd ed.* St. Petersburg: Asterion, 2020, 416–423. (In Russ.)]
15. Ясюкова Л. А. Прогноз и профилактика проблем обучения в 3–6 классах. 2-е изд. СПб.: ИМАТОН, 2014. Ч. II. 216 с. [Iasiukova L. A. *Forecast and prevention of learning problems in grades 3–6. Pt. II*. 2nd ed. St. Petersburg: IMATON, 2014, 216. (In Russ.)]

16. Ясюкова Л. А., Белафина О. В. Роль интеллектуальных способностей в становлении личности подростка. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2010. № 3. С. 150–164. [Yasyukova L. A., Belavina O. V. Role of intellectual abilities in building-up of teenager personality. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2010, (3): 150–164. (In Russ.)]
17. Аминов Н. А., Малахова В. Р., Чернявская В. С. Механизм самораскрытия способностей у подростков как фактор академической успешности. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 82. С. 96–119. [Aminov N. A., Malakhova V. R., Chernyavskaya V. S. Ability self-disclosure mechanism in adolescents as factor of academic success. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (82): 96–119. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/82/6>
18. Веденева Ю. Б., Цилинская Т. Н. Взаимодействие учителя начальных классов с учителем-предметником при переходе учащихся в V класс. *Начальная школа*. 2011. № 1. С. 44–46. [Vedeneva Yu. B., Tsilinskaia T. N. Interaction of a primary school teacher with a subject teacher during the transition of students to the fifth grade. *Nachalnaia shkola*, 2011, (1): 44–46. (In Russ.)]
19. Винникова О. В., Бубновская О. В. Психологическая готовность к школе как фактор успешности обучения младшего школьника. *Международный студенческий научный вестник*. 2015. № 5-2. С. 209–212. [Vinnikova O. V. Psychological readiness for school as a factor in the success of teaching younger students. *International student research bulletin*, 2015, (5-2): 209–212. (In Russ.)]
20. Волкова Н. И. Формирование понятийного мышления у учащихся 4 классов в рамках программы внеурочного курса «Основы научного мышления». *Психологическое сопровождение образования: теория и практика*: VII Междунар. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 28–30 декабря 2016 г.) Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2017. С. 79–84. [Volkova N. I. Formation of conceptual thinking in fourth grade students within the framework of the extracurricular course of Fundamentals of scientific thinking. *Psychological support of education: theory and practice*: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf., Yoshkar-Ola, 28–30 Dec 2016. Yoshkar-Ola: STRING, 2017, 79–84. (In Russ.)]

Уведомление о ретрагировании статей из журнала «Вестник Кемеровского государственного университета»

Редакционная коллегия журнала «Вестник Кемеровского государственного университета» постановила от 05.09.2022 ретрагировать следующие статьи:

1. **Аргентова Л. В., Аргентова Т. Е. Занятия национальными видами спорта как фактор аккультурации. Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 72–76.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Аргентова Л. В., Аргентова Т. Е. Шамовская Т. В. Личностные особенности спортсменов – профессиональных тайских боксеров. *Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии*. 2015. Т. 1. С. 113–120. (Мат-лы XIII Всерос. науч.-практ. конф., Кемерово, 25–26 марта г.)
Тематика: психологические науки.
2. **Долганов Д. Н. Классификация межличностных отношений. Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-1. С. 69–74.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Долганов Д. Н. Классификация межличностных отношений. *Вестник экспериментального образования*. 2015. № 2. С. 40–56.
Тематика: психологические науки.
3. **Захраи С. Х. Престижные наработки: о закономерностях функционирования модных русских слов в языке новой эпохи. Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4. С. 157–161.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Захраи С. Х. Престижные наработки: о закономерностях функционирования модных русских слов в языке новой эпохи. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2010. № 2. С. 139–144.
Тематика: филологические науки.
4. **Козырева А. А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-2. С. 56–59.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Козырева А. А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*. 2014. № 3. С. 3.
Тематика: политические науки.
5. **Матаев Т. М. Кластерный подход в развитии модели партнерства государства и предпринимательских структур в транспортной сфере в Республике Казахстан. Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4-1. С. 237–240.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Матаев Т. М. Кластерный подход в развитии модели партнерства государства и предпринимательских структур в транспортной сфере в Республике Казахстан. *Вопросы новой экономики*. 2014. № 3. С. 50–54.
Тематика: экономические науки.
6. **Немов Я. Н. Формализация модели нарушителя в системе физической защиты объекта ФСИН России. Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-5. С. 50–54.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Немов Я. Н. Модель нарушителя и стратегий его действий в системе физической защиты объекта ФСИН России. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2015. № 2. С. 187–195.
Тематика: физико-математические науки.
7. **Тимченко А. Г. Вербализация сторон света в русских говорах Красноярского края (бинарные оппозиции «восток-запад», «юг-север»). Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4. С. 175–178.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Тимченко А. Г. Вербализация сторон света в русских говорах Красноярского края (бинарные оппозиции «восток-запад», «юг-север»). *Филология и культура*. 2015. № 1. С. 96–100.
Тематика: филологические науки.

Подписано к печати 30.09.2022.

Дата выхода в свет _10.2022.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 15,07. Уч.-изд. л. – 15.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.